

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 1 (3) - 2021

Нравственно-культурный и просветительский журнал
молодых авторов 16-40 лет
Живетьев Максим Аркадьевич
Молодежное литературное объединение «Азъ-Арт»
при Иркутском Доме литераторов
Иркутское региональное отделение Совета молодых литераторов
Союза писателей России
При финансовой поддержке Министерства культуры и архивов
Иркутской области

Содержание

<i>Слово редактора</i>	5
Анатолий Байбородин. «...И чувства добрые я лирой пробуждал»	6

Проза

Игорь Корниенко. <i>Змея кусает себя за хвост</i>	10
Сергей Ночевой. <i>Жвачка</i>	42
Константин Максимов. <i>Люди особой нежности</i>	95
Вероника Смирнова. <i>Неврастения</i>	102
Михаил Тепляшин. <i>Время рассвета</i>	136
Владимир Клейнерман. <i>Газоанализатор</i>	144

Поэзия

Марина Ножнина. «По снежным улицам вековым...»	36
Наталья Добаркина. <i>Енисейск</i>	39
Владимир Юрьев. <i>Узюм-река</i>	61
Никита Ноянов. «Светился кольцами, клочками...»	66
Артём Морс. «Там, где улица Карла Маркса упирается прямо в реку...»	79
Максим Булдаков. <i>Гусеница</i>	91
Кирилл Радченко. «У клетки приморской забитые светом углы...»	149
Анна Желтоногова. «Звучи, любовь, дождём весенним...»	151
Максим Живетьев. <i>Марал</i>	155
Милена Минина. <i>Лихое слово</i>	157
Юлия Кондратьева. <i>Июль</i>	161

Миниатюры

Дарья Головина. Огонёк.....	71
Надежда Онищенко. Самое доброе утро.....	77

Визитница

Анна Светлая. «Деревя красит в цвет багряный...».....	113
Виктория Кривицких. «Под неожиданным дождём...».....	115
Екатерина Яковлева. Ничто.....	116
Александра Захарова. Отражение.....	117
Даниил Колодин. Пишу я мало.....	119
Алексей Ретивых. «А годы... тихо уплывают...».....	120
Евгений Ворожцов. Сопричастность.....	121
Вадим Чавкин. «Ты открываешь его вновь и вновь...».....	125
Елена Макарова. «Жёлтая листва. Под ногами шелест...».....	126
Алевтина Козьмина. «Ветреные мотыльки...».....	127

Детская литература

Садиг Мамедов. «Шишки разгрызает белка...».....	131
Владимир Юрьев. На маленьком острове.....	135

Весна драматурга

О конкурсе.....	170
Михаил Кривенко. Без чувств.....	172
Екатерина Сереброва. Обычный человек.....	180

Поэзия в прозе

Наталья Карпова. «Прижимаясь к теплу, стану слушать, как велика Москва, где живут 12 апостолов...».....	184
Татьяна Лубнина. Графология.....	189

Критика и литературоведение

Светлана Шергина. Марина Ножнина – мечтатель и творец.....	191
Любовь Головина. Стихи-электричка, увозящая к первоистокам.....	193
Юрий Харлашкин. Впадая в Байкал, разжигать интерес к деталям.....	198
Владимир Юрьев. Два взгляда на Байкал.....	201
Елена Жданова. Оттенки власти.....	203
Назира Сухих. Чтобы жить.....	207
Карина Стребкова. «Рэп» в стиле лирики.....	209
Юлия Шубенко. И жар на пальцах, как от бабушкиной печи.....	211

Палитра времени в пьесах Вампилова

Эдуард Буров. Между прошлым и будущим в пьесе Александра Вампилова «Прощание в июне».....	213
Виктория Карелова. Блуждание во времени: «Прошлым летом в Чулимске» Александра Вампилова.....	217
Анна Петрова. Законы вечности в пьесе Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске».....	222

О рассказе Альберта Гурулёва «Ель»

Карина Стребкова. Мерцание чуда.....	225
--------------------------------------	-----

Полина Козлова. На границе времени.....	226
Ирина Зарубина. Созвучия и столкновения.....	227
Дарья Желвис. Быть счастливой.....	228
Дарья Гущина. Щемящее чувство пустоты.....	229
Аслан Бабаев. Кружение жизни.....	230

О сборнике «Через войну»

Карина Стребкова. Кто я?.....	232
Полина Козлова. Метафора и реальность Освенцима.....	234
Дарья Желвис. Звёзды собачьих глаз.....	235
Светлана Соловьёва. Сближение миров.....	237
Аслан Бабаев. Недетская/не детская вина.....	239

О прозе Андрея Антипина

Карина Стребкова. Драгоценный прах.....	241
Светлана Соловьёва. Несмотря на трагизм.....	243
Дарья Желвис. Быстрое детство.....	245
Аслан Бабаев. Заметить «мелочи».....	247
Ирина Зарубина. Кто заботится о солнце.....	248

Интервью: Юрий Фофин

Елена Жданова. Время перемен.....	250
-----------------------------------	-----

Гость номера: поэзия

Илья Новиков. Знамение.....	257
-----------------------------	-----

Гость номера: проза

Евгения Декина. Пикап.....	275
----------------------------	-----

Эссе

Ирина Железняк. Жить.....	280
Надежда Онищенко. Ребята, не бойтесь говорить.....	282
Екатерина Чупракова. Свет надежды.....	283

Посвящается... Надежде Ярыгиной

Максим Живетьев. По следам Надежды.....	285
Надежда Ярыгина. «В день рождения стану старше...».....	289

События

Юлия Морозова. По следам кандаурских мальчишек.....	297
Максим Живетьев. О круглом столе «Молодая литература Иркутска».....	301
Владимир Чижиков. «АЛО – пишите правильно!».....	304
Константин Максимов. Зиминское молодёжное литературное объединение «1 ТОМ».....	307

Слово редактора

Вышел в свет очередной, третий, номер нового литературного журнала Иркутской области. Теперь можно с уверенностью сказать: по-настоящему областного журнала. Для этого достаточно взглянуть на географию представленных на его страницах авторов: Ангарск, Бодайбо, Братск, Ербогачен, Зима, Усолье-Сибирское, Тайшетский, Иркутский и Черемховский районы – и, конечно, Иркутск.

Открываем этот номер рубрикой «Проза». Яркой и неординарной личностью в современной российской литературе – Игорем Корниенко, он поднимает острые, очень сложные нравственные проблемы, заставляет задуматься о таких вещах, о которых не все решаются говорить, а тем более писать. Ему всегда удается сохранить баланс между здравым смыслом и актуальностью затрагиваемых в творчестве тем, и с хирургической точностью погрузить читателя в вечные проблемы человечества в их сложной полемике и глубоком философском дуализме, о том, как мы жили, живем и как быть дальше. А это – сложная и высокая задача, с которой Игорь блестяще справляется.

Из авторов от двадцати до сорока лет включительно отдельного внимания заслуживают прозаики Сергей Ночевой и Вероника Смирнова, из поэтов – Юлия Кондратьева. Впрочем, рубрика «Поэзия» в номере довольно объемна. В ней каждый сможет найти себе автора по вкусу.

Темы журнала по традиции разнообразны. Тем не менее, 2021 – Год Байкала в Иркутской области. Потому внимание к Байкалу и к Иркутску – особое. Коронавирус продолжает влиять на нашу и так непростую жизнь, и мы проявляем пристальный интерес к авторам, пишущим на врачебные темы, по возможности стараемся проявить чуткость к медицинским работникам.

Новый год жизни журнала – обновленный формат. Из принципиальных отличий на 2021 год – публикуемый один представитель старшего поколения на номер (для примера молодым и обмена опытом) относительно молод: чуть за 40 и не старше 50 лет; и непременно из области, но не из столицы региона. А рубрику «Страницы истории», ранее отданную поэтам-фронтовикам и приуроченную к 75-летию юбилею Великой Победы, тоже обновили и назвали «Посвящается...» и теперь публикуем в ней недавно ушедших писателей, немало времени отдавших воспитанию новых поколений творческой молодежи.

Благодаря прошедшему в 2021 году конкурсу «Весна драматурга» на страницах этого номера наконец-то появились пьесы, причем, что отрадно, молодых авторов.

Рубрика «Критика и литературоведение» пополнилась текстами студентов-филологов Иркутского государственного университета с их свежим мнением на творчество иркутских писателей.

Гости номера: поэт Илья Новиков (Абакан) и прозаик Евгения Декина (Москва), которые в представлении не нуждаются.

По результатам Химок-2021 публикуем интервью иркутянки Елены Ждановой с молодым писателем из Челябинска Юрием Фофиным.

Кроме новой рубрики «Интервью» представляем еще одну – «Детская литература» со стихотворениями Садига Мамедова и Владимира Юрьева для самых юных читателей.

В рубрике события продолжаем рассказывать о молодежных лито области. На этот раз из городов Зима и Ангарск.

Особой гордостью номера является снова рубрика «Поэзия в прозе», в которой напечатаны авторы, своим творчеством демонстрирующие отсутствие четкой границы между прозой и поэзией и их взаимное перетекание друг в друга.

А вначале приглашаю ознакомиться с посланием известного иркутского

Главный редактор – **Максим Живетьев**
Заместитель главного редактора – **Юрий Харлашкин**
Редактор – **Екатерина Куйдина**
Корректор – **Екатерина Куйдина**
Верстка и оформление – **Ирина Железняк**

Редакционный совет

Андрей Антипин (Усть-Кут)
Анатолий Бимаев (Абакан)
Кристина Кармалита (Новосибирск)
Игорь Корниенко (Ангарск)
Александра Малыгина (Барнаул)
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Елизавета Оводнева (Иркутск)
Юлия Ольховская (Шелехов)
Андрей Тимофеев (Москва)

Редакция оставляет за собой право на редактуру и корректуру рукописей, принятых к печати.
Мнение редакции может отличаться от мнения авторов.

Электронная почта редакции: nik.19@mail.ru
Подписано в печать 11.10.2021 г. Выход в свет 22.10.2021 г.
Тираж 200. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел.: 8-(3952)-23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Форвард», г. Иркутск, ул. Советская, 109 Г, оф. 301. Тел.: 8-(3952)-19-91-10.

© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., составление, 2021
© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., Железняк И. М., оформление, 2021
© Журнал «АЗЪ-АРТ», №1, 2021

писателя, главного редактора журнала «Сибирь» Анатолия Григорьевича Байбородина. Он выступил с напутствием молодым писателям, нынешним и будущим авторам «Азь-арта».

В добрый путь!

Максим Живетьев

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

«...И ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ЛИРОЙ ПРОБУЖДАЛ»

Напутное слово молодым сочинителям

I

По службе и дружбе полвека читал сочинения юной поросли, рождённые в тихие, печально-обмершие осенние дни, либо в синеватые, раздумчивые зимние вечера, либо короткими, как всполох зарницы, летними ночами. В иных сочинениях, в былые лета начертанных вкось и вкривь на свитках и тетрадных осьмушках, – сон разума, что рождает чудовищ, в иных – довременная душевная усталость и мысли, бездумно списанные с зачитанных хрестоматий, что в одночасье постарели, словно с обложек сорвали кумачовые рублища, обнажив тоскливую пустоту и морщинистую худобу. Тешил мою читательскую душу романтизм и, присущий юности, нравственный максимализм, хотя и жаль, что презирался не грех ближнего, а сам грешник, коего бы любить и жалеть пуще здорового, ибо хвор, да и все мы во грехах, яко во шелках. В эдаком максимализме, круто замешанном на гордыне, одиночестве и презрении к толпе, таилась взрывная разрушительная сила, что в буржуазном веке породила самоубийства и убийства ближних из презрения к ближним.

Из иных сочинений сочился змеиный яд цинизма и национального нигилизма, коя у нынешних мертвотушных торгашей, ростовщиков и чиновников воплотилось в неприязнь к совестливому русскому слову, русскому обычаю и обряду.

Но, слава Богу, избранные сочинения юных дарований умиляли, восхищали ранней сердечной мудростью, сострадательной любовью к ближнему, что уже любовь к Вышнему, и чутко услышанной любовью, цветистой речью русских веков. От воплощения в прозаических сочинениях житейских бед и радостей избранные взошли к осмыслению многовековой народной судьбы, к исповеди и проповеди любви, запечатленной строгим слогом. Дивила блаженная ясность душ, Божиим чудом убережённая в зловещем сумраке, в утробном рёве пресыщенных лихоедеев, в хмельном плаче нищих бродяг, вчерашних трудяг, тоскующих по

родному рабоче-крестьянскому царству-государству.

Рождённое в сердце писателя в сердце читателя возрастёт; рождённое в разуме, лишь разума и коснется; и благо, коли в душе молодого сочинителя – любовь, коя осветит и освятит читательские души. В согласии с сим извечным законом творчества из широкого и пестрого потока молодой прозы и поэзии я, будучи издателем и редактором журнала, просеивал рукописи. Превозносительно выделять в напутном слове некие произведения молодых сочинителей дело неблагодарное, да и жаль отымать хлеб у доморощенных белинских.

Отравленные формальным изыском, по-юношески глупые либо застарело безумные, в коих бес вошел, либо лукавые, служащие сему бесу, – эдакие брезгливо морщились: дескать, веет от опусов и виршей дохлятиной и болотной тухлятиной русского академизма и народного традиционализма. Но писатели и читатели, чующие сладковатый и терпкий полынный дух русской народности дивились тому, что и в поколении, созревшем под владычеством биороботного эгоцентризма, явились писатели, воспевающие любовь.

Даже в одичалые девяностые, когда супостаты похитили народное добро и ёрничали, измывались над русским целомудрием, искушали похоть ветреных, даже в тогдашнем российском сумраке, в житейской скудости и несправии мечтательные юноши и девушки вдохновенно сочиняли стихи и прозу. Если юную душу не палило честолюбие, то сочинение, словно ясный и печальный вздох, словно небесный, божественный восторг, вздымалось из покаянной и ликующей души, жаждущей любви к Вышнему и ближнему, – в сем благословенном случае юным дарованиям можно поклониться, даже если проза и стихи, что явились из-под их пера, неуклюжи и шершавы. Вспомним, как ранешний деревенский паренек, целомудренный и жалостливый, коряво и мучительно объясняется в любви, хотя давно уже возлюбил деву более себя самого. Разумеется, и слово бы высокое, вровень с высоким чувством, но то даровано лишь избранным, чьи произведения близки молитве. Хотя и тихий поэтический дар, подобный шелесту листвы, воспевающий любовь, – уже радость земная и небесная... Горько, когда за хлётким и вёртким словом холод, пустота либо лукавство и соблазн книгочеям.

Память доброго сочинителя, кою распирают впечатления, жаждет выражения, и не в застольных беседах, а в сокровенном сочинении, ибо не имеет выражения, как в былые времена, в величавом устном поэтическом слове. И столь дивны юные дарования, что воистину по Божьему промыслу начинали писательство с откровенного, исповедального душеписания, пусть даже бледным и бедным слогом.

II

В былые лета довелось читать рукописи молодых сочинителей, кои вошли в сборник «Пусть будет музыкой любовь...», довелось разбирать и оценивать сочинения с точки зрения народности – речь не о воспевании сохи и бороны, серпа и цепа, лаптя и сарафана, хотя и сия песнь во славу русскому писателю; речь об изображении души героя в яростном борении света и тьмы, в небесных взлётах и земных падениях.

В сем смысле впечатлила повесть М. П. «Ямской стан», где в сокровенном голосе слышатся века устной и книжной поэзии, коя живет и в русской прозе. Рассказ А. Г. «Украденной имя» – полная житейских страданий и радостей жизнь деревенской бабы от девичества и до седых волос. Рассказ – школа всесветно славленной деревенской прозы, где писатели не вышли из простолюдья, но духом и словом остались в сем простом и добром народе, даже и приобщившись к мировой литературе.

Страдающие журнализмом, скудоязычием, тем не менее, близки русской школе рассказы В. М., которые можно обозначить и старописательским речением *физиологический очерк*, что мастерски сочинял Николай Некрасов. Рассказ «Напасть»: кающийся пьяница Спиридонов, измученная жена, бедовая семья; и в описании горьких будней сочинителя поджидало роковое искушение намалевать картины жизни словно дёгтем, погружая души читателей в унылый мрак, руша божественную гармонию света и тени. И добро, что юный сочинитель пытается одолеть искушение сладостного мрака... Увы, столь редки в нынешней литературе откровенные житейские сказы, ведающие о счастье обывателей, что возвысились над суетными буднями, потаённо, бескорыстно и деятельно возлюбив ближнего, что предтеча любви ко Всевышнему.

Подобное впечатление и о пронзительно печальном рассказе Э. Т. «Письмо» про забытую деревушку, про одинокую старуху, брошенную родом-племенем; но от сказа сего трагического не веет вышеупомянутой беспросветной тьмой. Светлы и целомудрены рассказы В. Ш. о юношеской любви с восхищением, одухотворением мира, но и с муками ревности, робости, со встречами и разлуками. Сказ столь поучителен и душе-спасителен в нынешнее лихолетье, когда юношескую любовь бульварная беллетристика, а тем паче зрелищные искусство опустили *до кустов*.

Если толковать о прочих прозаических сочинениях, что не бездарны, со сложным психологическим рисунком, с яркими сценами и характерами, но от духа и речи сих писаний веет стылой переводной литературой, или, хуже того, дешевым бульварным чтивом.

А коли судить, рядить о поэзии, то стихи юных в отличие от прозы подобраны не по правилу *всякой сестре по серьге*, а по душевной и

поэтической одаренности стихотворца, по степени освоения академической школы русского стиха, что единственный путь к самобытному поэтическому голосу. О избранных стихах можно сказать: *здесь русский дух, здесь Русью пахнет*, и словотворчество не ощущается, в чем краса и сила стиха, но волнуют душу выстрадавшие поэтом, запечатленные чувства, возвышающие души из потёмков к солнечному свету.

И, коль юные дарования мечтают войти в *русскую* литературу, то должны обрести *русскость* в духе и слове. Словом, кроме филологической подготовки необходимо и русское народно-православное самосознание, необходима великая и восхитительная, сострадательная любовь к родному народу, чтобы эту любовь привить книгочеям. Но у большинства молодых литераторов в душе клубится смута, а в иных юных душах, не говоря о либеральной безродности, властвует даже и демонизм, не утаённый, показной.

А с точки зрения литературной учёбы мало разбора рукописи мастерами... Живописцы, прежде чем создавать свои полотна, будучи в картинных галереях, изучали зрительно, постигали душевно и духовно, и даже и копировали произведения великих русских и западных мастеров.

Завершая краткое слово, скажу, что впечатление от юных сочинителей всё же благоприятное, и думается, из эдакой молодёжи, читающей не бульварную беллетристику, а русскую классическую литературу двух столетий, может вызреть созидательное поколение русской интеллигенции. Дай Боже, чтобы постигали и средневековую литературу, что христианским духом сродни святоотеческим сочинениям.

Уроза

ИГОРЬ КОРНИЕНКО, 1978 г.р., Ангарск

Родился в Баку, республика Азербайджан. С 1994 года живёт в г. Ангарске Иркутской области. Окончил Профессиональный лицей № 34 города Ангарска по специальности «Слесарь-ремонтник третьего разряда». Работал корреспондентом, ответственным секретарем, заместителем редактора в различных СМИ г. Ангарска. Прозаик, драматург, художник. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах и журналах: «Дружба народов», «Октябрь», «Сибирские огни», «День и ночь», «Сибирь», «Москва», «Полдень XXI век», «Смена», «Байкал», «Енисей», «Зелёная лампа» и др., в газетах «Культура», «Литературная Россия». Автор книг прозы и драматургии: «Победить море», «Игры в распятие», «Завтрашние чудеса». Лауреат литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2003» в номинациях «проза» и «драматургия», Всероссийской премии им. В.П. Астафьева в номинации «Проза» (2006). Обладатель национальной премии России «Золотое перо Руси» (2005), специального приза жюри Международного драматургического конкурса «Премьера 2010». Лауреат конкурса Игнатия Рождественского в номинации «малая проза» (2016) и Шукшинской литературной премии (2019). Создатель и бессменный координатор литературного проекта «Дебют плюс» в Ангарске. Руководитель молодёжной студии Ангарского литературного объединения «АЛО! Пишите правильно!». Член Союза писателей России.

ЗМЕЯ КУСАЕТ СЕБЯ ЗА ХВОСТ

Рассказ

*Сны возвращают назад.
Мечты подобны снам.
Во снах мечты сбываются.
Наяву?..*

Калитка. Зеленая краска. Перед родительским днем красили вместе с бабушкой, много лет назад. Краска облупилась, покрылась грязными, рваными ранами. Обнажились кости досок, клыки ржавых гвоздей... Щеколда сорвана, но просто так не войти, калитка осунулась, постарела, вцепилась последними силами в землю. Ключья оцетинившейся травы, крапива на страже. Забор, омытый тысячами дождей, больше не похож на крепостные стены замка. Стар, хил, сер. Угрюмо косятся вразнобой доски, поддерживаемые стеблями плюща. Плющ тоже очень старый, нет той сочной, лоснящейся зелени. Прележни сухих ветвей. Залысины...

Тогда же, за несколько дней до родительского, всей семьей белили забор. Пьяненький батя торопил, спрятанная от мамы с бабушкой заначка ждала на заднем дворе между грядками с королевскими помидорами.

– Давай скорей, сына, скоро «В гостях у сказки» начнется.
– Так не воскресенье, какие сказки?!
– Я сам тебе такие истории расскажу, только рот разевать успевай.
И я спешил.

Вишня встречала, низко склонив ветвистую голову над калиткой. Редкие черные переспелые вишни, лакомство детских лет, точками-кляксами смотрели сверху вниз беспросветной, беспощадной чернотой пистолетного дула.

«Предатель». Слышал, как шумят листья старого дерева: «Хватит патронов и на тебя!»

Дорожка у калитки – разбитые плиты. На одном уцелевшем от испытаний временем и войной куске плиты затертая надпись синей краской – слово «МАМА».

«Пусть всегда будет мама!» – написали у врат в семейную крепость с младшей сестрой. Жгучим южным летним днем в цветущую пору жизни, когда все распускается, брызжет красками, благоухает, живет...

«Пусть всегда будет мама!..»

Как заклинание. Молитва о счастье. Произнеси это много-много раз и почувствуй ток жизни. Мама – это жизнь. Дающая жизнь. Мама –

природа! Сад. Искалеченный. Но выживший сад за зеленой калиткой с дряхлым забором.

Он вечен. Страж. Страж человека, оберегавшего его.

Дальше по дорожке к дому – абрикосовое дерево. Сейчас это лишь обрубок, вызывающе, грозно торчащий из сухой земли корявым пальцем, как укор. Памятник человеческой слабости, жестокости.

В тени дерева скамейка. На ней поздними вечерами, когда небо ближе к людям, смотрит яркими звездами в глаза, мы любили разговаривать обо всем на свете. А с появлением телескопической трубы – папа купил в мой двенадцатый день рождения, – затаив дыхание, считали пятна на полной Луне и отслеживали полет звездочек-спутников...

Красили всегда скамейку под цвет калитки, как и заборчик, что тянется вдоль дороги к дому.

Дорога чувств и переживаний. Следы прощаний и встреч. По ней в рождение и в последний путь... Дорога вечная. Бесконечная...

Асфальт в жаркие июльские дни становился мягким, дышал под босыми ногами.

Тогда, в последний день, шел дождь, а в лужах на дорожке не было привычных отражений – ни облаков, ни зеленой листвы...

– Ты уже проводила нас навсегда. Ты знала, – сказал тихо, но все же спугнул одинокого воробья, прятавшегося под дверным козырьком.

Дверь, вечно голубая, со стеклом-окошком посередине, никогда не запиралась в прошлом. Когда можно босиком выбежать из дома, обжигая пятки, пробежаться до калитки и, чтобы без лишнего шума, не тревожа послеобеденный сон бабушки, перелезть через забор на улицу. А дальше в одних шортах, стреляя веснушками в улыбающихся прохожих, бежать навстречу ветру. Подпрыгивать и взлетать. Ноги знали дорогу. Бесстрашно шлепали по колючкам и лужам. Ты был непобедимым. Бесстрашным и сильным, нисколько не обижался, когда называли сушеным Гераклом.

Справа от дома, если стоять к нему лицом, – пристройка, летняя кухня, утопающая в кустах терна и цветах – ромашки, нарциссы, сирень. Теперь здесь пустота. За пристройкой рос страж сада – тутовник. С могучим неохватным стволом и раскинувшимися над домом ветвями. Великан приютил скворечник и качели и терпеливо оберегал с десятков ребятишек в сезон сбора тут. С него, забравшись в дождливый день по мокрому дереву, не боясь упасть, потому что знал, верил, что тутовник не позволит такому случиться, я и разглядел черные стрелы дыма – пожаров начавшейся войны.

Под ногами хрустнуло, спрыгнул с тутовника, вернулся к голубой

двери – серо-грязной, покрытой лишайником.

Тутовника словно и не бывало никогда – выжженная земля, пепел... Стекло веранды из сотни мозаичных стекол тоже нет – их не стало с первыми ударами ракет.

«Земля-воздух», «земля-земля» – до начала беды эти словосочетания были такими привлекательными для мальчишки: завораживающими, интригующими, впрочем, как и все другие военные штуки...

Войнушка с соседним двором, где всегда побеждали «наши», вдруг ожила. Ненастоящее – стало дышать. Палки, выстроганные под пистолеты-автоматы, заблестели металлом. Налились свинцом. Палки стреляли пулями. Палки убивали насмерть.

Сердце, все это время застывшее наравне с дыханием в области души, пробудилось, когда, осмелившись, заглянул в рваную рану окна. Там в растерзанной гостиной под когда-то желтым плафоном лампы собиралась обедать семья. Сейчас – осколки камней и стекла под голубым небом крыши. Но это лишь для невооруженного глаза. Я сразу... даже не я, это глаза прошлого, глаза улыбчивого детства выхватили из хаоса крупицу спокойствия и тишины.

Слоник из набора слонов, выстроенных по росту на шкафу. Маленький, самый крохотный слоник уцелел в битве. В войне.

Желтая капелька солнца смотрит в меня, а я уже ищу ручку двери, потому что знаю: выбить старую дверь не составит труда, только я ввек не сделаю этого. Я закрываю глаза и пролезаю, как делал больше сорока лет назад, в распахнутое окно лоджии, переливающейся разноцветной мозаикой.

Трава вместо привычного бабушкиного коврика, сразу у окна сундук, в нем хранятся вещи деда. Атрибуты двух войн. Третью, которую пережили мы, дед бы не пережил...

«Свои» не могут воевать со «своими».

Подбираю драгоценную находку. Сердце? Я стал одним большим сердцем. Душой. Я наконец ощутил, что такое – жизнь. Прикоснувшись к тому, что давно считал потерянным, мертвым.

На слонике ни царапинки.

– Прости, – шепчу ему, – седьмой.

По какой-то случайности у нас оказалось два комплекта слоников – на верхней полке между сервизами и чайниками. Обычно слоны стояли клином, знаком победы «V». Лишь подвыпивший отец мог замысловато выстроить их и убеждать нас, что именно так слоны и строятся во время битв.

Мама позволяла папе выпить рюмку-другую, он был главой, опо-

рой, героем... Это потом, когда разлетелась мозаика окон и посыпалась с потолка штукатурка, отец оступился. Капитулировал. Исчез в алкогольном тумане, проиграв войну. Он сдался. Утонул в бутылке и сгинул в конце концов в неизвестности.

Мама и бабуля с двумя детьми (мной и сестренкой) продолжали сопротивление.

И дом с садом встали на нашу защиту.

– Слоник, прости, – губами прикасаюсь к пластмассовой горячей плоти. – Теперь мы вместе. Снова.

Прячу уцелевшего седьмого в левый карман, поближе к себе, и делаю шаг в гостиную.

Слева зал и спальня родителей, там всегда наряжали елку и принимали гостей. Елка переливалась огнями, наполняя зал и наши сердца праздником. Чудом.

Туда и подселили по указке народного фронта первых квартирантов войны, молодого капитана с женой, которые с трудом говорили по-русски.

По ним пришелся первый удар.

Дворовая змея – гюрза коричневого цвета, больше метра длиной, судя по сброшенной коже, которую не раз доводилось находить в укромных местах сада и построек, дух дома. Бабушка верила, что это предок семьи – охранник очага и хозяин двора. И рассказывала, что Бог наградил змею, увенчав ее голову короной, за то, что та спасла Ноев ковчег, хвостом заткнув в нем дыру.

У нашей змеи действительно была такая корона, черная, почти фиолетовая. Запомнил я на всю жизнь нашу случайную молчаливую встречу под виноградником на заднем дворе. Я мочился в траву, а змея, видимо разбуженная моим вторжением, медленно уползала между ног к густым зарослям ежевики у забора.

Я не успел даже испугаться, только когда чешуя исчезла совсем, натянул шорты и бросился к дому.

– Надо же, пописал на дух предков...

Испугался я в ту первую ночь с квартирантами. Они заняли зал и хозяйничали там, передвигали мебель, вносили вещи, говорили на тарбарском, а ночью дом разбудили нечеловеческие крики.

Бабушка потом рассказала, что молодая жена проснулась от громкого шипения, она зажгла свет, а на решетке, во все окно, изогнулась наша гюрза.

Успокоила квартирантов бабушка, чаем напоила. Но на следую-

щую ночь история повторилась. И на следующую...

Съехали же они, когда капитан с женой проснулись, а между ними вытянутой струной – змея. Лежит-полеживает. В чем спали, так и выскочили из дома оккупанты. И ни в какую, наотрез отказывались возвращаться за вещами.

Помогал отцу собирать пожитки квартирантов войны, радуясь освобождению, и про себя, и вслух благодаря духа семьи, и извиняясь за тот случай на заднем дворе.

Счастье было недолгим, в город вошли войска, в дом солдаты.

Виноградник поселился в детской – она сразу за гостиной. Дикий, похожий на веревки-канаты, с коричневыми листьями и сухими плодами, он стелился по исчезнувшему паркету, кроватям, книжным полкам... Слева от входа, напротив печки, была моя кровать, дальше – сестры. У большого, во всю стену окна – письменные столы. С настольными лампами и карандашницами... За окном, на железных подпорках, – зеленым сводом виноградник. Пара прыжков, и вот они, гранатовые деревья.

Осенними ночами в теплой кровати любил слушать, как лопаются переспелые плоды граната.

Деревья просыпаются, когда люди спят. Только пес Рекс становился редким свидетелем бессловесной и непонятной перебранки.

Сад разговаривал в темноте – шорохом, шелестом, скрипом... Главный голос был, конечно, у старого тутовника, но старик спал вместе с домом. И за главного становился взрослый гранат – громкий, настойчивый, требовательный. С ним мог соперничать абрикос, но из скромности отмалчивался. Спорили два дерева алычи, кислая зеленая и красная сладкая. Айва пыталась докричаться с дальнего угла сада. Слива тогда, вместе с молодыми саженцами груши и яблока, просила быть благоразумными и не будить домашних. Вишни-скромницы, они со всеми соглашались. Инжир, мудрый и рассудительный, всегда прекращал споры на рассвете, и сад засыпал с первыми лучами, когда бабуля выходила во двор с поливочным шлангом.

Гранатники, три дерева в самом сердце сада и дома, разметили маршрут нашего отступления. Мы уходили. Сад и дом отпустили нас. Стены дома-крепости уже не могут защитить, и деревья не прикроют, не скроют, не спасут...

– Вы отпустили нас, – смотрел на уцелевший кусок стены дома – здесь висело зеркало, с помощью которого я ходил по потолку. Незабываемые ощущения, когда смотришь в отражение и боишься наступить

на желтый плафон в гостиной. Когда каждый шаг как в неизвестность. В начало. Начало конца.

И мы бежали, оставив сад и дом биться в одиночку.

На прощание абрикосовое дерево день за днем наливалось новыми плодами, не успевали их собирать. Ветки ломались под натиском огненных мини-солнц. Безжалостно абрикос махал нам, ломая и калеча себя.

Слива возле летней кухни засохла за одну ночь.

Попадали замертво птицы из скворечника на туге.

Дворовая змея не выползла, и кончик хвоста не показала нам на дорожку. Дух остался с домом и садом. Остался ждать.

Мне часто потом снилось, как она ползет вслед за уезжающим авто. Как умирает посреди шоссе, раздавленная грузовиком, но нас не оставившая. И я просыпался в ночи, и плакал, и не мог себе простить это бегство, и не мог ничего изменить...

Я ожидал, что на стене из трещин, обтянутых зеленым мхом, сложится слово «ПРЕДАТЕЛИ». Но вместо этого мох покрылся россыпью белых, словно рассыпана манная крупа, цветков.

Перешагиваю через дымоходную трубу; зимой, если подняться на задний двор, можно было увидеть застывший в морозном воздухе дымок, и я думал, что вот так человек соединяется с небом.

Иду, а на меня спасительным призраком ложится влажная тень от виноградных листьев.

Иду к одному уцелевшему гранатнику.

Поравнявшись с голыми ветвями дерева-скелета, замечаю крепко сбитый, коричневый плод с кулачок ребенка на самой дальней ветке.

«В самом небе».

– Я вернулся, – тихо говорю дереву-любимцу. – Я знал, ты выстоишь!

Подул ветер, всколыхнул волосы, воспоминания.

Мама просила нарвать ей алычи для компота.

– Покрасней которые! – кричала вслед.

Алыча была соседкой троицы гранатников. Я спешил на улицу, было совсем не до алычи и компота. И все бы закончилось для меня очень и очень плохо, может, и переломом позвоночника, и вечностью на инвалидной коляске или... Но, когда, соскользнув с опасно высокой ветки, я летел вниз, веером над собой рассыпая собранную алычу, молодой гранатник потянулся ко мне, и, вместо того чтобы упасть спиной на землю, я куклой повис на его когтистых ветках.

– Он тебя спас, наш гранат, – пробовал компот отец.

Мама снова шлепала меня, всхлипывала. И только маленькая сестра ничего не понимала.

Бабуля, как стемнело, долго ходила вокруг гранатников. Разговаривала с деревьями. Молилась.

– Ты ведь меня тогда спас, верно?! – сказал и потряс ветви в надежде, что собью уцелевший гранат.

Вишни не смогли дать отпор солдатам, когда безликие, в камуфляже цвета хаки, с оружием наизготове те один за другим вошли в зеленую калитку. Деревья хлестали ветками по каскам. Стреляли косточками – выбили несколько захватчикам глаза. Воины ломали кирзачами плиты на дорожке к дому. Черными шрамами изрезали надпись – посвящение всем мамам!

Победно вошли в дом, гогоча и хрюкая. Били посуду, зеркала, выбрасывали книги... Крошили жизнь. Увечили...

Слоны бросились в бой со шкафа, но проиграли в неравной схватке, раздавленные солдатскими сапогами.

А с наступлением ночи, когда люди и нелюди спят, сад с домом разработали план атаки.

Тутовник рухнул с рассветом на палатки солдат. Им не хватило места в доме, и они разбили лагерь на помидорных грядках под могучим деревом. Первый лучик солнца стал сигналом к действию, гулко вздохнув, великан заключил в объятия незваных гостей. Оставив под собой кровавое месиво. Раненые и кто уцелел выползали из-под кусков дерева, тут их и поджидали хлесткие лианы виноградника...

Следом за главой сада обрушилась крыша дома.

Оставшихся в живых врагов добивали гранатники. Взрываясь гранатами. Кроваво-алыми смертельными вспышками, взрывами окрашивая рассвет.

Размечая, как делал я не раз в контурных картах по истории и географии, красными стрелками и штрихпунктиром наше отступление на север.

– Ну вот, я вернулся, я бы все равно вернулся, – оправдываясь, сказал уцелевшему гранату. – Алычи, твоей соседки, нет. Так посадим новую. Подружитесь. И тебе найдем приятелей. Ничто не проходит бесследно. Все уничтожить не сможет ни жизнь, ни смерть. Что-нибудь да останется... И кое-что, но можно вернуть. Воскресить!

Обернулся. Увидел боковым зрением какое-то движение среди травы, и екнуло сердце: жива!

Дух дома, он ведь бессмертен!
И в подтверждение надо мной брызнул красным салютом последний выживший гранат:
– Здравствуй!

АЛАВЕДЕРЧИ. Петрушкина азбука

Главы из повести

Курорт и некоторые его обитатели

Кладбище возвышалось над поселком. Мертвые сторожили живых. У нас его называли курортом, не все, но многие. Бабушка говорила: им, – имея в виду мертвых, – там, как на курорте, тишина, лежат себе, покоем наслаждаются, вдали от проблем житейских и будней быта.

Для нас, мальчишек, походы на могилы родных тоже сродни поездке на курорт. Я обожал ходить с бабушкой по выходным на могилу к деду и остальным. Мы уходили на целый день, и не было ничего прекрасней вареного яйца, очищенного грубыми от непрекращающейся работы, мозолистыми руками бабушки, съеденного за столом в тени кладбищенских, ой, курортных, кипарисов. Вкусней яйца я не пробовал. Здесь все менялось: вкус, запах, цвет, ощущения... Наверное, отправься в другую, далекую страну, скажем, в Бирму или Гренландию, чувствуешь то же самое.

Уже у подножия курортной горы понимаешь, что тропинка вверх уводит тебя от реальности в другое место. Из зеленой травы стреляют кузнечики и красные маки вспысками-кляксами. Маки здесь кровавей, а кипарисы печальней. Во время цветения ветер стряхивает серо-желтую пыльцу с хвои, и вот тогда ты попадаешь в призрачный мир жителей курорта. Оживают тени, сильнее слышны шорохи невидимого присутствия...

На курорте всегда много работы, в номере деда, ушедшего отдыхать еще до моего рождения, работ невпроворот всегда, говорит бабуля: покрасить ограду, столик с двумя скамейками, повыдергивать колючки с сорняками, побелить...

Бегал, петляя узкими дорожками между могилами-номерами, в начало курорта к бочке с водой, громко стуча алюминиевыми ведрами. Не потому, что боялся тех, кто теперь уже ничего не боится, тех, кто таится, кто невидим... Так я ощущал себя живым, гремел ведрами, отмечая свое присутствие. Живое присутствие. Пугал сонных птиц, бродячих собак и кошек.

Черная, ни пятнышка кроме черноты, кошка – частый гость в но-

мере деда. Как и странный туман-облако, что не раз приходилось наблюдать. Она появлялась из воздуха, обходила обязательный круг вокруг сонного ложа дедушки, забиралась на ограду. Следила глазами молчаливых обитателей за тем, как мы суетимся.

Отец утверждает, это хозяйка кладбища. Он не говорит «курорт», он нарочито подчеркивает смерть. У него: могилы, покойники, трупные дела, мертвая вода... Бабушка крестит его. Ничто не уходит бесследно, – говорит, – и камни своей жизнью живут, и почившие...

Черная надзирательша исчезала, как и странный туман, незаметно, была – и нет. А к гостинцам дедушки прибавлялось блюдце с молоком.

Первого гостя увидел под вечер, вернувшись проверить калитку (бабушка строго наказывала оставлять ограду открытой). Серебристая змея свернулась кольцами вокруг блюдца, пила. Замер не от испуга, остановила с открытым ртом неожиданная раскраска змеи. В лучах закатного солнца, пробившихся сквозь мохнатые ветки курортных кипарисов и елей (лучи можно пересчитать, если задаться целью), шкура переливалась, искрилась, гипнотизировала. Да, да, именно так, кольца прищелицы, как нефтяное пятно, извивались радужными пятнами – вихрями, заманивая в свой круговорот, обездвиживая, путая мысли...

Кошка прыгнула, словно с неба, разбила змеиные чары. Невидимыми мягкими кошачьими лапами она толкнула меня в грудь, убегая, успел краем глаза увидеть, как змея раскрученной пружиной отлетела за ограду, в неизвестность. А догнав бабушку возле бочки с водой у ворот, решил, что все это привиделось, разноцветные кольца хула-хупа скакали перед глазами, я никому о странной встрече-поединке не рассказал.

Много лет спустя я встречу эту змейку, застывшую браслетом, но узнаваемую, на тонком белом запястье одноклассницы, и в этот раз не будет кошки-спасительницы рядом. Змеиные чары увлекут, лишат рассудка, лишат воли, силы... сделают сентиментальным дураком. Это будет самая настоящая любовь на букву «з».

Буду я беззащитным, безоруженным, зависимым... Зачарованным...

Будущее возможно увидеть, главное – знать, куда и как смотреть. Разглядеть в гипнотических кольцах змеи, в трещинах на асфальте, в облаках... в счастливом вечном времени детства...

Задание

По школе пронесся слух, в парке объявился человек с гусиной лапой.

Опоздавший школьник, из первоклашек, видел, как он прыгал по

елям.

– Будете на уроки вовремя приходить, – наша классная руководительница временами была действительно классной, – Мухин, случаем, не с ним заодно в ловитки играет, школу прогуливает?..

Я знал, что Серёга договорился о встрече с директором кладбища, а еще...

– Алтаев, тебе поручение, даже задание, двойное. До завтра узнать все о человеке с куриной лапой, – класс взорвался хохотом. – Что такое? Что я не так сказала? – класс поправил. – Гусиной, куриной, да хоть павлиньей лапой, – стараясь сохранить строгий тон, продолжала Светлана Александровна. – Итак, Пётр, твоя задача выяснить, что это за пугало и не замешан ли в этом безобразии твой друг Мухин.

6-й «а» класс снова превратился в палату номер 6.

– И ты смотри, Петя, не поддайся их влиянию, а то знаю я вас, чуть что, так давай с радости по деревьям скакать...

Тут она была права, наше последнее изобретение в сфере игр и развлечений – ловитки на дереве, хит летне-осеннего сезона.

Ловитки

Треугольник – место в нашем дворе, где происходили основные события жизни. Местами асфальтированная дорожка, в метра полтора длиной, четко очерчивала границы детства. По тропинке после сумерек прогуливались парочки, готовящиеся нарушить границу, бежать, перейти на сторону врага. А что есть взросление, если не противник детства?..

Неизбежно враг подступал, отвоевывая территории и лучших бойцов...

Лёха Чемпель станет первой жертвой из нашей банды. Будет долго метаться между двух сторон границы, наконец, сдастся. Как-то вечером вместо ловиток отправится гулять по треугольнику под ручку с Олей Рожковой.

– Тяжелый я для ловиток на дереве, – скажет в оправдание. – Сколько можно падать? – напомним о своей руке в гипсе трехмесячной давности и недавнем удачном падении на гору из ранцев. Впрочем, для ловиток с мячом он тоже оказался вдруг негодным:

– Крупный шибко, в меня легче попасть, да и бегать с мячом, что Рожок скажет?.. – Это он так Ольгу называл ласково, ага.

Слово «предатель» повисло на ветках деревьев, как будто специально высаженных для игры в ловитки в ряд по периметру треугольника.

«Перебежчик» – протрещали ласточки. «Взрослый» – шуршал ветер в кронах и высокой траве.

Взрослый – это не страшно, ну что такое, все становятся рано или поздно... Но так не хочется так скоро расстаться с Вечностью...

Двенадцать лет, тринадцать, ну еще годик, а задержаться в мире, где ты бессмертен и счастлив. Где ты бог.

– У меня другие ловитки, – грустно отшучивался Чемпель, кличку эту он унесет с собой за границу треугольника и дальше до самого курорта. Воспоминания – в точности, как гипс со сломанной руки, исписанный пожеланиями скорейшего выздоровления, в рожицах и черепаках, – снимутся, переберутся сначала под кровать, потом в чулан. Выбросятся со временем. Забудутся. Сотрутся из памяти, сотрутся в пыль.

Другие ловитки – гонка за деньгами, удовольствием, работой, уважением, любовью, счастьем...

Мы отправились на деревья играть, где одно из условий, самое главное – ни в коем случае не касаться земли. Прикоснулся – пропал. Выбыл. Чемпель коснулся, Чемпион проиграл в соревновании с названием жизнь. Вечность больше не для него.

Он стал простым смертным. Как многие, как все, за границей 14+.

Чёрный час

Конечно, школа не менее опасна, чем курорт, просто не все учителя знают историю про госпиталь. Может, Сансанна в их числе.

Во время войны в школе размещался военный госпиталь, раненые умирали, тела хоронили в рощице за школой, а неупокоенные души остались в стенах заведения. И дают о себе знать время от времени.

В кабинете литературы, например, раз были перевернуты все портреты классиков лицом к стене. А это, как минимум, три метра высоты.

Или, было дело, ночной сторож дядя Саша рассказывал, как услышал, чего вовек не забудет. Он каждую ночь что-нибудь да слышал.

– Но в этот раз, – крестился пенсионер, – я и с чекушки пригубить не успел, а со стороны черного входа, там лестница в подвал, стон долгий, протяжный. У-у-у... Два круга секундная стрелка на часах в холле сделала, пока стон не оборвался, и тут же крик, явно мужчины, а в крике слова разобрать и прислушиваться не надо. Где моя голова?! Пришейте голову назад! Отдайте мою голову! Где голова?! И все в таком духе. Я уже сбился со счета, сколько кругов стрелка секундная намотала, от крика оглох, сплошным эхом стенанья обратились. Крестился, молился, успокоительное все с чекушки выпил, видно, под ним и уснул. А проснулся ни свет ни заря, и в подвал, страшно до жути, но обязанность вынуждает. Спустился, а там все стены и потолок в крови, это я сначала подумал, чуть сердце в руки не выскочило. Краска то была, эмульсионка, половина банок раску-

рочена, будто взорвались сами по себе. После этого попа и пригласили освятить школу, только по секрету, время было такое...

Была еще история о пропавшем мальчике-хулигане, курившем на чердаке. Будто забрался как-то в неподходящее время, в черный час, и сгинул, исчез бесследно.

Вывод – курение опасно. Можешь пропасть без вести. Я еще не отошел от разговора с классной, как по школе пронесся слух: в парке по дороге в школу пропал мальчик.

Подобные слухи не новы, и я не очень-то и внимание обратил, пошутил:

– Может, докурился папан?..

Напряжение – это не ток в проводах, оно в голосах учителей, старающихся скрыть тревогу. Волнение не в море – в учительской, за запертой дверью.

На большой перемене шушукались: мальчика нашли в старой части парка в туалете, в тяжелом состоянии увезли в больницу. Мальчик будто сам выполз на дорогу с перебитыми ногами и переломанными ребрами.

– Лапа начал охоту, – говорили.

Старшеклассники своими предположениями не делились, но сестра Чемпеля, ни в жизнь с нами не разговаривавшая, вдруг подошла, мы сидели под лестницей у спортзала, сказала, чтобы не вздумали шляться в парке, лучше обходите парк дорогой, и где ваш рыжий? По одному не ходите, не бродите. Одиночка – потенциальная жертва маньяка.

Вот оно – маньяк. Молча переглянулись, типа вот и ответ.

– Я Муху предупрежу, – сказал я. – Рыжего, – добавил.

Сестра Чемпеля кивнула, отошла.

Как всегда не вовремя, прозвенел звонок. И обсудить тему маньяка мы не успели, а в конце дня все говорили про чудовище и комендантский час.

Черный час – это даже не час, некий промежуток времени, не подчиненный этому самому земному времени, когда происходит что-то из ряда вон. Разрез между миром живых и миром потусторонних в черный час приоткрывается, как сковырнуть зажившую рану, и вытекает нечто, что не поддается разумному объяснению...

Комендантский час был всегда, негласно, сегодня же его озвучило радио и телевидение. С наступлением темноты несовершеннолетним запрещено появляться на улице без сопровождения взрослого. Черный час стал реальностью. Проявился, выпустил чудовище...

После ужина смотрели телевизор, из-за поднявшегося ветра антен-

ну штормило, и отец злился, потому что закон подлости срабатывал, изображение пропадало в самый интересный момент. Смотрели фильм про войну. Смотрел, впрочем, один папа, мама убирала со стола, я на ковре делал вид, что читаю энциклопедию, на самом деле ждал звонка от Мухи.

Кино прервал спецвыпуск местных новостей. Я стал одним большим ухом.

Сообщение диктора о введении часа бодро комментировал папа и корректировали помехи.

...Пострадавший третьеклассник в состоянии... реанимации... Не первый случай в городе... С 21 часа... Чудовище... окрестили средства массовой...

– Я сколько лет говорю, дети с пеленок шляются без присмотра. Раздолье маньячное. Сам бы стал таким от такого соблазна. Слышь, Петь?.. Как тебе – батя-маньяк, а? – стукнул меня ногой по плечу: – Ты, поди, сразу сдал бы меня, Павлик Морозов наш, – развалился на диване, снова попытался достать меня ногой, я отодвинулся.

– Какой из тебя маньяк, – усмехнулся.

– Так ты бы и не знал, думаешь, у этих психов нет семей? Да все они семейные, вот и крыша съезжает от бытовухи.

Мама вернулась недовольная, видно по лицу и голосу:

– Что, совсем оба уже?.. Тему для разговора больше не нашли... У людей горе. Не дай Бог никому.

Телефонный звонок, и в один миг меня нет в зале. Я уже держу трубку телефона и сквозь страшный треск и помехи слышу голос друга.

Муха сказал:

– Завтра.

Связь оборвалась.

Звезданутость (Эхо)

Ближе к вечеру собрались все в гараже у Чемпеля. Место машины давно заняли самодельные тренажеры, подвесные гири, скамейки со штангами, две боксерские груши...

– Батя собирался новую иномарку покупать, – как бы оправдывал появление собственноручно собранных качалок Лёха, – да все никак, а старую «Волгу» продал, – вздыхал, терзая эспандер, Чемпель.

Он рассказал, услышал от сестры, что старшеклассники с родителями собрали отряд добровольцев, патрулируют вокруг школы и парк. А еще, что задержаны подозреваемые.

Настроение по погоде, веселье на нуле, лишь дождь бомбит, не уставая, и одно на всех желание – забраться поскорей под одеяло...

Сегодня ночевка у Мухи, его мать позвонила моей, сказала, что это единственный способ нормально пообщаться с сыном.

Они жили возле треугольника, на втором этаже двухэтажного дома, в трехкомнатной квартире. Комната Серёги была соединена с застекленной лоджией, и летом мы проводили все время там, у распахнутых окон перед бесконечным звездным небом. У самого начала Вселенной – так мы считали.

Мы давали свои названия созвездиям и звездам, а на следующую ночевку, конечно, не могли их вспомнить и придумывали новые.

Как и полагается, у каждого было по несколько собственных созвездий с нашими именами и фамилиями. Созвездие Мухи Бессмертного, например, или Петрушкин Клык. А уж над названиями звезд как мы изгалялись...

Смеялись, бывало, до слез, и небо становилось ближе. Оно проникало в нас всей своей громадиной, опрокидывалось, заполняло. Хотелось прыгнуть с лоджии в полной уверенности, что не разобьешься, что ты – часть неба... Звезданутость оставалась в нас надолго, и во сне, где летать в порядке вещей, и наутро еще ощущалось ее присутствие больным, как после занятий на пресс, животом, и легкостью в походке: подпрыгни и взлетишь к потолку. Думаю, звезданутость остается в нас до конца. Потом мы отправляемся на небо и сами становимся звездами, а на Земле остается эхо нас. Наше эхо.

Сигналы

Жареная гречка хрустела поломанными плексигласовыми висялками, но, несмотря на это, была хороша. Закидывали горстями прямо с горячей сковороды, обжигая язык и небо, перебрались на лоджию. К этому времени тетя Кристина успокоилась, не икала, лишь изредка вздыхала, глядя на нас:

– Не спешите взрослеть, мальчишки, в этом нет ничего хорошего.

Из распахнутых окон виден угол треугольника, там по обыкновению мы жгли костры. А когда не было звезд, как сейчас, поджигали длинные прутья и поднимали над головами крохотные светильники. Творили свои звезды. Оранжевые, голубые светлячки прожигали ночь, рисовали на темном холсте крученые параболы и тайные знаки... Хотелось больше звезд, много, секстиллион секстиллионов, тогда в руках вспыхивали факелы. Разрезая тьму, мы грозили пламенем бесконечному космосу, ощущая себя властелинами планеты, победителями мрака.

– Помнишь, ты сказал, что факелами мы подаем сигнал инопланетянам? – задумчиво сказал Муха, перегибаясь через подоконник.

– Думаю, они видят, как мы им сигналим, – взял зажигалку друга, щелчком сотворил крохотное пламя. – Если бы они прилетели и решили забрать тебя с собой, ты бы согласился?..

Я посмотрел на Муху, профиль серьезный, строгий, взрослый.

– Не прилетят, – профиль обернулся анфас. – Да и не нужен я им. Тут никому толком не нужен, на Земле, а на небе тем более. Космос не для нас. Не для меня точно.

Погас маячок Мухи, нет сигнала, он растворился мгновенно в темноте.

– Буду сигналы под землю посылать. С мертвецами, в гробах, записки с вопросами всякими, о том свете, о жизни там и тут, про черные дыры спрошу обязательно, и эликсир бессмертия... Они ведь там все уже знают, вот пусть поделятся со мной. Засыплю их записками-сигналами и рано или поздно, – Сергей подмигнул мне, – и рано или поздно кто-нибудь ответит.

И ясной четкой картинкой в проеме открытого окна – Муха, бегущий и обгоняющий поезд.

На человеческом языке

Ощущение, что это последняя наша ночевка, не покидало с той минуты, как переступил порог квартиры, оно было и раньше днем, и утром. Оно поселилась с того момента, как мама сказала про звонок тети Кристины:

– И чего вам, мальчишкам, не жить дружно с родителями? – мама сделала что-то с голосом, он зазвучал тверже, настойчивей: – Ведь все ради вас и делается. Столько сил и нервов, столько всего... Серёжа рано столкнулся с реальностью. Развод, суды, обвинения, то папа плохой, то мама злоупотребляет чрезмерной заботой... Мне честно жалко вашего Муху и радостно, что ты на его стороне. Завтра отправляйся на ночевку, но обещай не курить.

Вот за это я обожаю маму! И за много чего еще!

Поэтому, переполненный тоской, лег к Мухе с тетрадкой, исписанной каракулями, моим новым рассказом-ужасиком про то, как в одном, конечно же, американском городке, у нас бы сроду ничего такого не случилось, заговорили домашние животные.

Муха слушал, заложив руки за голову, уставившись в потолок, и не дышал, пока пожилая пара убивала друг друга после прослушивания сообщений, оставленных на автоответчике их шестнадцатилетним котом. Кот поведал об обоюдных изменах стариков, рассказал в деталях, где, когда, как и с кем.

История заканчивалась хэппи эндом для всех животных. Люди уничтожили друг друга, и в городе остались одни кошки да собаки с курами.

– Хороший рассказ, – вынес вердикт благодарный слушатель. – И название «На человеческом языке» отличное, одно но.

Я привстал, выкатив на друга глаза, это у нас называлось «словить мину».

– Заграничные имена, Петруш, ну к чему они?.. Чем наши Маньки и Васьки хуже?..

Где-то внутри я давно ожидал подобного, поэтому кивнул:

– Да, мне тоже Джулии эти и Сэмы не по вкусу, честное слово, – признался, и легче стало от этого, будто сам заговорил на своем, человеческом, – сочиняю и долго мучаюсь с выбором имени, с фамилиями нерусскими так совсем завал. Фу, – выдохнул и вдохнул себя нового.

– Кот Барсик отомстит покруче каких-то там Тома и Джерри, – Муха вытащил из-под меня одеяло, укрылся. – И станешь ты самым классным писателем и художником, и будет у тебя жена какая-нибудь актриса или модель, дом, домов у вас будет по всему миру куча, но жить вы будете на берегу океана...

Завалившись на спину, вытянулся в сплошную, бесконечную улыбку. Улыбка самого-пресамого счастливого человека на Земле.

– Про меня разрешаю не писать, хотя могильщик – тот еще персонаж, – Муха вздохнул с надрывом. – Только я буду грустным могильщиком, никакого экшена со мной не получится, одна скукота.

– В скуоте свои ужасы, – ляпнул, не задумываясь.

– Да, – согласился резво Серега, – вот тебе и название готовое «Убийственная скукота».

– И в конце все умрут.

– От скуки.

– Могильной.

Мы посмеялись, лежали рядом друг с другом, уставившись в потолок, а на самом деле смотрели сквозь него, сквозь шифер крыши и темную толщу ночного неба, туда, где один язык на всех. Язык звезд.

Четыре Конца Света

Последняя неделя сентября – раскаленное добела солнце, асфальт – мягкий пластилин, горячий, так и хочется взять и начать лепить вместо осени лето.

У Чемпеля депрессия, он подозревает Олю Рожкову в измене.

Тимур решил всерьез похудеть и запретил называть его даже в

шутку «Пельменем».

Мне же каждую ночь снятся кошмары с ожившими машинами-монстрами, превращающими поселок в руины.

– Они стерли с лица земли наше детство, – говорю я.

«Они» – это взрослые, конечно же. Те, кто так или иначе причастен к уничтожению треугольника, к появлению забора, и ничего не предпринявшие, мирно смотревшие на катастрофу взрослые.

Это больше, чем просто катастрофа, это Конец одной второй части Света! И все виновны в этом! – пишу в тетради, где начал неделю назад новый рассказ. У героев рассказа с черновым названием «Четыре Конца Света» наши русские имена и фамилии.

По задумке некая высшая сила предлагает четверем разным непохожим людям с разных концов Земли (но все будут русскими по чистой случайности, а может, по задумке высшего разума) придумать свой собственный сценарий Конца Света.

Ну, те и рады стараться, разносят Землю всеми невероятными и невозможными способами...

Один из способов уничтожения – машины, все без исключения виды транспорта и даже игрушки, по сценарию, стали громить все вокруг, а выведенные из строя взрывались самым настоящим ядерным взрывом.

– А прикинь, если все, что бы ты ни написал, сбывалось?! – Муха присвистнул, я раскрыл рот, а он выдал: – А давай, попробуй написать что-нибудь про нас, и проверим.

Я пролистал тетрадь с четырьмя Концами Света.

– Напиши, скажем, про то, как у Яшки язык стал жить собственной жизнью. И прикольно, и поглядим, сбудется, нет.

– Запросто. Напишу за ночь.

Друг поднял ладонь, и я ударил по ней.

– Если все получится, – бросило меня в пот, – мы и маньяка поймаем, и треугольник вернем.

У меня загорелось в груди, будто глотнул кипятка, ладони зачесались в точности как тогда, после стекловаты. Ноги понесли по дышащему от распалившегося солнца асфальту к дому номер два по улице Дворцовой.

Очередной Конец Света вновь откладывался на неопределенный срок.

Волшебное слово

Потерялся во времени. Растворился где-то между сном и явью. Потерялся, как в самом страшном своем кошмаре, где нет ориентиров. Нет

дна, нет солнца...

Будто весь мир – это стереокартинка, и я завис в ней, в этой неизвестности, и выход один... Я его знаю, помню. Круговорот поедания самого себя в природе. Только я не могу пошевелиться, я застывшая крупинка в окаменелой массе и, чтобы спастись, я должен произнести слово. Волшебное слово. Все всегда решает одно слово. Секретное слово. Как ключ от всех дверей. От Вечности...

– Отомри, – пароль в игре «море волнуется раз», в остальных случаях не срабатывает – проверено. Как не помогают и другие пароли – «пожалуйста», «клянусь мамой», «ради бога»... Я пробую, произношу сначала про себя – «смерти нет», потом вслух добавляя: – Смерть – она для слабаков.

И вижу себя царапающим ржавым гвоздем этот пароль, слово в слово, на гнилой доске туалета. Трухлявая доска крошится, я протягиваю ладонь, пытаюсь поймать чешуйки и хватаю себя за нос.

В том, что это нос, убеждаются и глаза, сперва веки приоткрываю чуток, смотрю сквозь ресницы, по всем ощущениям, я в своей комнате, лежу в кровати, схватив себя за самую выпирающую часть лица, ресницы распахиваются.

На прикроватной тумбочке бумажно-картонные упаковки лекарств, стакан с водой наполовину пустой, две ложки – одна чайная и столовая с белесыми следами от растолченных в них мамой таблеток. Градусник, я присмотрелся, серебряная стрелка ртути на отметке 38. Откусанное зеленое яблоко пялится поржавевшей, сморщенной раной.

За окном, не понять, серое утро или вечернее угасание?..

Тяжесть в затылке, напоминание о прошедшей головной боли. Боль никогда полностью не проходит, она прячется, как все эти чудовища из черного часа, как маньяк, которого никак не поймают...

Во рту вяжет, как после съеденной хурмы, ни слюнки, горький привкус отрыжки таблетками...

Утро или вечер? Поднимаюсь из жаркого, липкого нутра постели. Словно сам стал жертвой своего оружия – огнеметной розы, теперь вот восстаю из пепла... В подтверждение хрустят коленки.

Хруст как шифр к коду, как пароль к старту воспоминаний.

АНГЕЛ НА ЧЕРДАКЕ

Рассказ

Моему ангелу-хранителю

1

Детство невозможно без ангелов. Ангелы и привидения, домовые и места силы, безумные ведьмы по соседству и таинственные животные в темных уголках городского парка... Это часть детства. Сказочный, волшебный грот, через который проникаешь во взрослую жизнь. В жизнь, где нет больше места чуду.

Про ангела-хранителя рассказывала сначала бабушка. Потом мама. Ангел дан каждому из нас Богом. Он невидим, но всегда и всюду рядом с нами. Его присутствие ощущаемо особенно ночью, перед сном, когда засыпаешь, и на рассвете, при пробуждении, можно почувствовать дыхание хранителя. Сладкое, теплое, как объятья мамы. Мамины поцелуи.

– А в полночь ангел отправляется к Богу с отчетом за день. Рассказывает, какие дела ты совершил, что нового узнал, о чем думал и о чем мечтал...

Это уже я нашептываю засыпающей дочери на ушко. Ей почти пять, и она обожает истории про ангелов. Детство идет ей навстречу, скорее, бежит вприпрыжку с распростертыми объятьями.

Я рассказываю. Она держит меня за большой палец, проваливается в зыбкий сон, но вскоре снова слушает с раскрытым ртом и широко распахнутыми глазищами. Я вспоминаю...

Поздней, поздней осенью температура сбила меня с ног. Месяц, как мне исполнилось двенадцать лет. Я лежал в кровати, укутанный двумя одеялами, и то дрожал от холода, то закипал, как чайник на плите. Мокрые простыни мама меняла несколько раз на дню...

Рассказываю дочке не все. Есть вещи, которые остаются нерассказанными никогда. Никому. С тобой. В тебе...

Строчка в больном мозгу, одна строчка из стихотворения, которое учил не так давно в школе: «тлеет скарлатины смертный огонек»¹.

У меня скарлатина и гнойная ангина. Диагноз запомнил на всю жизнь. От скарлатины раньше умирали, знал я. Теперь она лечится. Но смерть пряталась за печкой. Я видел ее за занавеской, в углу между шкафом и стеной. Она таилась, кружа неподалеку... Она была в старом сол-

1 Стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки».

датском пальто, в таком же, что и дед на фотографии с войны. На голове шутовской колпак, где вместо бубенчиков черепки. Лица у смерти нет – пустота, в которой порхает полчище серой моли... Она не говорит. Не издает ни звука, лишь шорох падающей листвы. Ее шаги – тиканье часов. Тик-так. Она возле кровати. Тик-так. Тенью пробежала по потолку. Тик-так. Смерть спряталась за дверь. Тик-так. Ее спугнула мама. Мама вошла в детскую, принесла с собой поток ароматного свежего воздуха. Поток жизни и здоровья. Я закашлялся, и мама взяла мою голову, положила себе на колени. От ее прикосновений стало легче дышать.

– Я слышал ангела-хранителя, мама, – выдавил я, – он ходит там за потолком. На чердаке. Я считал его шаги. Он надо мной...

– Да, да, сыночка, я знаю. Он всегда дает о себе знать, когда тебе плохо. Когда болеешь. Поддерживает тебя. Напоминает о себе своими шагами. Своим присутствием. Ты скоро поправишься.

– Правда?

И мама отвечала:

– А то!

– А то? – переспрашивает меня дочка.

И я повторяю. И я продолжаю:

– Я слышал, как кто-то ходит наверху. А там у нас чердак, где масса интересных вещей: старых журналов, неполных сервизов, игрушек, книг...

– Это был ангел? – глаза дочки ясны, в них ни капли сна.

– Ангел. Он ходил надо мной. Стучал в потолок и стены, словно выстукивал какие-то магические заклинания. А потом я услышал песню...

– Ангелы умеют петь, папа? – Она привстала с кровати и заглянула мне в лицо. Глаза в глаза.

Я ответил:

– А то. Еще как.

Она легла. Вся покрасневшая, сияющая.

Мы молчали, думали об одном и том же, о том, как поет ангел...

Тогда же я узнал, что такое бред. Он начинался с видений. Карандашница на столе изменялась. Деформировалась и взрывалась. Только взрыва не было, он был в моей голове. Вокруг же все стекало расплавленным воском. Ручки с карандашами текли по столу и капали на пол. Потолок плыл волнами, радугой изгибались стены... Я проваливался в температурный бред и оказывался там. На чердаке. Рядом с ангелом. Бе-

лоснежный, со здоровенными, больше чем он сам, крыльями, ангел ходил по чердаку, рисуя понятные лишь ему знаки. Магические письма. Исцеляющие... Он писал их серебристой пудрой, что сыпалась с его крыльев. Ангел-хранитель тихо напевал...

Возвращаясь в себя, я открывал глаза, но все еще слышал пение ангела. Он все так же, подобно шаману, плясал на чердаке, и от этого священнодействия мне становилось свободней. Я дышал без хрипов в груди, появилось желание поесть, захотелось смеяться...

– Мне надо встретиться с ним, – уговаривал я маму, – подняться на чердак и увидеть его, поблагодарить за выздоровление...

Мама обещала:

– Ты еще встретишься с ним, вот увидишь. Ты еще слаб, тебе нельзя вставать с постели, а на чердаке холодно и крыша протекает, там пыльно...

– Но ангел же там... И я почти здоров...

– Все мое время, родной, – и гладила меня по голове, и напевала в точности, как ангел. И я засыпал, и снова оказывался на чердаке с ангелом.

Я закончил. Дочка целует мою колючую, небритую щеку.

– Спасибо, папа, ты мой ангел-хранитель, – говорит и тут же засыпает.

С чувством человека, побывавшего в прошлом, возвращаюсь к работе. Пишу большой материал для серьезного издания. С женой мы больше года как в разводе, и пять месяцев, как пробовали вновь сойтись. Дочь Нина большую часть времени со мной. Да почти всегда, за редким исключением.

– Времени, – говорит бывшая, – у меня в обрез, и ты сам настоял на ребенке, если помнишь. Я на все это пошла только из-за тебя. Так что не обессудь...

– Я никогда не стану моделью, – обещает дочка, – буду сочинять книжки про ангелов.

И почему-то мне верится, что так все и будет.

2

Грузовика я не увидел. Услышал грохот позади себя и даже не успел обернуться. Разрывная молниеносная боль пронзила спину, меня отбросило вместе со столиком куда-то к витрине уличного кафе.

«Вот так попил кофейку», – мелькнула мысль. Я, кажется, успел

улыбнуться, а потом наступила тьма. И, о да, в ней был плач и скрежет зубов.

Опять всему виной стал человеческий фактор, так напишет какой-то журналист в городской газете. Он напишет, что водитель возвращался с двойной смены (ночь, день, ночь) и задремал за рулем. Потерял контроль над управлением. Протаранил столики в уличном кафе «Ласточкино гнездо». Двое погибших. Пятеро раненых.

Он и про меня там напишет. Но не будем об этом.

Мама прочтет мне это в больнице через неделю после аварии. Нина будет крепко сжимать мой большой палец и стараться не плакать, но я слышу, как она дышит, как слезы заполняют ее сердечко, и как бегут слезинки из больших зеленых глаз. Слышу, как стучит ее сердечко – стучит прямо о мое...

– Пусть снова придет ангел, – молит она.

И бабушка, моя мама, тихо ей отвечает:

– Так все и будет.

Они уходят, и я вижу, как лампы надо мной меняют форму, они превращаются в объемные светящиеся капли, а потом срываются и разбиваются об меня, об кровать, об пол...

Я проваливаюсь, пропадаю, возвращаюсь назад...

Это мое детство. Третий день как я поправился после тяжелой болезни. Я поставил лестницу и залез на чердак.

Ангела там не было. Все было, как и раньше – старые шкафы с разнокалиберной посудой, стопки книг, какие-то сувениры, клубки ниток, плюшевые игрушки... Одно «но» – не было привычной пыли. Не сказать, что все сверкало чистотой, но чердак был убран, как никогда. Все лежало аккуратно на полках или собрано в стопки по коробкам. Пахло дождем и чем-то знакомым:

– Нарциссы? – гадал вслух я, отыскивая следы пребывания ангела.

– Лимонные корочки? Ваниль? Розовая вода? Чабрец?..

Я так и не угадал запах. Залазил на чердак снова и снова... И однажды нашел все-таки след ангела. Перышко необыкновенно серебристого цвета. Оно застряло между рамой и стеклом чердачного окна, и все это время светило в лучах солнца. Теперь было пасмурно, и вместо солнца засветилось оно. Сердце екнуло, душа потянулась раньше, чем руки за находкой:

– Вот оно, – прошептал, – я верил. Верил!

Прикоснулся к перышку и словно проснулся, в голове стало чисто

(как на убранном чердаке) и ясно. Может, это называется – повзрослел?..

В больничной палате очнулся, наполненный до щеколки в горле тем самым запахом из детства. И, не поверите, над моей головой кто-то тихо заходил из стороны в сторону.

Медсестра, так сильно похожая на мою бывшую жену, клянется, что в палате сверху никого:

– Сама ради вас сейчас сходила, проверила, – она разводит руками, – пусто. В выходные многие ходячие домой торопятся.

– Ходячие, – усмехаюсь, – у меня вон свой ходячий... Крылатый...

Я уже могу говорить, но ноги все еще не хотят выполнять приказы мозга.

Не сдаюсь. И днем, и ночью во сне повторяю как заклинание, как молитву – наказ Иисуса парализованному юноше:

– Встань и иди! Встань и иди! Встань!..

А шаги над головой сильнее, настойчивее... Постукивания, словно азбука Морзе, перемещаются по палате тоже с какой-то неизвестной мне закономерностью.

Через три дня я услышал знакомое пение.

Попробовал записать все, что слышу на диктофон в телефоне. Пока прослушивал, что получилось, позвонила бывшая. Рыдала в трубку, истерила – это у нее естественное состояние, когда не выходит так, как она планировала:

– Все, брошу всю эту модельную хренотень! – после развода она стала крепко выражаться: истинная природа, видно, рвалась наружу.

Попросил успокоиться. Она пообещала наглотаться таблеток:

– Все просиренила! – кричит. – Ребенка просиренила, мужа просиренила, молодость, жизнь...

Снова прошу успокоиться. Она отвечает, что напьется и бросится с многоэтажки.

Говорю ей:

– Если все так плохо, возвращайся, попробуем еще раз. Может, в третий раз получится...

– Бог любит троицу, – соглашается. И больше не плачет.

Она целует меня бесконечное число раз – так она говорит, – и отключается.

Я включаю запись диктофона. И... Вот они, шаги, ясно различимы сквозь гул ламп дневного света, и вот он, тонкий голосок, напевающий непонятную мелодию.

От восторга задыхаюсь и произношу лишь одно:

– Попался!

Мама приходит каждый день с дочкой. Нина рисует мне каждый день нового ангела.

– Бабуля только крылья помогает рисовать, – оправдывается.

Рисунки с разноцветными ангелами висят по всей палате и на лампах дневного света тоже.

– Ангел вернулся, – делюсь с родными людьми, – я снова его слышу.

Дочка хлопает в ладоши, прыгает, смеется. Мама легонько улыбается и говорит в точности, как тогда, двадцать пять лет назад:

– Ты еще встретишься с ним, вот увидишь.

И гладит меня по голове, и словно не было всех этих лет, будто мне снова двенадцать, и я только переболел скарлатиной.

– Разве при жизни это возможно, мам?.. – спрашиваю я двенадцатилетний.

– Ты добрый, – шепчет мама, – твоя душа чиста и открыта волшебству. Значит, возможно все.

Как только любимые ушли, вновь напомнил о своем присутствии ангел-хранитель.

Заранее, еще в обед, у инструктора по лечебной гимнастике попросил костыли.

– Осмелитесь прогуляться в одиночку? – интересуется он. – Барышню, никак, приглядели?.. Понимаю. Уважаю. Сделаю.

С костылями ходить непривычно, а подниматься по ступенькам уж лучше ползком, быстрее будет.

На верхний этаж поднялся минут за пятнадцать. Ангел обычно затихал к полуночи. До времени стрелок, указывающих на небо, как минимум, еще час, и я не тороплюсь. Только постукивание костылей напрягает. Как бы не спугнуть этим бабаханьем крылатого...

И тихо идти не получается, в больнице лишь робкие перекикивания больных да телефонные рингтоны.

Палата № 77 – там скрывается мой ангел-хранитель.

Останавливаюсь. Пот бежит по лицу, щиплет глаза, заползает под воротник пижамы... Сердце колотится о грудь и отдает в дерево костыля, на который я облокотился, чтобы перевести дыхание.

«На счет три», – решаю я.

И вот опять этот ласкающий нос и душу запах. Тонкий, едва уло-

вимый.

Мне снова двенадцать, я на чердаке в поисках следов ангела пытаюсь определить, чем же это так чудно пахнет:

– Нарциссы? Лимонные корочки? Ваниль? Розовая вода? Чабрец?..

Откровения на то и откровения, что приходят внезапно, как удар грузовика в раннее утро:

– Духи.

А перед глазами флакончик в бархатной розовой коробочке и непонятные двенадцатилетнему мальчишке слова на французском.

– Как? Как же?..

Дрожь от волнения, слезы, давно ожидавшие своего часа, побежали по щекам, сердце, казалось, встало поперек горла. Я не мог произнести этих слов, они звучали во мне:

– Как же? Как? Почему раньше не догадался? Не понял?..

– Все мое время, родной, – сказала мама больше чем двадцать пять лет назад.

– Ангел на чердаке! – не знаю, воскликнул вслух или все также голос кричал это во мне. В голове. В сердце...

Костыли бабахнули о больничные плиты. Я навалился на дверь палаты, и она поддалась.

Белый свет ослепил своей чистотой. При встрече с ангелом-хранителем иначе и быть не могло. Пахло духами из детства. Пахло детством. Детство – от него нельзя убежать, как бы ты ни хотел... Детство, которое всегда с тобой.

И вернулось чудо. Чудо, которое может вернуть только один человек на Земле. Не человек – твой ангел-хранитель.

Минута, и глаза привыкли к свету. Стоя лицом к лицу с ангелом, я продолжал молча плакать. Да и какие тут могут быть слова...

Если только одно самое известное Слово. И самое сильное. Как молитва. Как спасение. Как жизнь. Его можно произнести всего двумя слогами, но оно вмещает всю бесконечность Вселенной, все, что есть, даже Бога.

И я его произнес!

МАРИНА НОЖНИНА, 1982 г.р., Ангарск

Родилась в г. Нижнеудинске, жила в поселке Камышет Нижнеудинского района Иркутской области. Закончила Камышетскую среднюю школу, Тулунский педагогический колледж по специальности «Учитель черчения и рисования. Художник-оформитель». Работала в Черемховской художественной школе преподавателем живописи, рисунка, композиции. Окончила Восточно-Сибирскую государственную академию образования по специальности «Изобразительное искусство». Работает в Ангарской художественной школе преподавателем высшей квалификационной категории по предметам: живопись, рисунок, композиция. Участвовала в выставке «Живопись, Графика, ДПИ» (2004), в I региональной научно-практической конференции преподавателей детских художественных школ и художественных отделений школ искусств Иркутской области на тему «Методика преподавания декоративной композиции в ДХШ с 1-4 классы» (2013), участник выставки «Кукла. Мастер. Настроение» (2017, Ангарск). Публиковалась в районных газетах: «Присяянский край» и «Наша жизнь» (Тулун), «Канские ведомости» (Канск), «Елена» (Нижнеудинск), «Черемховский рабочий» (Черемхово), «Подробности» (Ангарск); в альманахах и журналах: «Первоцвет», «Признание», «Приокские зори»; в сборниках: «Стихи моей души» (2009), «Пускай услышат наши голоса» (2018). Автор сборника стихов «А наша жизнь начинается на рассвете...». Первое место на первом этапе конкурса «Молодость. Современность. – 2018».

Творчество. Современность. – 2006» в секции «Литература» в г. Черемхово. Отмечена грамотой городского литературного конкурса «Золотое перо» (2013, Ангарск). Второе место в конкурсе «Ветер Надежды – 2017» г. Москва, ГК «Роза Ветров» (2017). Участник литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018».

* * *

По снежным улицам вековым
Рифмую твои следы,
Дыхание стелет морозный дым
Выше деревьев седых.
Давлю оранжевых ягод эмаль
Под тенью немых кустов,
Рисую ажуром морозную сталь
Бульваров, дорог и мостов.
Греется солнце о пепел дня,
Жжет солью из-под колес.
У магазина, грустно смотря,
Мерзнет оставленный пес.
Не бойся, лохматый, ко мне прижмись
В потоке зла и вранья.
Смотри:
Вот так засыпает жизнь
Под куполом бытия.

* * *

Конструкции предметов, линий, тон
От света к тени плавно переходят,
Ложатся сны за горизонт,
Лениво в голову заходят.

Я тело брошу в мятую постель,
Карандаши оставив у мольберта.
Не спит мой сон, и снежную кудель
Ночь сыплет из воздушного конверта.

Но неустанно бдят мои глаза,
Что сон, что явь – всё призрачно тасую,
И воскресает утра полоса.
А я – рисую.

* * *

Стою как вкопанная,
Злюсь на тебя и на мир той окрестности,
Кофта растянута, космы растрепаны,
От мыслей своих умру
В неизвестности.
Туфли стоптаны,
Сумка старая,
Старая улица в старом городе,
Старая я...
Или усталая?
От жары, которой и не было, вроде бы?
Стою как мертвая,
Брови собрав в пучок единый –
Большая крылообразная чайка.
– Где же ты есть, скотина? –
В голове мелькнуло случайно.
Вмиг выпрямилась как дерево.
Чайкой крылья свои расправила.
Мельтешат ресницы помехами.
Сумку скомкала,
Поправила волосы,
Плечи выпрямила,
К чёрту тебя отправила!
Села в автобус
И уехала.

НАТАЛЬЯ ДОБАРКИНА, 1988 г.р., Иркутск

Родилась в городе Удачный в Якутии. Фармацевт. Заняла I место в литературном конкурсе «Лето поэта», публиковалась в альманахе «Первоцвет», журнале «Сибирские огни», «ТарЯне», «Веретено», «Территория жизни». Участница Третьего ежегодного всероссийского совещания молодых литераторов в Московском государственном институте культуры (Химки, 2020), Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2020). Лауреат Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость» (2020). Стипендиат Министерства культуры РФ 2021.

ЕНИСЕЙСК

На дне каждого ручейка – река.
Прячет глаза холодные синие,
Как у матушки Ефросинии
Из провинциального городка.

Славится монастырями и пашнями,
А свернёшь в проулочек – Енисей.
Щедро обдувает своих гостей
Ветер с ароматами дня вчерашнего.

Яблоки рассыпались в сентябре
По доскам свежеструганного прилавка...

А за углом мерещится Кафка,
А в полотнах города – сам Рабле.

* * *

Горюем врозь по разным городам,
Зависимые от лучей вай-фая.
А сердце всё – горящий Нотр-Дам, –
Не ведает, что это запятая.

И кажется ему – оборвалось
Дыхание на заданной минуте.
И нас с тобой скрепляющая ось
Похожа на сухой кленовый прутик.

* * *

Остов замученной страны,
Всю зиму плачущие окна.
Как врубелевские полотна,
Дворы и улицы черны.

А мы вполне осознаем
Путь лозунга по бездорожью
И принимаем волю Божью,
Теснящую дверной проем.

У выражения времен, –
Мол, танки грязи не боятся, –
Свои гремящие овалы,
И свой горящий полигон.

* * *

Осенью мне хочется в Петербург,
Чтобы ветры обняли и понесли.
Чтобы город склонился словно хирург
Надо мной, и скальпелем по оси.

А потом микстуры, примочки, сон.
И совсем не летний, но летний сад.
Наиграться в сломанный телефон
И сбежать, не оглядываясь назад.

* * *

Ты знаешь, друг, – сбываются стихи,
Не все, а только самые живые.
Надавят вдруг на точки болевые,
Освобождая суть из-под трухи.

Казалось бы, не помнит никого
Слепая распатавшаяся рифма.
Течет себе, как по сосудам лимфа,
По клеточкам блокнота твоего.

Но глазу ни за что не уловить,
А сердцу ни на что не отозваться.
И сколько бы ни строил декораций
Вокруг, а надо только – отпустить.

СЕРГЕЙ НОЧЕВНОЙ, 1980 г.р., Ангарск

Учился на факультете бизнеса и управления ИрГТУ, работал ведущим прямого эфира на местной радиостанции, корреспондентом городских газет, писал статьи для журналов.

Женат, воспитывает троих детей.

Участвует в работе молодежной студии Ангарского литературного объединения «АЛО – пишите правильно!» Занимаясь литературным самообразованием, начал писать роман, стал автором нескольких рассказов.

Рассказ «Часики тикают» в июле 2021 года опубликован в журнале «Москва».

ЖВАЧКА

Маленький кусочек из жизни

Эх, надо было выйти на минуту раньше!

Автобус вильнул грязной кормой и величаво отчалил от остановки. Бежать за ним бесполезно – впереди ещё добрая стометровка пустыря, затем подъём на откос. Водитель, даже если увидит в зеркалах мелькнувшую фигурку, вряд ли станет ждать – мало ли кто тут у дороги шарится.

Смотрю на смартфон: опоздал всего на полминуты. Что за подлый фокус! Следующий автобус будет только через час.

Уныло бреду на остановку и, прежде чем сесть, внимательно осматриваю бруссы скамейки – не уготован ли мне еще какой-нибудь «сюр-

приз». Вроде чисто. По металлической кровле павильона вкрадчиво постукивает дождь. Его только не хватало!

Через минуту под навес ввалилась грузная розовощёкая бабка. Установила сумку-тележку и перевела дух.

– Автобуса не было? – спрашивает.

– Только что ушел, – отвечаю.

Бабка досадливо пучит глаза:

– Ну, едрит-мадрид! Давно?

– Только что, – повторяю. – Минуты две назад.

– Что ж он, раньше что ли уехал?

Она роется во второй сумке, висящей у нее на локте, и вынимает телефон – простенький, с большими кнопками.

– Так время-то еще без трех! Что ж ты тень на плетень наводишь?

Как подсудимый, получивший право последнего слова, я активирую сенсор смартфона и поворачиваю широкий экран к бабке.

– Три минуты десятого. У вас, наверное, часы, отстают.

Бабка смотрит недоверчиво. И я уточняю:

– У меня время синхронизировано через интернет, показывает точно.

В попытке удержать ускользящую надежду, бабуля делает шаг из-под навеса и смотрит в пустынную даль, не видно ли автобуса. Наконец, признает очевидное:

– Опоздала.

Я пожал плечами. Хотел отвернуться, да смотреть особо некуда. Стал смотреть на бабкину тележку. Что они постоянно возят в этих своих тележках? Захотелось спросить, да как-то язык не повернулся.

Бабка еще раз просканировала в обе стороны пустую дорогу и шагнула под навес. На скамейку перед посадкой не смотрит – хуже уж не будет!

– И ведь думала, что пораньше надо идти, да этот мой знахарь говорит: чего, мол, зря на остановке торчать, автобусы ходят чётко, по расписанию. Умник, прости господи! Как бы теперь еще на обратный автобус успеть, а то буду ночевать под кустом, как бомжиха.

– Давайте, я вам на телефоне правильное время поставлю. Может, и не опоздаете больше?

Бабка смотрит на меня изумленно, дескать, вот ты светлая голова, – и соглашается:

– Ага, поправь. – Снова копается в сумке и протягивает свой неказистый приборчик. Тыкаю кнопку «меню», ищу нужные настройки.

– А можешь мне звонок на будильнике выключить? Я-то чуть свет

сама встаю, а он каждое утро тренькает.

– Да, сейчас отключим, – говорю. Сверяю время со своим широким, как автомобильное зеркало, дисплеем. Тыкаю несколько раз на кнопки.

– Готово!

– Вот спасибо! Мой-то знаток всё с канала на канал тычет, где кто кричит погромче. Лучше всех всё знает: что да как надо делать. Прямо министр. В драных штанах. А время поправить не может. Ему то что, он дома сидит. Ждет, когда власть советская вернется. Только годы-то уж не вернутся. И ума не прибавится. Нам уж на тот свет собираться пора.

– Да что вы, бабушка, – из вежливости протестую я, – вы еще нас переживете.

– Ой, не дай бог, не дай бог.

Я понимаю, что ляпнул глупость. Чтобы чем-то занять рот, лезу в карман за жвачкой.

– Хотите? – протягиваю пачку. Она опять смотрит с недоверием.

– Жвачку? Ну её – гадость! Последние зубы выпадут.

– Да, что вы, – уверяю, – наоборот полезно. И вкусно. Банан-клубника. Берите!

Видно, как она преодолевает сомнение, вероятно, похожее на то, как я хотел спросить про сумку на колесиках, да не решился. Наконец, тянет руку:

– Попробую.

Выдавливая из фольги на ладонь одну подушечку.

– Как таблетка, – шутит бабка, – как бы по привычке не замахнуть.

– Раскусите и жуйте, – учу я. – Вкусно!

Бабка разжевывает. Сперва морщится, заведомо настроившись, что ей подsunут гадость. Но через миг лицо её разгладилось, глаза блеснули.

– Банан-клубника? Я только клубнику чувствую.

Пожимаю плечами и улыбаюсь: уж как есть. Не стал шутить, что банан чиновники украли. Бабка двигает челюстью, смакует.

– Ну, вкусно, да, – соглашается она довольно быстро. – Мы-то всё зефир покупаем, да вафли. А химию всякую стараемся не брать. Мой даже пить перестал. Не та сейчас, говорит, водка – не весёлая, говорит, не живая! Одна радость, если самогоночки кто принесет.

– Самогоночки у меня нет, – отзываюсь я.

Бабка жуёт. Дождь, кажется, перестал.

– А потом её куда?

– Как вкус кончится – выплюньте.

Схема простая. Как всё в нашей жизни, да и как сама жизнь. Гово-

рить больше не о чем, и мы долго молчим. Я покрутил ленту инстаграм, посмотрел мессенджеры: новых сообщений нет.

Мусорную урну с остановки давно утащили. Сплюнуть жвачку под ноги при бабке неловко. Иду к обочине, будто посмотреть, не едет ли автобус. Там сплевываю.

– Не видно?

– Неа, – отвечаю. – Дождь кончился.

– И то слава богу, – соглашается бабка.

Снова молчим. До автобуса еще минут пятнадцать. Я смотрю на сумку-тележку и предполагаю, что в ней может лежать. Картошка? Пустые банки? Старая телогрейка? Газеты? Но зачем везти из поселка в город старые газеты или банки? Бабка вроде не чокнутая. Может, гостинцы, соленья какие-нибудь? Спросить бы, да неловко.

Вдали, на повороте дороги сверкнуло стекло. Автобус! Бабуля задумчиво смотрит куда-то вбок и жуёт жвачку.

– Автобус, – говорю. И поднимаюсь. Она тоже встает:

– Ну, слава богу!

Я смотрю на экран смартфона.

– Минута в минуту. Как в аптеке!

И тут бабка говорит:

– Слушай, внучок, а дай мне еще одну?

– Жвачку? – Лезу в карман и протягиваю ей початую упаковку: – Берите всю! Угостите деда. А я себе куплю.

Она долю секунды сомневается, но берет пачку.

– Угощу. Пускай попробует. Мы в жизни много чего хлебнули. Пусть не всегда сладко было, а всё-таки жили мы хорошо. Я вот теперь это поняла. И он пускай попробует и поймет, что жили-то мы лучше.

Автобус обдал жаром и замер перед навесом. Двери с шипением и лязгом распахнулись. Помогаю бабке затащить тележку. Тяжеловато, едрит-мадрид.

– Что у вас там?

– Огурцы, – отвечает она.

Я почти угадал.

ЧАСИКИ ТИКАЮТ

Рассказ

Всякой вещи под небом своё время...

Екклесиаст

10

Я счастлив оттого, что Она мне рада. Например, сегодня помахала салфеткой, когда заметила, что я смотрю через витрину, как она хозяйничает за стойкой. Я чуть не взмахнул в ответ... но сердце едва не выскочило из груди. Кто-то возразит, что Она добродушный человек и приветливо встречает всех гостей, я же считаю, это просто смешно: кафе посещают сотни людей, свободные столики здесь редкость. Так что не в гостеприимстве дело, нет. То ласковое тепло, что я вижу в Её глазах, лучше тысячи слов подтверждает нашу особую взаимосвязь. О, да...

Но как же я грущу по этой невысказанной тысяче слов.

Не могу отвести глаз от Её тонких пальцев, когда она ставит передо мной чашку. На край блюда Она всегда кладет ложечку, хотя знает, что я предпочитаю без сахара. Эта ложечка – ключ. За месяцы нашей связи Она не могла не узнать, что сахар я никогда не добавляю. Но снова и снова бережно кладёт блестящую ложечку, словно посылает какой-то знак, приглашает открыть дверцу...

А я снова не нахожу в себе на это силы.

Выпиваю кофе, иногда чай, и молча уношу за дверь ворох смятых. Искра надежды не родит пламя, но от встречи к встрече привносит толику света в космос моих мыслей.

Ложечка остаётся на блюде.

Видит бог, настанет час, когда ключ исполнит свою роль, и Её ладонь окажется в моей. Всему своё время.

Утром я задумался о том, какой прекрасной может быть жизнь, если исправить в ней буквально пару обстоятельств... и каша опять подгорела. Сколько уже я перевёл крупы! Хоть не готовь вовсе. Однако постоянно завтракать в бюджетной «Ложка-ёшке», а тем более в «Профитроли» возможности нет – почти весь доход уходит на книги.

Можете думать что угодно, но я не считаю приобретение хороших книг худшим пристрастием человека.

Когда-то я напишу и свою книгу. Большую книгу, глубокую. Пожалуй, для этого я и явился на свет. Чем больше вокруг меня других великих книг, тем сильнее ощущаю, как внутри вызревает что-то особенное, что-

то важное. Пока не могу сформулировать, что именно мне хочется сказать, но чувствую, что это где-то близко. Должно быть, так юная Мадонна ощущала в Своем чреве зарождающуюся жизнь.

Ласкаю взором полки. Книгами в моей комнате заняты две стены, вдоль третьей – кухонные дела, еще в одной – окно. У окна старинный кривоногий стол, за которым я обедаю и делаю заметки. Сплю на удивительно удобной кушетке. Удобство её, главным образом, заключается в том, что книги с нижних полок можно брать, не вставая. Свободного места на дощатых стеллажах нет, и я восхищаю себя чудесами находчивости, перекладывая бумажные кирпичи таким образом, чтобы в появившееся пространство можно было впихнуть еще несколько томов. В этом деле я точно гений.

Однако, пора! Сладкий зуд предвкушения не позволяет сидеть на месте – сегодня Она может стать моей! Нет, нет, не хозяйка серебряного ключа, а новая обительница стеллажа.

Кастрюльку с чадающей кашей оставляю у распахнутого окна. В прохладные ущелья улиц вырываюсь слегка голодным.

9

«АльхамдулиЛляхи раббилъ ‘алямин!»¹

Иногда ему снова снится вертолет.

Сначала просто становится тревожно. Бахти ставит на камень очага алюминиевую кружку с молоком и смотрит в дверной проём. Вслед за тревогой в груди появляется мелкая дрожь. А когда маленькая точка выпархивает из-за склона по ту сторону ущелья, дрожь обретает звук. Рассекающие ветер лопасти стремительно приближают вертолет к селению. Люди выскакивают из жилищ и вглядываются вдаль. Горы не любят шум. Шумно здесь только тогда, когда приходит беда.

«Аузу билляхи мин аш-шайтани р-раджим»².

«Что им нужно?»

Ответ на этот вопрос прост: ничего!

Из-под крыльев боевой машины одна за другой срываются шесть ракет и устремляются к прижавшимся к скудной земле лачугам. Покрытые тысячелетними мхами камни встают стеной и заслоняют небо...

Бахти просыпается. Он не вскрикивает, не садится на постели с тяжело бьющимся сердцем. Просто открывает глаза и смотрит в потолок, или на узоры ковра, устилающего пол.

В который уже раз ему снится этот дурной сон. К чему? Слава богу,

1 Хвала Аллаху, Господу миров! (араб.)

2 Прибегаю к защите Аллаха от проклятого сатаны (араб.)

войну он видел лишь по телевизору, да и в горном селении бывал всего раз в раннем детстве. Но то селение было совсем не такое, как во сне. Там благоухали фруктовые деревья, и бабушка Фируза пекла к приезду внука несколько корзин самбусы с разными начинками. Вместе с дедом каждое утро они с восторгом подсчитывали, сколько штук в него влезет в этот раз. Обычно влезало четыре. Дедушка был доволен: «Молодец, Бахти! Расти большой!..» Бабушка была рада.

Радиаллаху анхума!

Всё бы ничего, но пришли времена, когда с работой у отца стало совсем плохо. И вот они перебрались сюда. Сначала всё вокруг казалось чужим. Но здесь лучше. Лучше работает транспорт, не отключают электричество, рядом с домом хорошая школа для младших братьев. И отец доволен – занимается любимым делом. Вообще-то, раньше он работал в приборостроительном бюро, но здесь открыл мастерскую по ремонту радио и часов, принимает заказы по электрике – навесить бра, люстру. Мама шутит: «Многостаночник». А он всерьез подумывает, не поучиться ли ему подбивать каблуки. У него еще остается немножко времени, и он не хочет тратить его впустую.

Когда уезжали, Бахти было шестнадцать. Сначала ему было интересно посмотреть новые места, получить новые впечатления, он думал – все перемены ненадолго. Но теперь, когда он стал взрослым, то пытается понять, почему, чего ради он – таджик – бросил родную землю и отправился в чужой край? Да, здесь автобусы и трамваи, электричество без перебоев, горячая вода... но они – и братья, и мама с отцом, и многие другие – все они здесь чужаки! И никогда не станут своими. Отец и слышать не хочет о том, чтобы вернуться. Только уладили вопросы с гражданством. «Здесь теперь наш дом», – говорит он, и глаза Бахти вспыхивают восточными звездами. Он знает, где его Дом, где его корни, и не хочет от них отказываться.

Но что он может сделать?

Только молиться.

Придет час, и всё встанет на свои места. Иншаллах.

8

«Мама, почему меня назвали Славой?» Она смеется и лучистыми глазами заглядывает в свою юность, руки ложатся на живот, словно там снова свершается таинство зарождения новой жизни. «Ну, почему?.. не знаю... перебирали имена и выбрали самое красивое. Есть актер Вячеслав Тихонов, Штирлиц, твоя бабушка была в него влюблена...»

Что может быть важнее, чем находить ответы на вопросы? Слава

всегда умилял окружающих своей любознательностью. Когда ему было шесть, и он толком не умел ни читать, ни писать, душу царапнула шуточная загадка: «Почему ветер дует? Потому, что деревья качаются!» Вопрос-ответ. Всё просто и понятно. Но что-то было не так. Спустя несколько дней Славик немало озадачил сверстников, поведав о движении воздушных масс, толкающих друг друга за счет разницы температур: теплее – вверх, холоднее – вниз. Вот, почему ветер!

Когда на волнующий вопрос удаётся добыть исчерпывающий ответ – это, без сомнения, победа! Чувствовать себя победителем приятно. Победа дает уверенность, улучшает настроение, аппетит.

Но с каждым годом вопросы становятся сложнее, а догадки втискиваются в понимание с таким трудом, что уверенности в них нет. Другие и вовсе мучают незаживающими ранами.

Мама говорит: «Слава, ты идеалист!» Возможно. Но жить без побед – больно.

Как и все подростки, Слава увлекается то одним, то другим. Меняются взгляды, предпочтения, ориентиры. Блуждая в бесконечном поиске, окончил школу кое-как. Учителя так и не сумели пробудить интерес к школьным предметам. «Слава, ты постоянно витаешь в облаках. Как ты собираешься жить?» – директриса всерьез озадачена, но тянуть Славу на тройках до одиннадцатого класса не видит резона. И вот, он поступил в техникум, получил специальность, начал работать в фирме, приносить деньги. Мама не нарадуется. А Слава от вопроса к вопросу умножает свою боль. Мир пляшет вокруг, потрясая острыми пиками, нацеленными в его сердце.

Если бы кто-то спросил: что может сделать Славу счастливым? – он бы ответил: возможность всё изменить! Что, всё? Да всё – весь этот мир, отравленный равнодушием и обманом.

Спросите: как? – и острие копья полетит в цель.

Болью обжигает понимание, что всё, о чём написано в блистающих мудростью книгах, о чём светлые головы столетиями толковали на кафедрах и призывали с трибун – лишь попытки трактовать то, что нам неподвластно. А значит – всё это ложь. Мы надменно пытаемся установить некие правила, но способны ли жить по собственным законам? Символ одной из попыток трактовать вселенские истины смотрит на Славу с алтаря мертвыми глазами. Из-под нарисованных ребер сочится темперная кровь.

Больно, когда ты не находишь ответа...

Больно... пока ты жив.

Кровавая пляска в предвкушении догадки вознесла пики. В изра-

ненной груди громко забилося сердце победителя...

7

Особую силу Слава чувствует в людях с Востока. Их дикая преданность своим святыням кажется честной. По крайней мере, за свои идеалы они готовы не только убивать, но и умирать, отдавая высшую цену. Мир вздрагивает от таких примеров, как от пощёчин. Страх даёт ощущение слабости, и это рождает злость. Слабость питает ненависть, которая может вырасти больше страха и дать ощущение силы. Но является ли ощущение силы истинной силой?

На стенде у ворот изображено белокаменное сооружение с изящным минаретом и куполом – мусульмане собирают деньги на строительство. А пока молятся за стенами, обшитыми профлистом. Над зеленой двускатной крышей блестит желязой полумесяц.

Слава душит в себе нерешительность. Страшно нарушить чужие правила, навлечь на себя гнев. Еще страшнее уйти без ответа. Он проходит через двор, ставит кроссовки рядом с несколькими парами туфель у входа и ступает через порог. Зал совсем маленький, на полу ковровые дорожки, в простенках свитки с арабской вязью.

– Что вам угодно, молодой человек?

Мужчина в белоснежной шапочке шагает навстречу. Голос не гневный. Очерченное короткой бородой лицо не вызывает страха. Из зала на Славу с любопытством смотрят еще несколько пар глаз.

– Извините, – лопочет Слава, – я не мусульманин... но я живу в этом городе, и мне давно интересно было посмотреть...

– В этом нет греха, – уверяет мужчина. – Бог един! – И окликает одного из юношей позади себя: – Бахти, покажи гостю наш молельный дом, ответь на его вопросы.

Высокому смуглолицему алибабе (как про себя определил его Слава) лет двадцать. Коснувшись локтя юноши, мужчина с бородкой представил:

– Это Бахти, у него чистое сердце. Машааллах!

Слава не знает, нужно ли пожать новому знакомому руку, и не знает, чистое ли сердце у него самого. Говорит:

– Так светло у вас тут.

Бахти улыбается. И, кажется, в комнате становится еще светлее.

Недалеко от мечети ручей. Сели на поваленное дерево, за долгие годы изрезанное сотнями ножей. Слава немного странный, дёрганный, но Бахти нашёл его интересным человеком. Он ощутил в нём силу, а если точнее: не почувствовал слабость. Если кто-то попросит охарактеризо-

вать Славу одним-двумя словами, то Бахти подумает и скажет: он воин.

– Нет, у нас не было войны, – рассказывает он о своем детстве в Худжанде. – Были плохие люди, которые хотели много денег, власти, не почитали Пророка, проливали кровь. Но и в России ведь было не лучше. Наверное, ты, как и другие здесь, думаешь, что ислам – это всегда террористы, это всегда героин, средневековая дикость? А я знаю, что ислам – это дар человеку, чтобы мы могли прожить жизнь достойно.

– А весь трэш, конечно, устраивает шайтан?

– Ты правильно всё понимаешь, тебя не надо ничему учить, – смеется Бахти. – Мир под небесами состоит из противоречий. Свет-тьма, огонь-лёд. Человек часть той же системы и подвластен тем же принципам, почему мы должны вести себя иначе? Все войны не ради войны, а ради мира. Парадокс. Бог, олицетворяя доброе начало, дает людям равновесие, чтобы не осталось только зло. Но мы помним, что другая сторона есть у всего. Ты сам выбираешь свою половину.

Боль не становится тише. Слава вроде и не слушает Бахти, взгляд у него рассеянный, кажется, сейчас, не говоря ни слова, он встанет и уйдет. Но нет, он слегка улыбается, качает пальцем и начинает говорить, теперь его слушает Бахти. О чём бы ни сказал один, другому есть, что на это ответить. И это такое счастье, оба упиваются разговором, как птицы, поймавшие попутный ветер. Дня не хватило, и они встретились в другой раз, потом в третий.

Однажды Бахти пригласил Славу попробовать настоящий таджикский плов и познакомил его с отцом. Они зашли в мастерскую, и Слава с восторгом разглядывал через линзу микроскопические колесики часов, интересовался предназначением различных радиодеталей, разложенных по баночкам, сам пробовал что-то паять. Вечером отец с гордостью рассказывал маме про русского друга Бахти. В душе он надеется, что старший сын оставит мысли о возвращении в Таджикистан.

«Пора не пришла, – думает он. – Еще слишком опасно».

6

Прошло время.

«Слава так плохо ест, – жалуется мама соседкам. – Связался с какими-то моджахедами. Я места себе не нахожу!...»

Он не может объяснить, чем полны его мысли. У него нет ответа ни для нее, ни для себя. Острыми шипами его мозг раздирает вопрос равновесия между добром и злом. А точнее, тревога о том, что никакого баланса давно нет – мир схлопнулся, медленно задыхаясь под тяжестью перевернутых чаш. Оказавшись во мраке, мы с жадным чавканьем унич-

тожаем последние святыни. А вместо проблесков света только боль.

Слава не хочет верить, что всё именно так. Словно переубеждая себя, он приводит примеры людей достойных, светлых. Загибает палец за пальцем, сжимая ладони в кулаки. Несколько примеров, всего несколько примеров. Хочется закрыть лицо руками и кричать.

Слава вспоминает мастерскую отца Бахти, где под умелыми руками оживают разбитые часы и радиоприемники. Запах припоя, радиодетали в баночках, маленький молоток на верстаке...

Крохотный верстак в неизлечимо необъятном мире.

«Хочешь раскачать дерево, чтобы поднять ветер? Глупец!..»

Истина грубо давит ногой на грудь и мешает дышать.

Это невыносимо.

Слава бьется лбом о собственные кулаки.

Тоскуя по ощущению победы, он искал ответы на большие вопросы для всего мира, а нашел маленький ответ для себя.

Малюсенький, как переключатель, способный замкнуть цепь.

5

И вот Она моя!

Какое счастье, что книга оказалась на том же месте, где я оставил ее в прошлый раз. Обложка без потертостей: ни дарственных надписей, ни штампов! К тому же удалось полсотни сторговать.

Впрочем, сэкономить не получилось.

Обретя путевые очерки Гейне, захотел прихватить еще что-нибудь из немецкой классики. Артурчик (бойкий продавец из «Буки-Веди») раскопал для меня пухлый сборник пьес Шиллера с комментариями и «Критику чистого разума» Канта. Вместе все три книги смотрятся весьма внушительно. Хорошее приобретение!

Дома пришлось изрядно покумекать, перераспределяя горизонтальные стопки и вертикальные ряды книг на двух нижних ярусах стеллажа. Германцы требовали соответствующего соседства. Вынимая и вновь всовывая книгу за книгой, я перепробовал массу всевозможных вариантов. И наконец – perfectio! – все книги в лучшем виде встали по местам.

Теперь – отскрести кастрюльку от сгоревшей каши, что-нибудь по-быстрому сварить и можно немного поработать. Недавно я решил перевести в электронный вид свои детские вирши: стопка тетрадей вторую неделю дожидается на столе. Тешусь надеждой вновь ощутить в парусах дуновение Эола, соприкоснувшись с тем, что вдохновляло душу десятилетия назад.

Распустив сиреневые косы, ночь тихонько пошла по улицам, под-

свечивая себе поднятой в руке луной. Зеваю. Стихи в тетрадах угловатые, наивные, и парус души остаётся недвижим. Прикрываю окно и, выудив с полки Шиллера, плюхаюсь на кушетку. Эта книга даже лучше, чем очерки Гейне: матерчатая обложка, тиснение, красивый шрифт...

Лежу на боку, опершись щекой на ладонь. Внезапно что-то хрустнуло, и тело дернулось от убийственного удара по затылку и плечам. Перед глазами заметались цветные пятна. Грудью вдавил Шиллера в стонущую кушетку. Сильной боли нет, но сердце бешено колотится. Руки онемели. По крайней мере, не могу ими шевельнуть. Свет торшера крохотным отсветом лучится сквозь навалившуюся тьму.

«Боже, что это? Я умираю...»

Мысль о смерти забила в голове, как брошенная в пустое ведро рыба. Нет! Еще слишком рано! Я столько должен сделать! Я не могу!..

Через секунду шок начал растворяться в ощущении придавленности. Физически чувствую дискомфорт – что-то уперлось в спину, давит в затылок. Боль в теле успокаивает: «Нет, я не умираю. Просто что-то свалилось сверху...» Попробовал пошевелиться. Раздался шорох, и навалившаяся на плечи масса подалась. «Это книги! – догадался я. – На меня обрушился стеллаж! Вот дьявол!..»

Приложив небольшое усилие, выбрался из-под завала. Голова гудит, как замирающий после набата колокол – звездануло меня здорово. Трясущимися пальцами ощупываю темечко – в одном месте шишка, за ухом, кажется, сочится кровь. Изумленно озираю место погрома: две нижних полки сорвались с креплений, и три сотни томов вывалились кучей на кушетку. Собрания сочинений, хрестоматии, романы, сборники эссе...

Ноги слабеют, и я сажусь на пол. Появилась тошнота. Вероятно, от шока резко изменился состав крови. Боже! Сидя на полу, я вдруг ощутил себя насекомым. Жалким настолько, что меня чуть не убило книжкой. Гости на похоронах от души похотали бы, узнав причину моей кончины. И ведь никому не будет дела, что я, возможно, был на пороге создания чего-то значительного в литературе.

Стало противно. Но не от слабости в теле, а от того, о чем думаю. Пусть звучит как шаблон, но в этот миг я прозрел. Перед бледным лицом призрачным укором встали предыдущие тридцать лет жизни. Встали и подрагивающим сумраком канули в ночь, чтобы никогда больше не вернуться. Всё, что осталось – гора непрочитанных книг...

4

– Слава, твоя мать сказала, что ты последнее время сам не свой. Я тоже это заметил. Что с тобой происходит?

– Прости, Бахти, я не хочу впутывать в это тебя. Есть вопросы, на которые нет правильного ответа.

– О чем ты говоришь?

– Мне очень страшно, Бахти. Я знаю, ты бы смог меня понять. Но я не хочу делить с тобой боль. Пусть она уйдет со мной.

– Мне не нравятся твои слова. Что ты хочешь сделать? Мой отец говорит, ты приходил в мастерскую...

– Прости, Бахти!.. Я должен идти.

– Слава, послушай!..

Связь обрывается.

Бахти набирает снова, но абонент недоступен. Когда воин говорит о долге, значит, он идет на войну. Бахти ставит кружку с молоком на стол и смотрит в окно:

«Где ты, Слава? Что ты задумал?»

В груди – там, где сердце – затрепетала тревога...

3

Она кладет на блюдце ложечку:

– Ваш чай!

Янтарный тёплый взгляд касается моего лица. Черпнув силы из шишки на темечке, мягко беру в ладонь её запястье.

В этот миг в кофейню заходит молодой человек. Несмотря на солнечный день, на нем плотная спортивная куртка. Он осматривает зал: почти все столики заняты – и двигается к стойке.

– Послушайте. Я давно хотел вам сказать, – говорю я.

Она замерла и слушает.

Парень в куртке видит, что работница кофейни занята, и встаёт у стойки чуть в стороне, стараясь не мешать. Я решаюсь окончательно:

– Каждый день, когда я смотрю на вас, моё сердце переполняет радость. Я долго что-то искал в этой жизни, витал в облаках, но мое счастье всегда было рядом. Моё счастье – это вы!..

Её брови приподнимают скользнувшую по лбу морщинку, словно она видит перед собой умильного слепого котенка. Парень смотрит на нас. В его руке какая-то штука с батарейками и кнопкой.

– Выходите за меня замуж! – вываливаю я, оглохнув от собственных слов. Меня опять тошнит. Она кладет свою ладонь поверх моей, и говорит:

– Это так трогательно. Я всегда знала, что вы очень милый. Но вряд ли мой муж одобрит вашу идею.

И снова по моему затылку шарахнуло стопкой книг.

Парень поглаживает большим пальцем кнопку и смотрит, смотрит,

черт бы его побрал! Мои глаза ни с того ни с сего наполняются слезами. Я моргаю, и слёзы текут по щекам...

– Простите, мне нужно идти, – она высвобождает руку и, подав мне салфетку, исчезает за барьером.

В этот момент в кафе заходит еще один юноша. Темные волосы, смуглая кожа. Он сразу видит того, кого ищет.

2

«Мы всё время жуём! Это всё, что нам нужно?» Повернуться спиной к голодному, отвернуться от больного, закрыть глаза на любую мерзость, чтобы только не портить аппетит. Если встанет выбор – принять плеть за слово правды, или досыта набить брюхо – многие ли будут сомневаться?..

Кафе называется «Профитроль». Подходящий символ для обнищавшего духом общества. Взбитые сливки, а не высеченный в граните милосердный крест. Пересекая зал, Слава переводит взгляд с одного жующего лица на другое. В груди неудержимо закипает гнев, и хочется немедленно всё это закончить... но какой-то нелепо взъерошенный человек у стойки держит женщину за руку. Наверное, он хочет сказать что-то важное. Женщина замерла и ждёт. Имеет ли кто-то право им помешать? Кто знает, быть может, эти двое только и жили ради этих слов?

Через полминуты всё кончено... чудо не произошло.

Глаза чудака за стойкой наполняются слезами, и Слава готов разделить с этим несчастным лекарство от боли. Он медленно расстегивает молнию куртки.

В этот миг появляется еще один человек.

– Слава! Стой!

Замерев у входа, Бахти протягивает ладони, умоляя не спешить. На груди у друга он видит шесть опутанных проводами цилиндров – три с одной стороны, и три с другой. Вспоминается вертолет из сна. Но теперь это не сон.

– Слава, ты воин, – говорит он. – Не позволяй шайтану тебя победить...

Тут бы сказать что-то вроде: «Всегда кто-то сильнее, Бахти! Так устроен мир...» Но вместо этого, как зверь из клетки, рвётся очередной вопрос без ответа: «Зачем, зачем ты пришел?! Твоё имя одно из тех, что сжаты в кулаках...»

Под большим пальцем маленький переключатель, терпеливо разрывающий цепь. Для щелчка хватит одной секунды...

1...

СТАРЦЕВ ПОСОХ

Сорняки здесь выше человеческого роста...

С.Д.

– Интересное название, – перебиваю я треск мотоцикла.

Только что за спиной остались несколько черных, скособоченных изб и знак с перечеркнутым словом «Гибелево».

– До революции был тут барин, отставной полковой интендант Гибелев, – кричит дядька Саня, не поворачивая головы. – Деревушка была Захудалая, а как Гибелев церкву построил, так и переименовали. Какая же Захудалая, когда под божьим крестом? Потом церковь и половина деревни сгорели, Гибелева мужики с пьяных глаз на вожжах повесили, а название осталось.

Прям триллер. У дороги валяются ржавые молотилки, другие покореженные детали от комбайнов. Среди трофеев вольготно распустились выигравшие в битве с колхозом синие васильки. Кричу:

– А у меня тут неподалеку родня какая-то вроде есть! За озёрами.

– Кто ж такие?

– Шмелевы вроде, если по матери.

Саня неуверенно кивает: вроде есть такие, слышал.

Вокруг до горизонта простираются волнистые, поблёкшие поля. Там-сям темнеют черточки далеких роц, перелески. Впереди у дороги замаячил еще один указатель. Жду, когда подъедем, чтобы прочитать.

«Старцев Посох, 4 км» и стрелочка.

Смотрю в указанном направлении – всё та же целина с высокими бурьянами, у горизонта лес.

– Эх, воля! – кричу, приподнявшись в коляске, как на стремях.

– Только гулять некому, – сыпет в ответ дядька. Сбавляет скорость, и вот мотоцикл катится по мостку, перекинутому через овражек.

– Покурим.

Саня глушит двигатель. Я выкидываю ноги из люльки, ступаю по траве и с удовольствием разминаю чресла. Без остановок мы пилили часа полтора. В овраге журчит ручеёк.

– Старцев Ключ. Никогда не замерзает.

Дядька чиркает спичкой и присасывается к папироске. Синее облачко летит по ветру. Я не курю, поэтому сую в зубы стебелек. Мост по виду крепкий, из окаменевших бревен и толстых плах (чтобы проходили трактора). Под настилом в сумраке булькает водица.

– Старцев Ключ, Старцев Посох, – перечисляю я. – Небось, ты,

Саня, и про старца этого байку знаешь?

– Знаю, – отвечает дядька без долгих раздумий. Скидывает с плеч пиджак и стелет на траву. – Отдохнем маленько, – Я сажусь неподалеку, но так, чтобы не дышать дымом.

– Вот здесь по бережку раньше и шла дорога на Старцев Посох, да видишь – заросла. Народу там немного обитало, вроде как скит, не скит, хутор ли. В общем, двора три всего. Потом всех переселили. Еще при Хрущёве, однако. От жилья теперь, поди, и следа не осталось.

– А старец этот кто был?

– Да никто, в общем-то. Бродяга. Только у нас на Руси иной раз и последний плут может святым оказаться.

– Так он был плут?

– А вот послушай, – Саня сунул окурочку под каблук и откинулся на лопатки, уложив голову на сцепленные пальцы.

Как положено – пауза.

Короткий вдох и поехали:

– Было это давненько. Уже и старики не помнят, когда. Да и так ли оно было, как говорят? Но говорят вот что.

Пауза.

Я бросаю травинку и с улыбкой чешу ладонью лоб. Ох, дядька Санёк рассказчик.

– Стал появляться в окрестных деревнях Старец. Никто не знал, как его звать, и откуда он в эти места пожаловал. Ни с кем Старец не говорил, ходил в рубище, питался, чем Бог пошлёт. Придет к колодцу, помолится. Бабы положат ему в котомку хлеба, да яиц, он поклонится – и в поле. Сколько ни приглашали в дом, ночевать никогда не оставался. Одни говорили, что превращался он за околицей в волка; другие считали, что был это сосланный в каторгу бывший епископ. Болтали, в общем, всякое.

– Почему же считали, что он святой?

– А вот слушай.

Когда иной раз в деревне беда приключится – расшибется кто, или занеможет – Старец тут как тут. Глянут бабы утром из окошка, а он уж у дома стоит. При нем всегда посох – тяжелючая палка. Да не палка, а корень. Войдет Старец в избу, глянет на больного и велит рукой воды подать. Макнет в ковш свой посох, да потом на больного брызнет. Глядь, а тому уже и лучше. Люди радуются, Старца к столу тянут, угощения из погребца тащат, наливку. А Старец возьмет хлеба, поклонится хозяйке, да за порог. Пробовал его мужик силком за стол усадить. Глянул Старец на дурня, у того пальцы сами разжались, и рука онемела. Выпустил он плечо, на колени пал и давай креститься, прощения просить. Старец – за околицу.

Кто следом выбежит, смотрят кругом – нет никого.

– Вот жуть.

– Дальше слушай. Прознали про Старцев посох лихие людишки, разбойники. Думают: с такой чудесной штукой мы в городе нехилую деньгу зашибём. И стали они караулить Старца. Да только он как сквозь землю провалился. Уж в одной деревне баба при родах померла, а в другой – старик от заворота кишок преставился. Нет Старца. Тут и осень. Мужики повезли товар на ярмарку, у разбойников самая страда, ну и про Старца вроде как подзабыли.

К зиме ближе ехал полями на телеге мужик с мальчонкой. Тут на встречу тройка разбойничья. Чего везешь, мол? Тот: да вот купил детям гостинцев. Ну, шибанули его. А мальчишка успел в перелесок юркнуть. Ходят душегубы, кличут его ласково. А пацану хоть и страшно до смерти, он тихо сидит. Знает: попадётся – придавят, чтоб потом кого ненароком не узнал.

Тут откуда ни возьмись, у телеги Старец появился. «Что же это вы, божьи твари, дурным делом занимаетесь! – говорит. – Зло людям чините! Али не одна мать-земля вас вскормила, не одно солнце вас согрело? Даны вам соки земные и свет божий на доброе, а творите вы тёмное. Спросит вас матушка, какой ответ держать будете? Не простит вам сыра земля, не пустит более на свет белый, останетесь до скончания времен червями бездушными!»

Половина-то разбойников опомнились, разбежались кто куда грехи замаливать. А другие решили обмануть Старца. Повалились в ноги, плачут: «Прости нас, добрый человек! Не обучены мы никакому ремеслу, нет у нас никакого доброго промысла. Кабы дал ты нам свой посох, поехали бы мы на тройке по свету людей исцелять. А не дашь, так сколько мы еще крови невинной прольем, пока червями оборотимся? Будет эта кровь, старик, и на твоей совести!»

Обманули Старца. Упала с его глаз слеза, и сказал он душегубам: «Берите мой посох, коли помыслы ваши чистые!» Воткнул палку в землю и отступил на два шага. И стал он без силы волшебной обычным стариком. Тут навалились на него разбойники и закололи ножами. Схватились за посох, да только не могут его из земли выдернуть. Осерчала матушка, забрала назад свой дар. Уж они его и так и сяк, тянут во все стороны. И если раньше корень отдавал людям силу, то теперь стал её забирать. С каждым прикосновением к посоху разбойники становились всё слабее: вот уже и ноги их не держат, и зубы изо ртов вываливаются. Испугались душегубы, поползли прочь, как мерзкие змеи, да тут и испустили дух.

Дядька Саня умолк. Я подождал, подождал, да не выдержал:

– Ну? Что же дальше было?

– А вот и слушай. Когда наступило утро, очухался мужик, которого бандиты в телеге оглушили. Смотрит: старик в рубище мертвый лежит. А рядом пустило корни крепкое молодое дерево. А там, где упала слеза Старца – из земли ключик пробивается. Тут из леса и мальчонка вышел, который своими глазами видел, как всё случилось. Он-то всё и рассказал.

– И мальчонкой этим был дед твоего деда?

– Смешной ты. Нет, конечно. Мальчонка этот был Никола, который потом у святого ключа и основал селение Старцев Посох. Дерево к той поре вымахало необыкновенное, словно росло сто лет. А ручеек вот этот самый из того ключа и течет, – Саня кивнул головой в сторону мостка, из-под которого доносилось бульканье.

– Вот такая история. Так ли всё было или нет – никто не скажет. А только в Старцев Посох обманщикам да ворами лучше не соваться.

– Это почему?

– Место там чудесное, многие нашли у Ключа исцеление. За тыщи вёрст люди за водой священной к Старцеву Посоху ехали, детей, родителей привозили. Но есть одна особенность: если кто не покайся, да со злыми мыслями воды той отведаст, тому недолго жить – уходит сила в землю. С нечистой душой там делать нечего. Потому теперь и заросла туда дорога.

Дядька Саня посмотрел на меня:

– Но тебя я отвезу, Вадька! Поехали?

Я опешил. А дядька смотрит, глаз не спускает: чего же ты, дескать?

– Да ну тебя, – говорю, – сам-то пил с того ключа?

– Ты что, я ж сидел! Два года. Мы с ребятами в восемьдесят девятом тротил у шахтеров украли, рыбу глушить.

– И что, так и не раскаялся?

– Да бог бы с ней с рыбой... на рыбалке тогда брат мой погиб.

– Ну, ты же за то отсидел?

– Да не за то, Вадька, не за то...

– Ладно, хватит сказки рассказывать, поехали.

– Поехали, – согласился Саня.

Я запрыгнул в люльку, дядька стукнул по педали, и мотоцикл снова бешено затарахтел.

– Может, махнем? – уточнил мой спутник, кивнув головой в сторону Старцева Посоха.

– Да ну тебя!

Остаток пути до станции ехали молча.

Мысли мои, как вороньё, кружили над тяжелым брикетом травя-

ной пыли, припрятанным на дне сумки. Были в этом свёртке «и соки земные, и свет божий». Да только тёмное это всё, тёмное...

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВ, 1981 г.р., Ербогачён

Родился 26 сентября 1981 года в с. Ербогачён Катангского района Иркутской области. Пишет с двенадцати лет. Участвовал в литературных конкурсах и вечерах школьного клуба «Родничок». Публиковался в районной газете «Правда Севера», альманахе «Киренск литературный», в коллективных школьных сборниках «Родничок». Лауреат районного литературного конкурса «О Катанге с любовью», посвящённому юбилею Катангского района (2001). Окончил ербогаченское профессиональное училище по направлению «столяр-изготовитель изделий из дерева». Был членом жюри районных литературных конкурсов. Автор поэтических сборников «О Родине пою...» (МБУК «Катангская ЦБС», 2011) и «Серебряные струны моей души» (газета «Правда Севера» при финансовой поддержке Администрации МО «Катангский район», 2014).

УГРЮМ-РЕКА

Бежит, течёт Угрюм-река,
В себя вмещающая облака.
И широка, и глубока
Речная дельта.

Она смеётся и грустит,
При свете солнечном блестит,
Волнами тихо шелестит,
Ты только глянь!

Угрюм-река, забудь про грусть,
А годы мчатся, ну и пусть,
И я с тобой не расстаюсь,
Моя река.
Кто приходил к тебе сюда,
Тот будет верен навсегда,
А ты струишься сквозь года
И сквозь века...

ТАМ, ГДЕ ГОРИТ ОГОНЬ

Там, где горит огонь,
Там, где душа жива,
Кружатся посолонь,
Звёздные кружева.
Неутомимый взгляд
Мягкий струит укор.
Может быть, всё не зря,
Сердце стучит легко.
Там, где под солнцем – рай,
Там, где готовы ждать,
Ныне и навсегда
Еду туда – встречай...

ВОЛЧЬЯ РАДОСТЬ

Волчья радость – поел и спать,
Что ж так манит мечтой и высью?
Я так часто мечтаю стать
Лёгкой, гибкой и ловкой рысью.
Вверх по веткам вскочить! И вот –
Гладь небесная синью тешит,
И колючей звезды живот
Можно лапой потрогать нежно.
Волчьей жизнью не будешь сыт –
Сердце просит чего-то больше...

А звезда в небесах молчит
И о чём-то мечтает тоже...

ТУМАН

Туман съедает чувства и слова,
Теряются привычные устои.
И мир, что в мыслях я нарисовал,
Выходит, вовсе ничего не стоит?
Туман, а впрочем, это не туман –
А самая обычная реальность.
Ещё немного – и сведёт с ума,
Не совпадая в сущности ментальной.
Но отступить мне больше ни к чему,
Вокруг, куда ни глянь – одна туманность.
И потому я с гордостью приму
Любую участь. И любую данность.

* * *

Стареет день. И море лижет бок
Краснеющего яблока дневного.
Мой мир уснул. Ему поёт прибой.
А ветер торит путь вратами Бога.
И ночь близка. Взбирается луна
На сизый небосклон, румянцем снежным
Холодная волна озарена.
Я тоже сплю. Не троньте – бесполезно...

* * *

Клонится мира край,
Воду из моря пьёт.
Может, пришла пора
Прошлому дать развод?
Ситечком в небесах
Облака рваный бок.
Вечер листвою запах,
Манит, зовёт с собой.
Солнце целует лес,
Щурится из-за туч.
Вот за горой исчез

Самый последний луч.
Таает заката флёр,
Мир накрывает тьмой.
Где-то горит костёр,
Тихо иду домой.
Звонкий собачий лай
Перерастает в рык.
Клонится мира край,
Держится до поры.

ПРЕДАЙ МЕНЯ

Предай меня. Так принято теперь –
И никого не удивишь изменой.
Сбей с ног и надави на грудь коленом,
Последнее звено в цепи потерь.
Неискренни молитвы на крови,
А горькие упрёки – бесполезны.
Любовь не избавляет от болезней,
Я одиночка и неисправим.
Предай меня – естественен финал,
В котором убивают те, кто любит.
Ведь даже звёзды гаснут, что там люди,
Предай – и верь, что не твоя вина.

АВГУСТ

Август.
Почти что осень.
Трётся о стены дождь.
Мы друг у друга спросим
мысленно: «Что ты ждёшь?»
Ждём откровений, смеха,
радости и любви.
Но замолчало эхо:
где же ты, визави?
Нет ни письма, ни звука,
даже намёка нет.
Вновь опустили руки:
«Встречу бы тет-а-тет...»
Август.

Холодный полдень.
Дождь монотонно льёт.
Годен? А вдруг не годен
зрелой души полёт?

ЕРБОГАЧЁН

С детства знакомый, любимый до слёз, воздух дурманит в жару и мороз,
Чашей лесною скрывается он – Малая родина – Ербогачён.
Тем, кто ни разу не видел Тайгу, чувства свои расписать не могу.
Манит меня, словно радужный сон – Малая родина – Ербогачён.
Чащи сосновые, непроходимые, реки холодные, солнцем будимые,
Зелень под ветром мятущихся крон – Малая родина – Ербогачён.
Всем, что имею, пожертвовать рад, чтоб тут родиться второй раз подряд!
Сердце моё увлекает в полон – Малая родина – Ербогачён.

МОЙ КРАЙ

Ложилась тень на тихие луга,
И ветер заплутал в еловых гривах,
Услышу я: зашепчут берега,
Осины мне зацыкают ревниво.

Взмывают вверх крутые берега
Над синею недремлющей волною:
Их подмывает каждый год река,
Ни устали не зная, ни покоя.

Могучий кедр мохнатою рукой
Любовно укрывает две берёзы,
Во всей округе он один такой,
Не раз переживал лихие грозы.

На тёмном небе полнится луна,
И Орион выходит на охоту.
Бескрайняя родная сторона:
Лесов, хребтов, холодных рек красоты.

НИКИТА НОЯНОВ, 1992 г.р., Братск

Родился в 1992 г. в посёлке Заярск (Иркутская область). Живёт и работает в Братске. Педагог дополнительного образования в области изобразительной деятельности. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай», «Байкал». Принимал участие в литературных семинарах в Иркутске, Томске, Красноярске, Новосибирске, Барнауле, Химках (Московская область). Автор книги стихов «Провинциальный человек».

* * *

Светился кольцами, клочками,
Колени, руки согревая,
Конфетным вкусом, светлячками
Последнего в ночи трамвая.

Светился ветром серебристым,
Порой процеживаясь в люстру,
Светился блеском, словно выстрел
Ружейный в сумрачную пустошь.

Всю комнату в себя вмещая,
Меня, тебя и кружку чая,
Гардину, шторы, подоконник,
Светился шарик новогодний.

* * *

Смотрела пуговица
На море с твоего пальто,
А там кораблики
Себе тонули.

Я смотрел на море
И видел листок,
На котором нас с тобой
Зачеркнули
Стаи сомнений,
И чиркал спички
Воспоминаний.
Шипами торчали звёзды,
Огромные годы
Молчали
Пылью на полках,
Брошенными гнёздами...
Слышишь,
Оторви эту чёртову пуговицу
И брось её в море.
Мы ведь знали,
Что так будет.
Что ничего
Не будет.

* * *

Она читала Мандельштама.
Был день разрушен.
Оконная горела рама
Огнём наружу,
Сердечные будила шрамы,
Терзала душу.
Она читала Мандельштама,
А я не слушал.

* * *

Фонтан горел, смеялся, пел.
А мы стояли, и смотрели,
И говорили, как он бел,
Фонтан, он воротник метели.

Вокруг резвилась детвора.
Качались времени качели.
Фонтан. И августа игра
Листвой последняя... И гжели.

Небесных стёкол, ободков,
Нас зачаруют на недели,
На годы, на перроны слов.
Фонтан! Мы выстрелы. Мы цели.

Цветы увядших фонарей.
Чуть-чуть друг к другу не успели,
Фонтан горел – скорей, скорей...
А мы мороженое ели...

* * *

посмотри на себя сквозь стены
видишь меняется космос
одуванчик боится тени
моря боится остров

неба боится птица
звук тишины боится

а ты не бойся

посмотри на себя сквозь космос
видишь как падают стены

как хворост
огню на колени

* * *

скрипит часовая пружина
днём моросит
затянет небесная глина
старый язык

новый заметят не скоро
в битых дождях
сколько ему позора
сна на гвоздях

Шёл снег
Неслышно на крыши,

Гор, рек
Всё выше и выше
Лет вех
На цыпочках лыжных
Шёл вверх,
Шёл выше и выше.
Сон. Звон.
Неважно подстрижен,
Смешон,
Шёл полкою книжной,
Ворчал,
Искал буквы жизни,
Ночам
Дарил сотни вспышек
Рам роз.
Всё выше и выше
Снег рос.

* * *

словно солнце уснуло на облаке
словно слово уснуло в росе
сколько света украдено в яблоки
сколько осени ранней весне
снится снег раскалённому жёлобу
снится звон задремавшему дню
спичка чиркнула память ли шорох ли
спичка полночи я тебе снюсь

* * *

молчи и слова не скажи
закрой от мира уши
ты говорить не заслужил
и слушать

смотри на голубую нить
от мотыльков по луже
зачем тебе о чём-то говорить
о чём-то слушать

* * *

горела высота на краешке моста
горела неспроста как возраста верста
горела день и ночь ей не гореть не мочь
когда я упаду от боли и умру
храни мою звезду я жить так не могу
прощаться на бегу валяться на снегу
смеяться и смотреть как серебрится смерть
как выдыхает память калитку тропку камень
знакомые слова а что сейчас слова
как счастье жило-было и вдребезги разбилось
прости меня мой друг я жить так не могу
я не могу так жить а ты давай держись

* * *

просто так рисует вечер
снег и дождь
калиток плечи
просто так улыбки взгляды
кто в разлуке
тех кто рядом
прошлогодних листьев салки
по дороге
дней скакалки
механизмы шестерёнки
стрелки числа
соль в солонке
корку хлеба на клеёнке
чай с вареньем
подоконник
свечку
спички
кнопки
зонтик
просто так рисует вечер
раз заняться больше нечем

Миниатюры

ДАРЬЯ ГОЛОВИНА, 2007 г.р., Иркутск

Учащаяся средней школы № 3 г. Иркутска. Занимается в театральной студии «Белый ветер» и в творческом кружке «Художественное слово». Победитель конкурсов чтецов «Русское слово» и «Сибирская лира», в которых награждена дипломами Гран-при и первой степени.

ОГОНЕК

В одном маленьком городке на окраине леса стоял небольшой домик. На чердаке этого дома среди различных ненужных и забытых вещей, покрытых серым слоем пыли, на деревянном полу лежала свечка. Восковая одинокая свечка, в которой, будто бы в домике, жил маленький жёлтый Огонёк. Он был еще более одиноким, чем его маленькое незатейливое жилище. Огонек был печален и выглядел очень несчастным. Ему было грустно и досадно от одиночества. Он был готов заплакать, но слезки застыли в его маленьких глазках. Огонек не умел ни плакать, ни радоваться, ни любить... Он не знал всех этих чувств. А вот печаль и

одиночество были ему очень знакомы... Он жил и надеялся, что у него обязательно появится кто-то очень близкий и родной, способный дать ему ощущение, что он кому-то нужен. И с этими надеждами он существовал очень много лет.

Шли годы. Одни хозяева дома сменялись другими, ненужные вещи то исчезали, то появлялись, коробки сменялись на чемоданы, но для Огонька никогда ничего не менялось. Иногда на чердаке появлялись люди, и Огонёк с трепетом и надеждой ждал, что вот сейчас его поднимут, установят в красивый подсвечник и поставят на праздничный стол, за которым соберется вся семья, и Огонек порадует всех своим задорным пламенным танцем. Но этого так и не произошло... Люди просто проходили мимо, брали что-то или, наоборот, складывали какие-то вещи, уходили, оставляя Огонька в полном одиночестве.

В какой-то момент в доме поселилась маленькая, но очень дружная семья. В семье росла прелестная девочка, с милой искрящейся улыбкой. Но эта история не о девочке, а о маленьком теплом существе, желающем любви, тепла и заботы.

И вот однажды на чердак забралась та самая милая девчушка с прелестной улыбкой. Отряхнув свои маленькие ладошки от пыли, она огляделась, будто искала что-то особенное. Окинув взглядом все эти странные вещи, она почему-то остановила свой взор на лежащей на пыльном полу свечке. Не раздумывая, она взяла свечку в руки и внимательно посмотрела. А Огонёк в этот момент почувствовал какое-то приятное волнение, в душе потеплело.

– Откуда ты здесь, дружочек? – спросила девочка

От этого Огонёк еще более взволновался, и его желтенькое личико приобрело пурпурный румянец. Он очень хотел ей ответить, но... Не мог. Он просто не умел.

– Кто тебя тут оставил? – продолжала она. – Неужели ты никому не нужен?

Так оно и было. Огонёк долгое время был ненужным и брошенным. Но в этот раз он надеялся, что наконец-то его заберут с этого пыльного темного чердака.

– Давай, я отнесу тебя в комнату!

И девочка с молчаливого согласия Огонька спустилась вниз.

Внизу был совсем другой мир. Мир, полный света, тепла и вкусных сладких запахов. Все было таким новым и красивым, что Огонёк совсем забыл о своих печалях. И вот Огонёк в своем домике-свечке оказался в резном, красивом маленьком подсвечнике, в уютной комнатке девочки. Порывшись в комод, девочка нашла небольшую коробочку со спичками.

Чиркнула спичкой, та вспыхнула, и только девочка попыталась зажечь свечу, как в комнату вошла мама.

– Дочка, ты же обожжёшься! – воскликнула мама, задув спичку. – А если пожар? Огонь – это очень опасно! – И забрала весь коробок со спичками. Мама отнесла свечку наверх, и вот Огонёк опять оказался на мрачном, пыльном чердаке. Его счастье оказалось таким мимолетным, что чувства тоски и печали охватили его еще с большей силой. Огонёк стал понемногу угасать...

Шли месяцы: лето сменилось осенью, а за ней пришла и зима. Когда стало совсем холодно, отец девочки зажигал камин в гостиной, и приятный теплый воздух разливался по всему дому, поднимался на чердак. Так Огонёк согревался. Он уже не мог обогреть самого себя, потому что за многие годы одиночества он потерял это свойство.

И вот однажды теплый воздух перестал поступать на чердак. Огонек очень заволновался, он перебирал в голове разные мысли, некоторые из них пугали его...

– Всё, спички закончились! – встревоженно сказал отец. – И запасов совсем нет... Дорогу замело, мы не сможем попасть в ближайшую лавку, чтобы купить спичек...

– Совсем ни одной? – уточнила мама.

– Совсем... Хотя...

Он порывлся в ящике с инструментами, и нашел одну единственную спичку.

– Только одна, – печально сказал папа...

– Я сейчас! – вдруг воскликнула девочка, выпрыгнув из-под теплового одеяла.

Она побежала на чердак, быстро отыскала ту самую свечку, принесла ее в гостиную и поставила на стол.

– У меня есть идея! – сказала она. – Мы зажжем свечу единственной спичкой и будем поддерживать её огонёк, а когда будет холодно, благодаря свече будем зажигать огонь в камине до тех пор, пока не появится возможность пополнить запасы спичек!

– Какая же ты умница! – восторженно сказал папа. – Эта свеча действительно спасение для нас! Хорошо, что она есть! У нас будет огонь и тепло!

– Огонь несет не только опасность, он может стать настоящим спасением! – сказала мама.

Услышав эти слова, Огонек, который практически потерял все свои силы, как-то встрепенулся, появилось приятное волнение. Он понял, что кому-то нужен, что он все-таки способен подарить тепло и ту любовь,

которую он так мечтал испытать.

И вот папа одним взмахом руки зажжёт единственную спичку, поднес к свече, и Огонек, переполненный счастьем, выпорхнул из многолетнего заточения, озарив своим пламенем всю комнату. И оказалось, что все эти годы в одиночестве были не напрасны, он был счастлив от того, что смог подарить людям не только тепло, но и свою душу, которая была прекрасна и умела любить.

В камине приятно потрескивали дрова, семья сидела за столом и любовалась на веселый танец Огонька, который спас их от холода.

НЕЗНАКОМКА В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Я постоянно читаю.

Очень люблю это делать.

Читаю везде, где только можно: на остановке, на улице в парке, в метро, в автобусе, дома, лёжа на диване или сидя в кресле.

Любовь к книгам пришла ко мне ещё в подростковом возрасте; сначала я читал фантастику. Все мои полки были заставлены фантастическими произведениями, и большая часть – в дешёвом мягком переплёте. Я постоянно откладывал деньги, которые мне родители давали на обеды в школьной столовой, копил их, и, когда накапливалась нужная мне сумма, я шёл в маленький книжный магазинчик, стоящий недалеко от нашего дома, и покупал желанную книжечку. Сколько счастья и радости я испытывал в тот момент, когда бежал, прижав к груди новенькую, маленькую, почти карманного варианта книгу, домой, чтобы поскорее поставить её к другим книгам на полке. Днём я делал уроки, а ночью, под одеялом с фонариком, читал её – долгожданную, желанную...

Когда я стал старше, меня заинтересовали психология и биология. Садясь на задние ряды в автобусе, я любил прислониться к стеклу окна плечом и, загнув обложку книги, читать строение человеческого головного мозга.

Через какое-то время меня заинтересовало творчество Чехова. Читал его пьесы, маленькие юмористические рассказы. Они позволяли мне расслабиться и отвлечься от городской суеты. В тот период моей жизни у меня было мало времени читать, а рассказы Антона Павловича отлично помогали не забывать о любимом деле и не забрасывать его.

Сейчас же мне нравится читать художественную литературу. Что-нибудь лёгкое и не мудрёное. Нет желания загонять свой мозг «в комнату рассуждений и анализов». Хочется чего-то попроще и полегче...

Захожу в электричку, сажусь на место под окном, ставлю рядом рюкзак, раскрываю книгу и продолжаю чтение. Жёлтые лучи вечернего солнца падали на белые страницы и мне на щёки. Лучи ласкали меня и согревали. В электричку зашли ещё люди, и транспорт тронулся. Покачиваясь взад-вперёд, я полностью погрузился в лёгкий сюжет и совершенно не обращал внимания на окружающих. Люди то заходили, то выходили, но мне было всё равно. Я был с головой погружён в произведение, и тот шум, который создавали люди, не мог вырвать меня из книги.

Но вот электричка остановилась...

Зашло несколько людей, и среди них была девушка. Сначала я не обратил на неё внимания. Она прошла, села напротив меня через два ряда и, поставив рядом с собой небольшую сумочку, открыла книгу и устремила свой взгляд на текст. Что-то вдруг дёрнуло меня, как будто выстрелило в голову и выдернуло из сюжета книги. Я посмотрел на девушку.

Она была милая. Её тёмно-русые волосы сверкали и переливались рыжеватыми прядями под лучами заката. На щеках были еле заметны крошечные веснушки. Носик её был маленький и аккуратненький. Тоже покрыт веснушками. Её тонкие, правильные черты изображали спокойную задумчивость. Иногда, при чтении книги, эти черты некрасиво искривлялись, когда она хмурилась и прикусывала нижнюю розовую губу. Глаз, к сожалению, я не мог разглядеть – они были опущены вниз, в книгу. Вдруг длинная прядь её волос упала на хорошенькое личико. Изящным и лёгким движением тонких пальцев она убрала прядь за ухо. Я невольно любовался ею, забыв о книге, о сюжете, о том, куда и зачем я еду...

Вдруг она почувствовала на себе мой взгляд и подняла голову.

Глаза...

Ох уж эти глаза, я их никогда не забуду!

Они были большие, красивые, глубокие, тёмные, тёплые, заинтересованные и добрые. В её карей радужке залоснилось золотом солнце. Она прищурилась и наклонила голову на одну сторону. Я, очарованный её красотой, не сводя с неё глаз, улыбнулся ей. Она хитро улыбнулась мне в ответ, оголив белые ровные зубки. Эта приветливая, милая улыбка загорелась и потухла также быстро, как и спичка. Она снова опустила глаза в книгу и продолжила задумчиво читать.

Теперь она мне кажется не просто милой, а красивой. Очень красивой.

Я продолжал любоваться этой девушкой. Читать уже не хотелось. В книгах я находил какое-то упоение, а сейчас я находил это самое упоение в ней.

Вдруг девушка засуетилась и начала вставать. Я даже не сразу

почувствовал, что транспорт остановился. Она взяла сумочку и пошла к выходу. Я хотел было подойти к ней, но она внезапно пропала из виду и затерялась в шумной суетной толпе. Делать было нечего. Я прошмыгнул через толпу, случайно наступая на ноги прохожим и расталкивая их, и высунулся из дверей электрички. Я вглядывался в лица каждого человека на остановке, но не нашёл её... В лице каждой девушки я с надеждой искал те самые милые, тонкие черты, но не находил их... Искал карие глаза, наполненные светом добра и искренности, но вокруг были только тусклые глаза, помутневшие от серых городских пейзажей...

Спустя несколько тщетных попыток отыскать ту прекрасную я всё-таки вернулся на своё место, весь опустошённый, раздосадованный...

Весь остальной день я был в угнетённом состоянии. Мне было так тяжело и так печально на душе, что даже не хотелось ни с кем говорить. Совершенно ни с кем. Я был полностью погружён в свои мысли и не хотел выходить из них. Я вспомнил её глаза, в которых так красиво переливалось солнце... Её губы, которые так мило растягивались в улыбку... Она въелась мне в память, выбилась в голову гвоздём и испепелила мне всё сердце...

И теперь каждый раз, как я вспоминаю о ней, моя душа так болит и так стонет, что даже порой тошно... Но всё же после этой боли приходит тёплая, согревающая изнутри грусть.

Прошло четыре года.

Я до сих пор сажусь на ту самую электричку в надежде, что снова увижу её. Но среди десятков грубых серых лиц я не нахожу её милого и родного лика...

.....

Шёл – и встретил женщину.

Вот и всё событие.

Подумаешь, событие!

А не могу забыть её.

Не могу забыть её.

А она забыла.

Вот и всё событие.

Вот и всё, что было.

(Борис Заходер)

НАДЕЖДА ОНИЩЕНКО, 1993 г.р., Зима

Родилась в городе Саянске, с 2017 года проживает в г. Зима. Училась в Саянском медицинском училище по специальности «Лечебное дело». Окончила курсы массажиста-эстетиста, визажиста, мастера по пирсингу. Свободное время посвящает танцам (восточные, более 15 лет практики), стрельбе из лука, собиранию алмазной мозаики, кручению огненных вееров (фаершик), воспитанию дочери. Обожает животных, в особенности больших собак. Работает инженером технической поддержки в ООО «ТелеНэт Саянск». Пишет с 14 лет. Публикуется на портале Проза.ру. С января 2020 года является членом Российского союза писателей. Работает над собственным сборником.

САМОЕ ДОБРОЕ УТРО

Утро выходного дня. Мы с дочей сели завтракать. На столе были её любимая манная каша, чай и вафельки.

– Мама, а кошка Мыша опять на меня ночью свои лапки положила. Зачем она так делает?

– Если кошка ложится к тебе и кладет на тебя свои лапки, значит, она сильно тебя любит и доверяет.

– Мама, а что такое «доверяет»?

– Доверяет – это значит не ждать ничего плохого. Знать, что тебя не обидят. А если и ждать, то только хорошее.

– А-а-а, понятно. А Рыжий когда лапки ложит, он когтями цепляется. Он мне не доверяет?

– Доверяет, Танюша. Кошки так делают друг другу массаж, проявляют заботу.

– Мама, но я же не кошка.

– Да, ты не кошка. Но Рыжий всё равно тебя любит и так проявляет заботу о тебе.

Каша была съедена, приступили к чаепитию. Таня сидела и обгрызала вафли со всех сторон. Наверно, так вкуснее.

– Мама, а у нас правда не бывает волшебных палочек?

– Не бывает, доча. Они только в сказках.

– А если нам попробовать изобрести волшебную палочку?

– К сожалению, у нас ничего не получится.

– Жаль. Вот если бы у меня была волшебная палочка, я бы, знаешь, что загадала?

– Много игрушек?

– Нет. Я бы загадала, чтобы никто не болел. И чтобы всегда было тепло. Тогда бы птицам не пришлось улетать на юг, а медведям ложиться в спячку.

– Чудесно. Уверена, это было бы здорово.

Допив чай, Таня бегом побежала из-за стола.

– Мама, пошли скорее умываться. У меня носик в каше измазался! Я же не поросенок.

АРТЁМ МОРС, 1982 г.р., Иркутск

Родился в 1982 г. Окончил филологический факультет ИГУ, Литературный институт им. Горького. Автор книг стихов «Из этого темнеющего сада» (2006, Иркутск: «Издатель Сапронов»), «Другими словами» (2014, Москва: «Воймега»), «Что музыка» (2020, Москва: «Воймега»). Стихи публиковались в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Футурум АРТ», «Плавучий мост», «Крещатик», «Сибирские огни», «Сибирь», «Луч», «Байкал», интернет-журналах «Пролог», «ЛиТERRАтура», «Тextura», «Формаслов», альманахах «45-я параллель», «Иркутское время», «Зеленая лампа», «Тверской бульвар, 25», «КУБ», «Паровоз», антологиях «ЛитературРентген. Антология» (Нью-Йорк, 2012), «Бег времени» (Иркутск, 2011), «Новые писатели» (Москва). Член Союза российских писателей. Организатор творческой инициативы «Поэты в городе». Живет в Иркутске.

* * *

Там, где улица Карла Маркса упирается прямо в реку,
где шагреновой кожей съезживается земля,
всегда находится место обыкновенному человеку,
которым можешь быть ты, или он, или я.

И вот мы выходим на набережную, полную скрытых смыслов,
где время течет быстрее самого себя,
на берегах здесь царствуют молчаливые водяные крысы,
а в небе живут облака системы «воздух-земля».

На другом берегу временами гремит жестяная дорога,
вон электричка отправилась в свой недалекий путь.
Кто там в Слюдянку едет? Первокурсница-недотрога
книжку сонно листает и боится уснуть.

Называй это местом силы или площадью отчуждения,
в шесть утра особой разницы не ощутить.
Когда сидишь здесь один в свой собственный день рождения,
кажется, что вот-вот поймашь какую-то нить.

Память ли вдруг подкинет какой-нибудь глупый случай
или вдруг неожиданно умная мысль придет.
Со стороны посмотришь – Господи, как я скучен,
а изнутри глядишь – все вроде наоборот.

Так и сидишь один, пока вокруг не проснулись,
все неотложные мысли откладываешь на потом.
По левую руку в туман погружается остров Юность,
по правую руку река теряется за мостом.

* * *

С.В.

выпростались из темени
матери лона сна
комнатные растения
мёртвые имена

аглаонема скиммия
сцилла каламондин
кливия бугенвиллия
хойя эхмея мирт

гладкие лакированные
капсулы семена
снова рожают новое
корни растут до дна

что ты стоишь, как вкопанный
смотришь в окно на снег
мятый ненужный скомканный
комнатный человек

* * *

Сквозь этот холод, космос, пустоту
растёт зерно, и вместе с ним растут
цветок и дерево, отвага и тревога,
передо мной растёт моя дорога,
и тень моя, и всякая судьба
готовит всем по росту короба.
Метёлочка метёт, а ветер носит,
и в голову уже надуло проседь...
Простая жизнь, простая как вода –
течёт, не утекает никогда.
Горит-горит холодная звезда.

* * *

Это самое... личное дело,
изучая которое, ты
никогда не дойдёшь до предела,
не достигнешь другой стороны.

Докопаясь вряд ли до сути
и не вынесешь верный вердикт
никогда, потому что, по сути,
это просто большой черновик.

Он клубится лозой винограда,
разбегается ртутной водой,
и из этого круглого ада
никому не вернуться домой.

Потому что заходит под кожу,
потому что выходит уже
через поры – отчетливей, строже
на последнем своём этаже.

* * *

каждой весной в Сибири
в промежутке между таянием снега
и цветением первых цветов
наступает время большого танца
танцующих поездов
только представь себе
каждый ну то есть буквально каждый
от маленького ребенка до пожилого дяди
танцует в ритме собственной музыки
живущей в его в голове
личная музыка движет всеми
а некоторых даже поднимает над землей

во время большого танца
в эпоху великого танца
когда единственно верным
и внутренне необходимым
оказывается лишь танец
будто это последнее
и самое нужное
что осталось на земле

и вот каждой весной
между последней горсткой снега
и первым распустившимся цветком
в Сибири наступает это важное время
время теплого ветра
время большой свободы
и огромной любви

его трудно понять
но можно попробовать ощутить
выйдя из поезда
на перрон станции Тулун
23 апреля 2018 года
в 15 часов 13 минут

* * *

В подробных сумерках дробится,
переливается вода,

блестит, как белая страница,
тарелка стылого пруда.

Луна плывёт, как на ладони,
рифмуется сама с собой,
и кажется, что пруд бездонен,
как этот космос голубой.

Всё замерло, но сердце бьётся,
вселенной убыстряя ход,
и лес стоит, не шелохнётся,
а воду оторопь берёт.

* * *

А.К.

Там, где заканчиваются деревья
и начинается знак вопроса,
ждёт не дождётся тебя древесная келья
со стаканом медного купороса.

Наступает время припасть к земле,
прорасти в неё и держать корнями,
тут уже не замыслить тебе побег,
вернее побег твой будет в древесном плане.

Не важно, каким ты деревом станешь в лесу,
березой, осинкой, лиственницей или вязом
я всё равно срублю тебя и снесу,
потому что навеки с тобой повязан.

Так и будем прыгать от берега к берегу,
в вечном круговращении пребывая.
Человек после смерти становится деревом,
а дерево человеком, зая.

* * *

1

из мягкого облака в душу пустую
на переходе в метро
я вспоминаю тебя молодую
большего мне не дано

правило жизни и правило смерти
верный единственный свет
как путешествие в тесном конверте
будто обратный билет

может когда-нибудь всё повторится
сложится скучный пасьянс
свет загорится выпорхнет птица
просто уже не для нас

2

вмятинка жизни камень простой
непробиваемый лёд
не уходи перестань постой
не доходи до ворот

оцепеневший жасминовый куст
двинуться сил не найдёт
листьев не сбросил полон и пуст
скоро придёт новый год

нет не заменят тебя не найдут
дальше придётся жить
как же тебя в самом деле зовут
имя своё скажи

* * *

взрослое животное входит в холодную воду
фыркает и плывет
жизнь его похожа на непогоду
и одновременно на самолет
вот он летит/плывёт и плывёт/летит
ветер его обнимает дождь его холодит
господи что происходит и почему всё так
господь не отвечает абонент потерял контакт
хочешь не хочешь приходится выбираться
из обстоятельств/времени/леса/тьмы
взрослое животное с животной грацией
выходит мокрое из воды

* * *

В Сибири люди с пёсьими головами
ходят по кладбищам и не дают уснуть,
мёртвые пишут коллективные письма,
жалуются на вой по ночам и какое-то
непотребное поведение.

Сами они не видели, но точно знают:
поведение непотребное.

Улицы здесь не то что не асфальтированы,
их как бы и вовсе нет.

Да и зачем здесь улицы, если такой простор:
ты просто идёшь пешком куда хочешь
или седлаешь своего медведя и едешь.
Такой простор, что слёзы наворачиваются
и хочется выть.

А тут ещё эти со своими письмами...
Задолбали.

Тут и так-то невыносимо:
вечная мерзлота, бесконечное кладбище.
Копнёшь чуток – череп татарина,
ещё немного – монгола,
а дальше всё вперемешку:
кости первопроходцев, бивни мамонтов,
останки шерстистых носорогов,
да разные допотопные гаджеты.
В общем, тоска и холод. Хочется выть.

Можно, конечно, уехать. Но никто не решается.
Старики говорят, ни один ещё не вернулся.

* * *

Уже почти вошло в привычку
не спать полночи, вот опять...
Стихи – ночная электричка:
отходит в час, приходит в пять.

И вроде бы всё как обычно –
весь день на завтра хочешь спать.
Стихи – больная электричка:
лечить, снотворное давать!

Представь, что всё это в кавычках:
чужой багаж, ручная кладь.
Стихи – пустая электричка,
но вот она слышна опять.

Стучит в висках, кричит по-птичьи,
гремит и не даёт уснуть –
моя любимая электричка,
вези меня куда-нибудь.

* * *

Это июль. Это лень и сомнения,
медленная карусель.
Через соломинку тянется время,
сладкий овсяный кисель.

Это июль. Городские окраины
спят в раскаленной пыли.
Лето на лбу выступает испариной,
что там маячит вдали?

Это июль. Это детская комната,
утренний ласковый свет,
летних каникул расстегнутый ворот,
выигрышный билет.

Это июль. Разве всё уже сказано,
разве уже решено?
Личная вечность спрессуется в камне,
время уйдет в решето.

Это июль. Невозможно прощание,
не существует разлук.
Синее небо, берег песчаный,
лето, спасательный круг.

* * *

Сфотографируй поле,
сфотографируй лес,
сфотографируй море,
волны и край небес.

Сфотографируй птицу,
сфотографируй мыс,
фотографируй лица,
сфотографируй жизнь.

Сфотографируй ночь,
небо, фонарь, аптеку,
фотографируй – это
делает тебя человеком.

Это совсем несложно,
но нереально важно.
Если это возможно,
значит увидит каждый.
Это просто и быстро,
тихо и незаметно,
будто снайпера выстрел,
делающий бессмертным.

Фотографируй ноги,
фотографируй руки,
сфотай изгиб дороги
и не умрешь от скуки.

Сфотографируй облако,
сфотографируй дерево –
ради чужого отклика,
общего одобрения.

Где твои фотографии,
что ты вообще такое?
Фотографируй, нафиг,
всё, что есть под рукою.

Сфотографируй место,
сфотографируй время –
это же интересно
для будущих поколений.

Выложи всё, что можешь,
пусть все вокруг увидят.
Ты ведь, конечно, тоже
значимый индивидуум

Это совсем несложно,
но нереально важно.
Если это возможно,
значит увидит каждый.
Это просто и быстро,
тихо и незаметно,
будто снайпера выстрел,
делающий бессмертным.

Хватит живых аналогов,
мы переходим в цифру –
так из большого в малое
сможем все поместиться.

Время всё поменять
и никогда не стариться –
сфотографируй меня...
Я тоже хочу остаться.

* * *

бабочку комара
с лёту съедает стриж
просыпаться пора
а ты всё ещё спишь

ну же открой глаза
август не станет ждать
прилетит стрекоза
сядет в твою кровать

многое не вернуть
прочее не отнять
каждый пройдёт свой путь
чтобы в конце понять

бабочка стрекоза
это такой закон
просто открой глаза
не прерывая сон

* * *

птица трогает руками
воздух вязкий как мазут
я хочу остаться с вами
но другие ждут

хищным взором обнимая
пряча пулю между строк
вдруг поймешь не надо рая
и взведешь курок

пять минут до воскресенья
десять лет до немоты
хватит пеня и терпенья
широты и долготы

для того чтобы остаться
сохраниться как
прямо в космос бы продраться
через этот мрак

* * *

Б.П.

Ещё не осветило полностью
деревню августовским солнцем,
качались на веревке простыни,
шумели за оградой сосны.

Сон отлетел, как привидение,
я вышел посмотреть на звёзды,
на их мерцание, движение,
на их сияние сквозь слёзы.

И что-то чудилось нездешнее,
что без конца и без начала,
как будто музыка небесная
в рассветном мареве звучала.

А этот свет пунцовый, истовый,
как будто сам собою созданный,
всё рос и ширился, как истина,
и наполнял окрестный воздух.

Потом залаяла собака,
проснулся сын, и мы без повода
читали «Август» Пастернака,
и не хотелось ехать в город нам.

Позавтракали, вышли из дому
и побрели до леса тихо.
Туман рассеивался исподволь,
и вспыхивала облепиха.

Мы шли вдвоём навстречу осени
сквозь время и пространство лета,
и август провожал вопросами,
не требующими ответа.

* * *

Поэзия – это во многом
простое дрожанье стекла,
не видели бога, но с богом
вся жизнь, как вода, утекла.

Не слышали музыку сфер, но..
музыка с нами была,
поэзия – это, наверно,
густое мычанье вола.

А может быть, камень Сизифа,
попробуй его закати,
поэзия спрятана в мифах,
она там сидит взаперти.

Как Золушка, как оборванка,
всё ждёт приглашенья на бал.
Поэзия – детская ранка,
что я до крови расчесал.

МАКСИМ БУЛДАКОВ, 1994 г.р., Бодайбо – Иркутск

27 лет. Родился в г. Бодайбо Иркутской области. Участник иркутского творческого объединения «Поэты в городе». Лауреат V Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зеленый листок». Живет в Иркутске.

ГУСЕНИЦА

Солнцепёк. Пыль целится в сетчатку.
По асфальту, прикрывая взвод
ножек мягких, стёртых о брусчатку,
ленточка ожившая ползёт.

На спине полоски-единицы.
Тельце изгибается волной.
Всем движением своим она стремится
вытолкнуться из себя самой.

Яркие цвета, как на плакате,
обручей-сегментов стройный ряд:
словно, на кричалки сил не тратя,
шаг чеканит маленький парад,

но куда? Повсюду ей, беглянке,
угрожают наперегонки

эскадрильи птиц, колёса-танки
и авиабомбы-каблуки.

Жизнь не сахар, участь – не подарок...
Ей судьба подкинула билет –
нужно стать подобием футляра
вроде для себя, а вроде – нет.

Ей – полуживым повиснуть грузом
на торчащем прутике, и в глаз
посмотреть невидимой Медузе.
Не спасёт никто – такой рассказ.

И когда вся кожа слой за слоем
примется неспешно каменеть,
не на небо, а на куст с травую
будут глазки чёрные смотреть

* * *

поэт а м
редактировал моё стихотворение
взял его на время
потом вернул
смотрю
что-то не так
говорю повернись
так и есть
поэт а м
убрал тире перед последним
и самым важным словом
как будто ребро удалил
так искусно что и шрама не осталось
не решился спросить почему
зачем я вообще поставил это тире
дайте подумать
наверное
моему взгляду оно было необходимо
как небольшой отрезок
на котором не нужно прыгать
с буквы на букву
как с крыши на крышу

а можно спокойно
пройтись отдохнуть
перед финальным прыжком вверх
видимо
моим лёгким оно было необходимо
как возможность сделать
глубокую паузу
перед глубоким вдохом
перед последним
и самым важным словом
похоже
моему языку оно было необходимо
как возможность взять
дополнительную секунду
чтобы
упереться в зубы
и быстрее
спружинить назад
выжечь искру последнего
согласного звука
чтобы он прозвучал
как э-э
ну короче как надо
чтобы он прозвучал
очевидно
поэту а м всё это не нужно
у поэта а м
глазные мышцы хищника
лёгкие бегуна на длинные дистанции
язык аукциониста по продаже скота
как вода точит камень
так его дыхание точило
голосовые связки
чтобы изо рта выходила
чистая поэзия
а мне-то дальше как
с моим стихотворением
интересно что поэт а м
будет делать с украденным тире
может подрубит на дефисы

да наплевать
как я зол
спасибо

КОНСТАНТИН МАКСИМОВ, 1984 г.р., Зима

Член Союза российских писателей с 2016 года. Автор двух книг – «Ассоциации» (сборник стихов) и «Пустыня» (сборник рассказов). Повесть «Газ» напечатана в сборнике «Антология прозы двадцатилетних. Второй выпуск» (издательство «Лимбус», Санкт-Петербург). Печатался в журналах: «Юность», «Новая юность», «Сибирь», «Зеленая лампа», «Иркутское время», в газете «МК-Байкал», в интернет-журнале «Дискурс». Участник конференции в Липках фонда ФСЭИП (опубликован в итоговом сборнике «Новые писатели»). Лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Работает репортером в районных газетах. Соруководитель зиминских литературных объединений «Свиток» и «1 Том» (молодежное объединение).

ЛЮДИ ОСОБОЙ НЕЖНОСТИ

Рассказ

Мое стремление к знакомству с Медсестрой было неслучайным, но изначально не было продиктовано желанием подвергнуться процедуре «живой смерти». Конечно, я знал, чем занимается эта женщина, но не желал испытать это на себе и стремился лишь к знакомству, к общению

с ней, так как интересовался эзотерикой, гипнологией, надличностной психологией. Всем тем, что рано или поздно приводит к «философскому камню» оккультизма – сумасшествию. Именно добровольным сумасшествием мне, как и многим, виделись эксперименты, которые проводила над адептами эта женщина. Однако подобные ярлыки отпали после знакомства с одним из прошедших процедуру. Желание познакомиться с Медсестрой перешагнуло грань любопытства и усиливалось с каждым днем, пока Михаил (который когда-то подвергся процедуре, но не производил впечатления оторванного от реальности человека) не организовал встречу. Он свел нас в уютной домашней атмосфере, за бутылкой вина. Присутствовало еще несколько гостей, велись светские беседы. За окном шли последние дни осени, падал снег.

Как и я, Медсестра пришла одна. Вела себя обособленно. С Михаилом говорила отстраненно, как с незнакомцем. Ей было около сорока – высокая, сухая и серьезная. Неспешная, сдержанная. Умела слушать. Замерев во внимании к речи собеседника, держала осанку и опускала взор, а после, не выжидая удобного момента, отмирала и говорила своё слово, свой монолог вопреки внешним обстоятельствам и течению общей речи. Если её смели перебивать, повышала голос. Постепенно все разговоры за столом свелись к обсуждению деятельности Медсестры.

Она рассказала, что сама была подвергнута данному «лечению»; что некий мастер (гуру), на протяжении длительного времени её обучал – после этого она решила на собственную частную практику.

– Дипломы за подобное образование не выдают, – резюмировала она. – Это хорошо, так как развелись бы шарлатаны.

Очевидно, себя она считала избранной, мессией. На вопрос, зачем ей это нужно, ответила:

– Не пытайтесь найти нечто скрытое. Мной движет лишь преданность медицине.

Ответ вызвал всеобщее недоумение. Ей пришлось пояснить:

– Естественно, я пыталась найти в данной деятельности выгоду, но чем дольше практиковала, тем яснее становилось то, что материальную выгоду получить невозможно – этим занимаются вопреки материальной выгоде и здравому смыслу торгашей и покупателей.

– Возможно, есть некая нематериальная выгода? Например, вы удовлетворяете личные амбиции или готовитесь к защите диссертации, – спросил начинающий адвокат.

– Повторю, что занимаюсь этим вопреки материальной выгоде, и лишь потому, что я – врач, – ответила Медсестра.

– Будущий – вы имели в виду? – не успокаивался наглый адвокат.

– Послушайте, – проговорил Михаил, – процедура не только избавила меня от депрессий, но и сняла все симптомы шизофрении, которая омрачала мой рассудок. Я жалею лишь о жизни до процедуры.

Адвокат сконфузился. Заговорил я:

– Что от меня нужно, чтобы пройти процедуру?

– Решимость и осознание того, что на год вы полностью отдаете себя в мои руки, – отвечала Медсестра.

– Так недолго, – сказала я.

Поклонившись, поцеловал ей запястье:

– Но с удовольствием!

Через несколько дней мы встретились в условленное время в условленном месте – утром, на краю города, у деревянного здания барачного типа. Казалось, Медсестра напускает на себя излишнюю деловитость, строгость, но за ними скрывалось нежелание идти на близкий эмоциональный контакт, что привело меня в состояние вынужденной дисциплинированности. По старой подъездной лестнице мы поднялись на второй этаж и прошли в маленькую квартиру, где были лишь большая комната, кухня и санузел. В комнате – диван с пледом и подушкой; старый светильник над диваном. Вещи, которые я взял с собой, остались у двери, так как Медсестра сообщила, что собирается их забрать.

– Раздевайся догола и ложись на диван, под плед, – сказала она, скрестив руки на груди, – смущаться нет смысла.

Нервно шутя, я разделся и лег на жесткий диван, накрылся шершавым пледом. Медсестра подала горсть таблеток, стакан воды. После встала и – неожиданно ускорившись, быстро, как на киноплёнке – оделась и ушла. Я остался один. Смотрел в потолок и слушал шум машин за окном, но постепенно шум стих. Окна закрывали плотные шторы. Мрак придавил меня, как пресс. Сознание и самоощущение исчезли. Исчезло тело. Далее вспоминаю лишь редкие движения в темноте, сопровождающиеся вспышками визуальных образов в виде черных ветвистых деревьев и надвигающегося поезда из фильма Люмьер. Торопливые приходы и уходы Медсестры слились в белое пятно, растянутое во времени.

Пытаясь вспомнить то, как выглядела Медсестра зимой, и что она со мной делала, вижу лишь неподвижное лицо – как маску, висящую в воздухе, в пустоте без опоры. Маска приближается, и вместе с ней надвигаются стены, опускается потолок. Над маской вспыхивает окно. За окном – черные ветвистые деревья. Маска удаляется, и комната расплзается, исчезает. Наступает мрак.

Помню эмалированный горшок под диваном. Телом управляли естественные надобности – позывы к испражнению, способность к пе-

режевыживанию пищи, к дыханию – до тех пор, пока не появилось пронзительное ощущение близости иной, незаметной ранее жизни. Из темноты начали слышаться шорохи, отзывающиеся в теле волнами страха, возвращающие мне естество осознающего и рефлектирующего существа. Тело скручивало от боли. Меня тошнило на диван, и, боясь уже Медсестру, я слизывал рвоту. Изловчился ходить в горшок с дивана, не сползая на пол. Скулил, испражняясь – на полу, вокруг дивана, копошились тени. Однажды (при случайном проблеске сознания, наступившем после испражнения) я заметил светильник над диваном, о существовании которого давно забыл.

Дотягиваясь до светильника, корчился от боли в руке. Боль из руки передалась всему телу и, словно отделенной от туловища, голове. Головокружение едва не свалило на пол. Шел пот, тошнило. Наконец, свет включен. Вокруг дивана ползает множество двухвосток.

Наступила весна.

Страх исчез. Я наблюдал за ритуальными прогулками насекомых по полу, стенам и потолку. Просыпаясь, находил мокриц на теле, лице, но не давил, а лишь смахивал ладонью. С этого момента начинаю вспоминать детали появлений Медсестры. Медсестра открывает входную дверь. Стуча каблуками, заходит в комнату. Снимает пальто. Снимает верхнюю одежду. Раздевается до нижнего белья и надевает белый халат, марлевую повязку, тапочки и резиновые перчатки. Уносит горшок в туалет, моет его. После моет пол, чистит диван. Сдернув одеяло, методично протирает меня сначала влажной тряпкой, а после сухой. Достает из сумки несколько банок зеленого овощного пюре, кормит меня. Последнюю банку выливает в рот полностью и пропихивает ложкой, но я не смог проглотить. Меня стошнило.

– Убери за собой! – вскричала она, показывая пальцем на рвоту.

Она наблюдала сверху, как я послушно слизываю рвоту. Кажется, это продолжалось так долго, что за окном потемнело. Медсестра схватила меня за лицо и сжала, открывая рот. Положила в него несколько пилюль и залила стакан теплой, почти горячей воды. Таблетки вместе с пюре также оказались на диване. Не дожидаясь приказа, я слизал всё обратно.

– Оживаешь, – сказала Медсестра. – Необходимы прием стимуляторов мышечной системы и физические нагрузки. Я убираю горшок. Будешь ползать в туалет, иначе придется убирать за собой самому. Постепенно мы добьемся автоматических рефлекторных движений – и, возможно, без прерывания сна. Теперь ответь: зачем ты включил свет?

Я киваю в сторону пола, но мокриц и двухвосток не вижу. Медсестра исчезает. Сверху накатывается поезд и, трясясь, едет по мне. Дрожа,

укутываясь в плед, не могу завернуть в него голову. После борьбы с собственным телом осознаю, что голову, как привязь, держит взгляд, направленный на светильник, но отвести или закрыть глаза не было сил. По телу поползли насекомые.

Светильник превратился в окно с ярким, бьющим сквозь шторы, светом. Не ощущая ни страха, ни отвращения, ни слабости – встаю. Мокрицы и двухвостки кучами отпадают от меня и разбегаются перед моими шагами. Подхожу к окну. Откидываю шторы. За окном Михаил разливает вино по бокалам, а я в дорогом костюме, причесанный и напомаженный целую Медсестре руки, умоляя её подвергнуть меня процедуре «живой смерти». Медсестра и Михаил украдкой смотрят друг на друга, обмениваясь улыбками и воздушными поцелуями. Без сомнений, встреча с Медсестрой была запланирована. Михаил также встретился мне неслучайно. Разговор за столом контролировался ими, и, возможно, всеми присутствующими. Я был, словно футбольный мяч, удачно направленный в ворота. Вскрикнув от злобы, открываю окно.

Картинка меняется. По другую сторону окна незнакомая маленькая комната, заваленная хламом и тряпьем. На диване, взявшись за руки, сидят парень в порванных джинсах и вязаном свитере и девушка с черными как клякса волосами. Им лет по восемнадцать, но в них нет естественной радости молодости. Обнявшись, они опустошенно смотрят в стену. Я стою за их окном и шепчу из-за черных раскидистых веток:

– В жизни делать нечего. Люди усиленно стараются жить, потому что саму жизнь трудно назвать жизнью. Она этого не стоит. Слишком тесно, скучно, мелко. Как в плохих гостях!

Их отрешенные взгляды блуждали в поисках всевозможных несуществующих ответов на разнообразные несуществующие вопросы, лившиеся с небес сплошным мутным потоком.

– Жизнь – единственное, что у нас есть, – твердо сказал парень.

Встав, он направился на кухню. Я, обойдя дом, подошел к кухонному окну и ответил:

– В таком случае у вас нет ничего! Жизнь тешит иллюзиями приобретений, но при удобном случае забирает все ценности, подвергая унижениям и мучениям, пыткам, которые называются жизнедеятельностью, подкрепляя их некой самооценностью.

– Жизнь плодотворна, – ответил парень, ставя на плиту железный чайник.

– Жизнь – это мы. Смерть – отсутствие нас, – сказала девушка, проходя на кухню и обнимая парня.

– В жизни нам уделено мало места, – отвечаю я. – Ожидания и ам-

биции относительно жизни завышены. Череда разочарований бесконечна – потеря продолжается весь срок. Зачем терпеть и ждать? Умрите!

Они молчали, пили чай. Ушли обратно в комнату. Слушали нелепую музыку, смотрели кино, пока не уснули.

С этого момента вижу вереницу светящихся окон, за которыми один за другим возникают образы скукожившихся, уставших людей, застывших в жизни, как в желе. Я шепчу из мрака: «Зачем эти самоистязания? Ради чего эти страдания? Перестань, жалкий человек! Склони уставшую голову, пусть она отвалится». Срываюсь на крик: «Отдайся червям! Умри!». Впадая в иступление, визжу: «Перестань мучить хотя бы меня! Сдохни!!!»

У окна прошла весна. Наступило лето. За окном посветлело, и незнакомые люди пропали. Черные деревья вспыхнули зеленым. Запели птицы. Я отошел от окна и сел на диван, покорно поднимая ноги и руки, бедра, пока Медсестра меня протирала.

– Ваша процедура – нелегкий труд, – сказал я.

Самостоятельно открыл банку и начал есть пюре, не придавая значения вкусу – вновь различать вкус начал гораздо позже и сознательно, для развлечения.

Медсестра принесла ноутбук. Конец лета и осень прошли в череде непрерывных зарядок, отжиманий, йоги. Было не до размышлений, не до воспоминаний, не до рефлексии. Я занимался по видеозаписям непрерывно, впадая в бесконтрольный и отчаянный автоматизм, как муравей. Тело горело огнем. Медсестра внимательно наблюдала за мной и заполняла блокнот, задавая вопросы.

– Что такое жизнь? – однажды спросила она.

Я пожал плечами и честно ответил:

– Борьба со смертью.

– Что такое смерть? – спросила она.

– Отказ от борьбы.

Она записала мои ответы. Тогда я спросил:

– А как бы вы ответили на эти вопросы?

– Что такое жизнь и смерть?

– Ну, да.

– Они неотделимы, – ответила она, снимая очки и потирая усталые глаза. – Одно невозможно без другого. Суть процедуры в том, что вы под воздействием медикаментов перестаете осознавать окружающий мир и в некотором определенном смысле умираете. Тело впадает в анабиоз, а после плавно также под моим контролем начинает усиленно двигаться, оживать и продолжать жизнедеятельность. Тело, подвергшись подобному

испытанию, само не будет допускать остановки или затухания жизни.

– Это не опасно?

– Напротив, это спасение.

Она сняла очки и улыбнулась, но взгляд был пустой и белый, до прозрачности. Улыбка вежливая и неэмоциональная, деловая.

– Необходимо сохранить суть процедуры в тайне, иначе люди будут отчаянно цепляться за жизнь, мешать себе умереть.

– Конечно, – ответил я, кивая.

Вскоре за окном начал падать снег. Последние дни осени кончились. Наконец, Медсестра привела новичков – парня и девушку. Вязаный свитер парня; черные волосы у девушки – оба бледные и очень худые, долговязые. Впалые глаза, серая кожа. Они начали прибираться в квартире. Девушка вытащила из сумки и разложила на диване мой костюм, пальто и шарф, почистила ботинки. Я ходил по комнате с видом бывалого моряка и вздыхал, скучал, а Медсестра, скрестив руки на груди, спокойно стояла посреди комнаты и смотрела в окно.

– Поздравляю с новосельем, – сказал я.

– Спасибо, – ответил парень, не отвлекаясь от мытья полов.

– Вы решили, простите за иронию, «умереть» вместе?

– Мы всегда вместе, – ответил парень.

– Редко встретишь такую любовь, такое слияние, – сказал я.

Медсестра, не поворачиваясь, добавила:

– И такую нежность.

– Да... – согласился я. – Необычайная нежность.

Выйдя на улицу, вместо дезориентации и головокружения испытал лишь легкое удивление от того, что прохожие и падающий снег – это лишь прохожие и снег – больше ничего. Голая данность, формальная неизбежность, как шаги по тротуару. Подъехал трамвай. Доехав до нужной остановки, я прошелся вдоль резной ограды парка. Летают голуби. Ели покрыты инеем. Железом кованы ограды. Дошел до своего дома в стиле ампира, с колоннами. Зайдя в квартиру, взял в руки кувалду – и, не останавливаясь, в течение пары дней сделал капитальный ремонт – оставив только комнату, кухню и санузел. Съездил, купил на барахолке шторы, идентичные шторам в той квартире, в доме барачного типа, где провел целый год – а, возможно, нахожусь и сейчас. Стою у окна, за которым копошатся маленькие, скукожившиеся люди – ждущие смерти, готовые к смерти, но отчаянно цепляющиеся за жизнь, так как традиционно считают, что после смерти ничего нет. Это их почему-то очень пугает.

ВЕРОНИКА СМЕРНОВА, 2002 г.р., Иркутск

Студентка исторического факультета ИГУ. Публиковалась в сборнике стихов «Иркутск. Хроника в рифмах». Участвовала в нескольких творческих мероприятиях, таких, как «Поэтическое многоборье», «Черновик» и других. Стоит в творческом объединении «Неоклассический Синдром». Пишет столько, сколько себя помнит, но осознанно подходит к творчеству стала только в последние пять лет. Также пишет прозу.

НЕВРАСТЕНИЯ

Повесть, отрывок

*Ты говоришь, что все в твоих руках? А теперь посмотри на них.
Не дрожат?*

Северцев открыл глаза, и все, что попало в поле зрения, понеслось в бешеной круговерти. Потолок, тощий силуэт капельницы, пустая койка с голым матрасом у противоположной стены – все поплыло в сторону. От такой центрифуги мужчину затошнило, и с его губ сорвался глухой протяжный стон. Он повернул голову и уткнулся носом в подушку. От нее пахло пылью и еще чем-то неприятным.

«Наверное, середина ночи или около того... – думал он, с трудом ворочая собственные мысли. – Надо бы встать, хоть до туалета дойти. До утра не дотерплю. Только дойти, это немного, всего пять или шесть шагов. Вот так...»

Диктуя себе эти действия и болезненно морщась от каждого шевеления, Северцев медленно сдвинул непослушное тело на холодный край койки.

Он сел и чрезмерным усилием воли подавил очередной рвотный позыв. В ушах гудело.

– Проклятие... – сжав зубы, процедил он и вцепился пальцами в металлический каркас своего ложа. Наконец, шумно выдохнув, Северцев поднялся на ноги, и палата с новой силой пошатнулась. Напряженные пальцы заходили по поверхности тумбочки, железным прутьям койки, стенам, ища себе какую-нибудь опору. Осторожно передвигая ноги, он двинулся вдоль стены к узкой двери туалета. Шаг за шагом, преодолевая жгучее головокружение, Северцев приближался к своей цели.

Вот осталось совсем немного, каких-то полтора шага. Вот дрожащая рука уже тянется к дверной ручке. Еще, еще немного... Он нажал на ручку, но та почему-то не поддавалась. Тогда мужчина попробовал приложить больше сил, но от этого их будто разом убавилось во всем теле. Все вокруг поехало перед глазами, и ноги Северцева перестали ощущать под собою пол. С грохотом, разнесшимся по всей палате, он рухнул под дверь. В коридоре засуетились.

«Услышали... С поста что ли слышно? Да нет, здесь где-то, наверное, ходили – вот и услышали, – думал он. – Сейчас набегут, сволочи. Ну и наплевать. На все наплевать».

С этой мыслью Северцев хотел закрыть глаза, но, когда веки опустились, головокружение становилось совсем невыносимым. И он стал тупо смотреть в бледный, залитый синим светом ночи потолок. Этим же мягким светом была наполнена вся палата. Шум шагов в коридоре, прорываясь сквозь немислимый гул в ушах, доносился до слуха Северцева все отчетливей. Он закрыл глаза и беспомощно уткнулся лицом в пол.

Не прошло и минуты, как с приглушенной возней, стуком каблучков и сонными ругательствами в палату вторглись две медсестры.

– Опять этот придурок завалился! Если бегаешь по ночам, так пусть себе утку ставит. Достал! – заверещала молодая медсестра на высоких каблучках. Она была совсем еще девушкой.

– Рот закрой, Катька. Всю смену голова от тебя трещит. Ах ты, Господи... – вздохнула другая, пожилая женщина, наклонившись к Северцеву и лихорадочно щупая его руками. – Опять голова? Опять кружится? Горе ты мое, может оно и правда, утку бы себе ставил. Да ведь стоит же уже... Ах ты, Господи!

Она опустила на колени, закричала и попыталась поднять тело больного. Но тут же сама схватилась за поясницу и с упреком набросила

лась на свою коллегу:

– Давай, помогай, Катька. Вишь, не могу! Стоит, смотрит!

– Ну да, чтоб пуп развязался! Ворочать каждую смену его тут.

– Ничего не каждую! Ну, зови Ваську тогда.

Недовольно хмыкнув, Катька скрылась за дверь.

– Ой, Сергей Батькович, горе ты луковое... – обратилась женщина уже к Северцеву.

– Не надо... Ничего не надо... – нервно пробормотал он и попробовал подняться на локтях. Но в глазах тут же потемнело, и Сергей снова упал на лопатки.

– Лежи уж. Вон и Василий Семеныч пришел, шас поможет.

В палату, кряхтя и невнятно ругаясь, вошел высокий и очень тучный санитар. Его выдернули со второго этажа и пригнали сюда, на третий, так что теперь он никак не мог отдышаться.

– Ущербного этого, что ли, поднять не можете? – пропыхтел он, едва появившись на пороге.

– Ну сам и тягай! – злобно завопила Катька.

– Дуры! – лаконично завершил он и грубо, одним мощным рывком хватаясь за клетчатую пижаму Северцева, встряхнул его над полом и потащил к койке. – Тяжелый, мать твою!

– Ну куда ты его? – завопила пожилая медсестра Серафима Павловна, как обычно вопят сварливые жены, когда видят, что какой-нибудь торшер или тумбочку ставят не в тот угол. – Он ж вон, в уборную шел!

Василий Семеныч глухо выругался и сплюнул.

– Может, мне его над толчком еще подержать?

– А чего держать-то... – развела руками женщина. – Ну и не мне ж, в конце концов! Надо будет – подержишь, не помрешь.

– Идите нахрен, – подытожил санитар. Он снова подтянул Северцева за подмышки и перекинул одну его руку через свое плечо, что было до крайности неудобно обоим из-за разницы в росте. Сергей был далеко не низким, но рядом с громадным Василием выглядел намного мельче.

– Не надо, пустите... – слабо и как-то смущенно возразил он. Но эти слова были проигнорированы.

Из-за захлопнувшейся двери туалета до слуха медсестер донеслась нервная возня. Подзатыльник. Маты.

Сконфуженного и неподвижного Сергея Северцева положили в постель. Он твердо смотрел в потолок, сцепив зубы и сжав кулаки настолько, насколько позволяли силы. Левая его щека дергалась в мелкой судороге. Васька и молодая медсестра вышли из палаты, но не уходили, а судя по голосам за дверь, ждали Серафиму Павловну в коридоре.

Она отошла к подоконнику и копалась в железном лотке, который притащила с собой – Северцев заметил его только сейчас. Впрочем, ему было более чем наплевать на медсестру, на непонятные ампулы у нее в руках, на ее заговорческое нашептывание и вообще на все вокруг. Он часто и шумно задыхался. Его дико раздражало то, что эта женщина в белом халате никак не хотела уходить. Но вот она развернулась и обрамленная голубым светом из окна направилась к койке. В ее белой и сухой руке блеснул шприц.

– Укольчик сделаю и уснешь. Крепко, хорошо уснешь. Давай-ка руку...

Увидев занесенный над собой как пику укол, Северцев неожиданно даже для самого себя вдруг заплакал. Заплакал тихо, порывисто. Нервы его в конце раздражились.

– Ничего не надо, – жалобно завыл он. – Оставьте меня в покое! Уйди, уйди, уйди!

– Т-ш-ш, – протянула женщина и, игнорируя дергания больного, уверенно закатала клетчатый рукав, ввела иглу. Ее сухая, теплая рука, совершившая свое действие, показалась теперь Северцеву настолько отвратительной, что он не нашел в себе сил смотреть в сторону медсестры и, закусив губу, отвернулся к стене. Головокружение снова дало о себе знать, но Сергей уже не обратил на это внимания.

– Что вы мне колите? – в невинном отчаянии прошептал он. Но ему не ответили.

– Ну вот и все. Теперь спи. Спи... – послышалось откуда-то с подоконника, потом от двери и, размазавшись по стенам, умерло в палатном воздухе. Скрип закрывшейся двери загородил собой медперсонал, а вскоре и память о них.

* * *

– Чего разнюнились? – придержав ноющую дверь, старшая медсестра шикнула на ожидавших ее коллег. – Вишь, человеку и так несладко, зачем еще лупишь? – обратилась она уже к Василию. В ответ он только протяжно вздохнул. Они втроем пошли по коридору. Но санитар значительно ускорил шаг, и его широкая фигура очень скоро растворилась где-то за поворотом.

– Другим не слаще, – как бы размышляя, уже без гонора, заметила Катька. – А тут невращения, подумаешь... Да и с какой бы стати невращения?

– Да ты ж не знаешь, о чем говоришь. Ты ж вообще ничего не знаешь.

– Да все я знаю, Серафима Паллна. Он, вроде, дочку похоронил. Ну, понятное, дело – горе, да только это ж больше года назад было. Теперь-то что страдать?

– Тьфу на тебя, Катька. Ерунду городишь, сердца у тебя нету. Не приведи Господь тебе такого! Вчера мать его приходила. Только он видеть ее не захотел, а она рыдала все... Ну, около часа мы во дворе с ней точно просидели. Северцев этот, в общем, с дочкой в аварию попал за городом где-то. Я ей в душу-то шибко лезть не стала, но она все «с управлением не справился», «с управлением не справился», как будто заключение какое-то... Ой, Катька, я ее слушать не могу, сама сижу там вся в слезах, горе такое. О-о-ой... – протянула она, поворачивая на лестничный пролет. – Девочке его четыре годика было. Надо ж так... Пожить маленькая толком не успела, Господь прибрал, – женщина наотмашь перекрестилась.

– Н-да... – протянула Катька, цокая каблуками по каменным ступенькам. В отличие от шарканья старшей коллеги, каждый ее шаг, отталкиваясь от стен звонким эхом, улетал вниз по лестнице. Вокруг было пусто. – Странно просто. Непонятно мне. Не помню, чтоб он у нас уже лежал. А сейчас для неврастения не поздно ли?

– Для неврастения никогда не поздно. Да и боль, видишь, у всех по-разному. Вообще, у всех все по-разному.

* * *

Медперсонал покинул палату, предусмотрительно не оставив ручки на внутренней стороне двери, как это делалось всегда. Северцев остался один. Он уже не слышал разговоров в коридоре. Да и вряд ли хотел бы слышать.

«Вот черт... Не смог до толчка дойти. Надо же так развалиться здесь, как последнее ничтожество, – думал он, все глубже и глубже утопая в своих мыслях. Это, впрочем, были не совсем мысли и совсем не его. Что-то внутри жестоко укоряло его и давило, давило, давило... И этим «чем-то» была даже не боль, а какое-то другое, огромное и беспощадное чувство, стоящее за ней. – Отвратительно. Как все это отвратительно. Не смог дойти до толчка. Какой же я червяк, если не могу толком даже пошевелиться! Этот амбал только что поднимал меня с пола, как инвалида, конченного овоща, и тащил в сортир! Не-ет, это уже слишком. Хах...» – Северцев рассмеялся глухим коротким смехом, больше похожим на кашель. Тут же этот смех перерос в какие-то судороги и всхлипы.

– Ничтожество, ничтожество, беспомощная дрянь... – шептал он уже вслух, пытаясь стиснуть в пальцах простыню, чтобы хоть как-то облегчить охватившее его неподъемное отчаяние, но тело не слушалось. –

Варенька, маленькая моя... Доченька. Прости меня, солнышко, прости. Видишь, что с папкой стало. Да какой из меня теперь папка... Стыдно-то как, доченька. Не смог, не смог папка твой тебя спасти, вырулить тогда не смог. Др-р-рянь... А теперь и с койки встать не могу. Прости меня, девочка моя, прости. До толчка дойти не могу... – тут Северцеву стало совсем невыносимо, и он механически дернулся в сторону с видимым намерением броситься на стенку. Но все, что он смог сделать, прорываясь сквозь пелену бессилия – это повернуть голову. Он почувствовал, как и без того тоненькая нить мысленных ошметков рвется и проваливается в глубокую черную дыру. Как весь он – его слух, зрение, осязание, – все проваливается в эту дыру и падает куда-то вниз, в темноту.

«Варенька...» – пронеслось в голове Северцева, но сил на шепот уже не нашлось. Поглотившая его бездна захлопнулась, как чья-то пасть, огромная и глубокая. Где-то высоко-высоко последним светлым пятном мелькнул потолок, и тонкий изгиб стойки капельницы попытался проникнуть в темную пасть вслед за мужчиной. Но пасть выплюнула капельницу. Выплюнула потолок. И неслышно сомкнулась, засасывая Северцева в себя и обрекая на мертвый сон. Сегодня доза снотворного была немного больше предыдущей.

* * *

До поста на первом этаже они дошли молча. Сели за обшарпанный деревянный стол, который и служил здесь дежурным постом. В коридоре, залитом холодным синим светом из окон, стояла абсолютная тишина. Только изредка сквозь деревянные рамы доносился суетливый гул дежурных машин.

Немного помолчав и как будто бы что-то соображая и обдумывая, молодая медсестра продолжила диалог:

– Это... А мать их где? Ну, Северцева жена, с ней что?

Коллега посмотрела на Катьку с каким-то наивным непониманием, точно не могла даже представить, чтобы у Северцева когда-то была жена. Но взгляд ее сухих прищуренных глаз быстро изменился и встретился со взглядом собеседницы.

– Да нету ж у них никакой матери. Я ж вчера дура душой, – на этом месте она обеими руками хлопала себя по голове, – то же самое вчера спросила. Там, конечно, в голову сразу и стрельнуло, что оно не надо бы, ну да уже ничего не поделаешь. Вообще-то я людям в душу лезть или вообще их зря баламутить – терпеть не могу и не хочу никогда... Но иной раз как ляпну, сама от себя не ожидавши. Хоть стой, хоть падай, – женщина горьким жестом, как бы отгоняя вышеназванные злодеяния, махнула

руками куда-то под столешницу.

– Да про себя-то ты мне что... Северцева-то мать что про нее говорит? Была ж у него жена, раз дочка есть... Ну, то есть... Была, – Катька несколько смутилась, но блеск пытливых глаз тут же перекрыл собой всякое смущение.

– Да была, была. Елена Аркадьевна – жена его. Ну, ты ее знаешь, – при этих словах она оглянулась и перешла совсем на шёпот, – бывшая жена, то есть. Ушла она от них. Как родила, так девочку на этого сбросила, – медсестра махнула головой куда-то вверх, неточно указывая на палату Северцева двумя этажами выше. – Сбросила и ушла. Больше ни слуху ни духу про неё у них не было. Да ей и было-то, получается... – медсестра задумалась, прикидывая что-то в уме, – девятнадцать лет, не больше. Саму мать-то, кстати, не очень мой вопрос задел. Это я больше испугалась. Нет, ну мало ли, тут такое, а я со всякой ерундой лезу – это во-первых... А, во-вторых, она, мать, похоже, ничего не знает. Ну я, конечно, для приличия извинилась...

– Да поняла я! И ты ей не сказала? Ну... про то?

– Нет, конечно. Я ж тебе говорю, я и так-то её задеть побоялась, а ты «про то», «про то». Да и что я ей скажу? Да и надо ли? Это уже их дело, семейное.

– Да в общем-то оно и правда, их дело. Мне только вот, что все ещё покоя не дает... Как бы это сказать... – Катька напряженно потерла переносицу тонкими пальцами. – Почему у него только сейчас, только через год вот так... стрельнуло?

– Катерина Дмитриевна! – низким протяжным эхом раздалось из коридора. За ним послышались торопливые шаги. Это подлетел к посту длинноногий санитар. – Там бабушку какую-то привезли. В припадке, что ли... Из приемника сейчас припрут, успокоительное сразу готовь, наверно.

– В каком еще припадке? Ты че городишь? – ответила она, раздраженная тем, что разговор прервался.

– Да я-то откуда знаю! Готовь все давай, говорю.

* * *

Ночь прошла, и ленивый туманный рассвет розовой дымкой просочился в окна палат, коридоров, пустых кабинетов, столовой. Темнота неслышно осела на стенах и спряталась по углам, чтобы потом следующей ночью выползти снова и занять свое законное место. В больнице стало как-то по-особенному тихо. Это была не мертвая, нервная тишина, изредка рвущаяся криком какого-нибудь больного, сиреной скорой или

топотом срочно вызванного медперсонала на каком-то из этажей, нет. Утренняя тишина была больше усталостью. Всеобъемлющей мягкой усталостью, которая не могла не прийти в эти стены после ночи. Но ночь прошла. Прошла и темнота с судорожным мерцанием ламп в коридорах, со скрежетом чьих-то ног по кафелю, доносившимся непонятно откуда, с ожиданием на посту, что вот-вот понадобится куда-то бежать, что-то делать, зачем-то ругаться... С неравной борьбой против человеческого желания спать.

Прошла еще одна из миллиона, а может, миллиарда больничных ночей, которые уже прошли и еще должны были пройти. Но каждая такая ночь, ничтожно мелкая в толще остального времени, была особенной. Ведь в каждой из них были: и роковой вызов, и самая тяжелая смена, и последние часы перед долгожданной выпиской, и первая бессонница, и много еще того, о чем не узнает никто, кроме толстых облупившихся стен. Скрывать что бы там ни было от них бесполезно. Стены больницы видят лучше людей, слышат лучше них. Чувствуют и угадывают тоже лучше. И чем старше становятся, чем больше на них появляется трещин, чем толще становится слой бледной краски, чем больше в отчаянии о них разбивается кулаков и размазывается слез, чем больше молитв отталкивается от них неслышным эхом, тем еще острее, безошибочнее, тоньше они чувствуют.

Особенно чуткие стены приемного покоя. Когда еще только-только втаскивают кого-нибудь буйного, вносят обморочного, вводят беспамятного – стены уже знают и диагноз, и имя пациента. Что с ним будет потом, в какую палату определят, какое лечение назначат, как долго его продержат и ошибутся ли врачи – тоже знают.

Ночью стены добрее, чем днем. Ночью они, смягченные темнотой, непременно пожалеют какого-нибудь беднягу, поступившего только что или томящегося здесь уже не один месяц, но неизменно ропщущего на судьбу и уныло ковыряющего стену, просунув руку сквозь холодные прутья своей койки. Но днем о подобной снисходительности можно и не мечтать. Дневные стены обычно раздражительны и высокомерны. Их бесит однообразность, бесит тупое созерцание того, что не меняется десятилетиями. Но больше всего, конечно, их бесит понимание того, что так будет всегда, а им, стенам, придется смотреть и слушать все это до конца своих дней, не имея возможности что-нибудь изменить.

Но ночь прошла. На подоконники упали желтые блики – предвестники еще не взошедшего солнца. Тоненькая минутная стрелка на часах, преодолевая себя, поднялась вверх и показала ровно пять часов. На посту, прямо под этими часами, уронив голову на стол, дремала Екатерина

Дмитриевна. На ее неподвижной руке, облаченной в рукав белого халата, тикали в такт с настенными аккуратные наручные часики. Длинные темно-русые волосы, собранные в хвост на затылке, растрепались и беспорядочно лежали на хрупких плечах. Старшая ее коллега была занята примерно тем же, но двумя этажами выше. Там, где находилась палата Северцева.

Этой ночью стало ясно, что старушка, поступившая в «каком-то припадке», страдала тревожным расстройством, и с ней случился невроз. Скорую вызвала ее соседка по лестничной площадке, которая прибежала на крик за стенкой. Пострадавшая, конечно, уже знала о своем недуге, поэтому всегда оставляла этой самой соседке второй ключ от своей квартиры. Еще этой ночью Екатерина Дмитриевна узнала от второй медсестры (не мог же их разговор потом не продолжиться), что сразу после трагедии Северцев не убивался, не рвал на себе волосы и вообще не отличался в своем поведении чем-нибудь, свойственным людям, пережившим подобную потерю. На могилке он не был ни разу, не считая похорон. А через день или два после того, как девочку похоронили, Северцев вообще стал вести себя подозрительно обыденно. Никто (включая его мать, которая откровенничала обо всем этом с Серафимой Павловной в попытках отвести душу) не видел у него слез или какой-нибудь тяжелой грусти. Хотя одна, очевидная перемена в нем все-таки произошла. Северцев стал слишком как-то молчалив и замкнут. Нет, он, конечно, не превратился в угрюмое, безрадостное существо и на людях по-прежнему оставался тем, с кем было возможно самое теплое общение. Он не порвал связей с друзьями, не заперся у себя в четырех стенах. Мужчина по-прежнему интересовался делами знакомых, ходил на встречи, куда его с большой охотой приглашали, сам часто принимал у себя гостей, искренне поддерживал беседы, даже шутил. Замкнутость эта была в нем, скорее где-то внутри, совсем глубоко. Он, может быть, и сам не замечал ее за собой, потому что был слишком увлечен (хотя, слово «увлечен» тут не совсем уместно, лучше «затянут»), затянут другой, большой и тяжелой мыслью, которая, кажется, отпечаталась прямо у него на лице, иначе бы мать этого не заметила и впоследствии не рассказала. Еще, как мимоходом замечала мать Северцева, он стал очень рассеян, но это она списывала только на пережитый стресс. Слово «стресс» у нее, впрочем, выходило всегда нелепо и громоздко. Лучше бы, кажется, она заменяла его чем-нибудь другим.

Поначалу молчаливость и замкнутость сына очень беспокоили женщину. Так что она даже подозревала у него начало «чего-то ну навряд ли как депрессии» («депрессия» звучало из ее уст тоже очень ненатурально), но никак не решалась высказать Северцеву свои опасения. Боялась

навредить или обидеть. Или все сразу. Сам же он с ней о случившемся никогда не заговаривал, так что между ними установилась какая-то недосказанность, которая в первые несколько месяцев после происшествия не давала матери ни минуты покоя. Что-то бесформенное, неясное, недоговоренное, что-то такое, о чем материнское сердце могло только догадываться, чему могло только сочувствовать, повисло в воздухе и больше не развеялось. Так было и с переменой в сыне. Терзающейся женщине было не в чем его уличить, не на что опереться, чтобы она могла напрямую сказать хоть самой себе: «Да, он стал молчалив, и что-то с ним не так». Одна только бесконечная, ноющая тревога подавала ей невидимый сигнал. Но для слов этого было бы мало, и недосказанность оставалась на месте. Как таковых аргументов у матери не было тем более, что замкнутость сына была совершенно скрытой, внутренней. То есть те, кто не знал его совсем или знал недостаточно, ни за что бы не различили, что в потрясенной душе что-то не встало на свое место, что-то уже не заработало по-прежнему. А, как оказалось теперь, не знал и не понимал его почти никто.

С матерью после похорон Северцев стал видаться намного реже. Совсем перестал о чем-либо разговаривать (только так, по мелочи) и стал заезжать к ней всего один раз в неделю, и то не всегда. Чаще оставался дома. Сначала это, конечно, беспокоило ее, но потом женщина нашла себе скудное утешение в том, что сын «наверное, уже в себя пришел. А что серьезный такой стал – так оно же и лучше. Работать много стал, из бумаг совсем не вылезал – думала, это его отвлечет. К тому же после трагедии курить бросил, как отрезало». Так, вздыхая, говорила она медсестре, сидя под желтым апрельским солнцем во дворе больницы. Удивительно, как сердце матери, самое нежное, чуткое сердце из всех может иногда так жестоко и грубо ошибаться.

Также минувшей ночью одна из дежурных медсестер поведала (но лучше все-таки сказать «растрепала») другой о том, что случилось с Северцевым, и почему теперь он здесь. Это был один из немногих дней, когда мужчина навестил свою мать. Она просила его что-то посмотреть или починить у себя и это, конечно, был нелепый предлог. Когда Северцев подходил к дому, женщина сидела и ждала его на лавке у подъезда. Но, не дойдя до нее нескольких шагов, он выронил из рук портфель, с которым был. «Ну, уронил и замер. Стоит, смотрит на него, глаза по пять копеек. А там возле подъезда детишки какие-то носились. Вот из них кто-то подбежал, портфель ему подал. Ну с асфальта поднял и протягивает. Натя, говорит, дяденька, у вас упало. Он сперва на этого мальчишку (там, кажется, был мальчишка) посмотрел, а потом затрясся весь, закричал, так, что весь двор сбежался. А потом на асфальт бросился и головой биться

стал, пока сознание не потерял. Я так думаю, что вот этот-то ребеночек дочурку-то ему и напомнил. Из-за этого все и случилось. Ну, посмотрел на него и свою кровинушку вспомнил. Так ведь, наверное, это все происходит, да? Ой, несчастье...» – рассказывала мать Северцева медсестре Серафиме Павловне.

Это было холодное начало марта. Северцев поступил в городскую психоневрологическую больницу.

Визитница

АННА СВЕТЛАЯ, 1992 г.р., Братск

Родилась в Омской области, выросла и проживает в городе Братске. Пишет с детства, в подростковые годы посещала литературное объединение «Маленький принц». По образованию педагог-психолог. Член Российского союза писателей. Номинант на премии «Поэт года», «Русь моя» и «Георгиевская лента» (2016 – 2019), на международную литературную премию «Будильник». Участник поэтических конкурсов и фестивалей: «Всемирный день поэзии» (2018 – 2019), «Золотая строфа – 2019», «Конкурс к 125-летию В. Маяковского – 2018», «ПРОСТО любовь» и других. Публикуется в сборниках стихотворений от издательств «Десятая муза» (Москва), «Литосфера» (Таганрог) и занимается продвижением своей авторской страницы в ВК – <https://vk.com/annasvetlaja20>

* * *

Деревья красит в цвет багряный
Светила пламенный восход.
Жарками светятся поляны.
Лес в сладкой дрёме утро ждёт.

И, вострепнувшись, солнцу рады
Пичуги, провожая тень.
Выводят звонкие рулады,
Встречая новый яркий день.

* * *

Тёплым светом ночных фонарей
Согревается будничный город.
Только он без улыбки твоей
Обречён на забвенье и холод.

Мысли тянутся к тихим местам –
В близость рек и дубовые рощи.
Помнишь, тайно мы прятались там,
Укрываясь в объятиях ночи?

Блеск зари заполнял горизонт
Сквозь зеркальную синь водной глади.
Лунный серп был для нас сотворён,
Звёзды нежно сияли во взгляде.

Сядь на самый последний трамвай,
Свой билет сохраняя в кармане.
И скажи себе смело: езжай,
Через сотни дорог между нами.

Сердцу нужен укромный приют:
Губы, руки, запястья и плечи.
Здесь тебя ещё любят и ждут
Каждый миг,
каждый час,
каждый вечер.

* * *

Я отпускаю тебя на волю.
Лети как птица, взмывая ввысь!
Навстречу ветру и рок-н-ролла.
Пусть будет яркой и долгой жизнь!

Возьми рюкзак и отправься в горы,
Когда захочешь побыть в тиши.
Прохладный воздух, равнин просторы –
Лекарство лучшее для души.

Беги от тех, кто сажает в клетку.
Твоей им смелости не занять.
Пустьись в заветную кругосветку!
Кто любит – сможет тебя понять.

И я пойму, расставаясь снова.
Желаю счастья в твоём пути!
Ведь в нашей жизни всего основа –
Свободу выбора обрести.

ВИКТОРИЯ КРИВИЦКИХ, 1993 г.р., Зима

Родилась 12 мая 1993 года. Живет и работает в городе Зима. Член зиминского литературного объединения «1 ТОМ». Печатается впервые.

* * *

Под неожиданным дождем
Бегу по тротуару –
Тончая, растворяюсь в нем
И плачу с ним на пару.
Упс! Дождик город захватил –
Мы у него в плену!
Бороться не хватает сил –
Я в дождике тону.

* * *

Пообещай меня запомнить.
Запомнить нежность обещаешь.
Воспоминания укроешь
Запрячь – прошу, не опоздай!
Не опоздай, пока ты помнишь
Свет моих глаз и нежность рук.
Со мной ты больше не утонешь –
Теряя целый мир вокруг,
И больше не обнимешь нежно,
Погладив волосы рукой...
Я исчезаю неизбежно
И растворяюсь не с тобой.

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА, 1985 г.р., Иркутск

Поэт и музыкант. По образованию экономист, лингвист, психолог. В течение 10 лет занималась музыкой в стиле death metal в качестве барабанщика. В составе группы «Dezart» выпустила сингл и 2 полноформатных альбома. Член Союза писателей 21 века. Автор 6 сборников стихов. Финалист международного литературного конкурса «Параллельный мир», лауреат газеты «Поэтоград», победитель Всероссийского литературного конкурса «Почитай».

НИЧТО

Что останется после, ты знаешь?
Наше место окажется пусто,

Удалимся, исчезнем из данных,
И никто не проявит сочувствия.
Что останется после, ты видишь?
На земле отпечатались тени,
Мы когда-то по ней проходили,
След сравняется без сожаления.
Что останется после, ты слышишь?
Оглушительно наше молчанье,
Мы о многом не договорили,
Незаметно уйдя без прощания.
Что останется после, ты помнишь?
Наше место окажется пусто,
Растворимся, в ничто обращаясь,
И никто не заметит отсутствия.

АЛЕКСАНДРА ЗАХАРОВА, 2002 г.р., Иркутск

Окончила МБОУ СОШ №18, выступала со школьным театром-студией. Участник ряда школьных, городских и областных конкурсов. Участник Чемпионата по чтению вслух среди старшеклассников «Страница 18» на сцене МХАТ в Москве. Член театральной студии «Эксперимент» под руководством О.В. Шмидгаль. Печаталась в сборниках «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах». Член творческого объединения «Неоклассический Синдром». Любит мотыльков и ананасовый сок.

ОТРАЖЕНИЕ

Настолько устал, что уснёшь прямиком за работой.
Настолько измотан, что мир внутри полностью сгнил.
В отражении глаз – соль и больное болото.
Но где-то на дне мерцает немножечко сил.

В отражении глаз танцуют смертельные искры
Тех детских надежд и сломанных светлых мечтаний.
Из них строишь дом. Без души. Неумело и быстро.
Но так больно режутся острые чёрные грани.

Живёшь выходными, скитаясь в своих серых мыслях.
Но в час перед сном представляешь, как мог бы смеяться.
Мусор и грязь пожирают ещё трепещущий смысл.
Ты настолько устал, что не хочется вновь просыпаться.

Город рутины напомнит о сорванных планах
Нервно записанных в детской потёртой тетради:
Книгу купить, на Алтай прокатиться с мамой,
Но проще купить пачку кофе. На остальное ведь просто не хватит.

В отраженье витрины видишь, как плачет ребёнок
И пытается вынуть из сердца ржавеющий штырь.
Мимо торопятся люди и едут машины скорой.
Всё становится ясно. Этот ребёнок – ты.

И ты вспомнишь, как рьяно хотел быть счастливым
И бегать свободно среди благоухающих трав.
Ты потерял своё я в холодных пропитых квартирах.
Тебя утянула реальностью в пучину свою за рукав.

Фальшивую радость сменяет желание выжить.
Болото по грудь, а снизу одни только трупы.
Но пока капли сил ещё еле теплятся в жилах –
Ты будешь жить и бороться. Бороться, сжимая зубы.

Чтобы заполнить просторы поросших травой развалин,
Потратить чуть больше, купив не кофе, а МиМ Булгакова,
Искупаться в Катунь, съездить туда, где ты не бывал и
Сделать свой каждый день не обычным, не одинаковым.

Длинный шрам кровоточит, расходится и гноится.
Дни и ночи сгорают быстрее домов в Якутии.

Сидеть в ожидании, когда с тобой чудо случится,
Или обнять своих близких, пока те в момент не умерли?

Настолько живой, что тебя не утопит работа.
Настолько силён, что вновь, наконец, полюбил.
В отражении глаз – солнце, закаты, восходы.
И где-то внутри пылает достаточно сил.

ДАНИИЛ КОЛОДИН, 2002 г.р., Нижнеудинск – Зима

Родился в городе Нижнеудинске, проживает в Зиме. Учится в Зиминском Железнодорожном училище на помощника машиниста электровоза. Публиковался в альманахе «Первоцвет».

ПИШУ Я МАЛО...

Пишу я мало...
Очень мало –
Небрежно, медленно,
Устало.
Когда немало,
То провалом...
Пишу, пишу –
В ответ: «Нам мало!»
Рука дрожит,
И ноет малость –
Возможно, снова

Писала гадость...
Писать устала,
Хоть написала
Ещё немного –
Ну то есть мало.
Болят она
Писать немало
Про то,
Чего и так навалом.

РОЛИ

Спектакль начат. Я уже устал
Играть себя опять не в главной роли –
Однажды, помню, с нею выступал,
Но был, увы, ей также недоволен.

АЛЕКСЕЙ РЕТИВЫХ, 1991 г.р., Иркутск

Учился в детско-юношеской школе «Локомотив», музыкальной школе № 5, лицее № 36 ОАО «РЖД». Выпускник кафедры радиоэлектроники и телекоммуникационных систем Физико-технического института ИРНИТУ. Работает в Аэронавигации Восточной Сибири.

* * *

А годы... тихо уплывают,
Соткав для нас вуаль морщин...

Лишь сединой напоминают,
Что жизнь – одна!
И шанс – один!
Антракта нет на этой сцене,
И занавес нельзя закрыть.
А время поднимает цены
На право полноценно жить,
Искать, творить и быть счастливым,
Как в детстве быть самим собой.
Любить... и тоже быть любимым
И вознестись над суетой!
А счастлив тот, кто на рассвете
Сумел однажды осознать,
Что жив!
Здоров!
Что солнце светит!
И будет новый день опять.

ЕВГЕНИЙ ВОРОЖЦОВ, 2001 г.р., Абакан – Черемхово

Родился и живет в г. Абакан республики Хакасия. В детстве и юности летом жил на даче у бабушки в г. Черемхово Иркутской области. С отличием окончил школу № 20 г. Абакана, получив аттестат особого образца и две золотые медали – «За успехи в учении» и «Золотая надежда Хакасии». Студент 3 курса ХГУ им. Н.Ф. Катанова по направлению «Педагогическое образование: химия, биология». Лауреат именной стипендии главы города Абакана (2020 г.). Прошёл обучение по программам дополнительной подготовки Студенческого культур-

ного центра «ФДПС» ХГУ им. Н.Ф. Катанова «Ведущий концертных программ» и «Основы искусства дефиле». Опубликовался в «Университетской газете» ХГУ и журнале «Абакан». Победитель республиканского литературного конкурса «Радуга талантов» в номинации «Поэзия», возрастная категория от 18 до 35 лет. Участник V Межрегионального летнего литературного лагеря «Тал пазы», посвящённого Году хакасского эпоса. С 2020 года состоит в Совете молодых литераторов Хакасии. На 2021-2022 учебный год стал получателем стипендий Президента РФ и Правительства РФ.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Свечой потухло небо часом раньше,
И звёздами разверзлись небеса.
Планета становилась на день старше
И мчалась по неторенным местам.

На маленькой, едва заметной точке
Свернулся город, словно бы в клубок.
А там уже, на улице Цветочной,
На крыше выставляли телескоп.

Дома смотрели, точно в полудрёме,
На тени, переполнившие двор,
Деревья в уважительном поклоне,
Машинный разнорядный перебор.

На крыше, где так тихо и безлюдно
Обычно, вспоминая всякий день,
Неспешно обретало формы чудо,
Пропитывая помыслы людей.

Сидели двое – девушка и парень –
Вдыхали бесконечный небосвод,
Бросали мысли, как бросают камни,
В очерченный простор вселенских вод.

– Смотри, какое чудо в окуляре:
Туманности смыкаются в кольцо
И кружат по чарующей спирали –
Взаиморастворенье налицо!

Двум сущностям отныне не погаснуть,
Они уже проникли глубоко,

Желания, мотивы стали ясны.

И шёпот пролетает ветерком:

Созависимость.

Сопричастность.

КТО ЕСТЬ Я

Однажды я стану ко всем очень строг –
Раскроется кладезь благих назиданий –
И первый по важности, срокам урок
Себе преподам. Урок первоначальный.

Есть мир, и есть ты, в тебе – пантеон,
И каждый поступок внутри заготовлен
В сражении буйном, где каждый гормон,
Сливаясь с ядром, стремится стать вольным...

И властью своей, обретённой тогда,
Тебя обуздать пеленой состояний,

Быть светочем, точно родная звезда,
Как точка отсчёта и пункт изначальный.

Но новый момент повернёт горизонт,
Раскрутит и пустит вращаться спиралью!
Гроссмейстер расклад наперёд разберёт,
Но тотчас сойдёт ошибкой фатальной.

Ведь каждый момент ты есть ты, но другой –
Поток и процесс – не застывший осколок!
Без центра, который считаешь главой,
Как им не гордись, как бы ни был он дорог.

Я ГРАЖДАНИН МИРА

На шаре зелёно-синем,
Скользящем через пространство,
В опеке природной силы
Цветёт человечества братство.

Возможно, не братство вовсе, –
С веками стала условной
Их связь. А творцы-пустословы
Твердят и твердят поголовно:

«Опомнитесь, люди, очнитесь!
Наш дом – это наша планета!
Чем больше вы дразги плодите,
Тем меньше становится света».

И лампочка в комнатке душной,
Заложеной где-то под сердцем,
Едва лишь горит и натужно
Гудит перебором секвенций.

Не каждый способен расслышать,
Тем более, скорость, ах, скорость!
Несётся ветер по крышам
Сознания мирно-глухого.

Творцы – не дельцы-пустословы,
Давно уже поняли это:
Планета – это основа,
Мир – это планета.

Я счищаю насечки,
Я стираю пунктиры,
Прошлое в прошлом навечно.
Я – гражданин Мира!

ВАДИМ ЧАВКИН, 2002 г.р., Иркутск

Автобиография

Я, Чавкин Вадим Львович, 14.08.2002 года рождения. Родился и вырос в Ленинском районе города Иркутска. Тут же поступил в школу №12, где учился вплоть до 9 класса. После же сменил школу и продолжил обучение.

Интерес к литературе в полной мере раскрылся лишь по окончании учёбы. В раннем возрасте тяга к чтению хоть и присутствовала, но со временем этот интерес угасал.

Вдохновившись музыкой с абстрактными текстами, я решил попробовать взяться за собственные работы. Если в детстве выходило писать стишки на школьные конкурсы, то сейчас хотелось чего-то серьезного. Первым делом попробовал себя в прозе и разочаровался своими писательскими навыками, на время эта затея была отложена на дальнюю полку. Лишь начитавшись определённого количества литературы, в особенности антиутопии, и, прослушав множество песен, чьих авторов можно, безусловно, назвать современными поэтами, я вновь принялся писать. Первые строки выходили плохо – ни ритма, ни рифмы, лишь смысл, который мог понять только я сам. Со временем, когда огромное количество листов было исписано, что-то да начало получаться. Сейчас я всё так же развиваю свои поэтические и прозаические навыки, сочиняю собственную музыку, напеваю стихи под гитару.

* * *

Ты открываешь его вновь и вновь.
Из него рвутся страхи, отчаяние, боль,
А на дне валяется беспомощная надежда.
Такая жалкая плачет, аж тошно.
Наверное, и сама на что-то надеется. Боже.

* * *

Происходит смена,
И я собираюсь,
Кто будет следующим?
Не знаю, да и нет мне дела.
Ведь я уже давно не стараюсь
Казаться тем, кем я не являюсь.
Я беру шапку и куртку,
Чашку и кружку,
Перчатки да туфли.
И я, наконец, выдвигаюсь.
Хотя нет,
Я, пожалуй, останусь.

ЕЛЕНА МАКАРОВА, 1985 г.р., Зима

Родилась в городе Саянске, там жила до 9 лет, потом семья переехала в город Зима. Окончила с отличием Иркутский колледж экономики и туризма по специальности «Экономика и бухгалтерский учёт». Училась на заочном отделении в Красноярском «Институте Цветных металлов и Золота» по специальности «Социальная работа». Писать стихотворения начала с 8 лет. Печаталась в газете «Новая Приокская Правда». Работала в учреждении культуры «Историко-краеведческий музей», филиал «Дом-музей поэзии им. Е.А. Евтушенко» в должности экскурсовода. Член молодежного литературного сообщества «1 ТОМ».

* * *

Жёлтая листва. Под ногами шелест.
Я иду домой. Только ты мне веришь.

Голые деревья. Запах тополиный.
Ветер еле слышно. Где же ты, любимый?
Рано очень, утром. Лужицы замёрзли.
Капли от росы. Люди аж продрогли.
Запах тополиный. Жёлтая листва.
Улетели птицы. Вялая трава.

АЛЕВТИНА КОЗЬМИНА, 1998 г.р., Иркутск

Родилась в городе Шелехов. Живет в Иркутске. Училась в Музыкальной школе №3 на отделении духовых инструментов, флейта (2004-2011). Так же играет на фортепиано, гитаре, укулеле. Занималась в Детском образцово-показательном ансамбле эстрадного танца «Жемчужинки» (2001-2013), «Академии детского мюзикла», руководитель Н. Шляхова (2012), «Школе телевидения», руководитель А. Кутимский (2011). Окончила Иркутское театральное училище: мастерская заслуженного артиста РФ Александра Булдакова, педагоги – Дмитрий Акимов, Надежда Славная (2014-2018). С 2018 года служит в Черемховском драматическом театре им. Владимира Гуркина (г. Черемхово).

Участник мероприятий: Международного форума Николая Бурляева «Золотой Витязь» (награда «Бронзовый Витязь» за спектакль «Пять вечеров» А. Володина, реж. Д. Акимов), фестиваля «ГуркинФест» со спектаклем-лабораторией «Когда голуби улетели» В. Гуркин, реж. Д. Минченок (Москва), фестиваля Приангарья со спектаклем «Пять вечеров», реж. Д. Акимов, Вампиловского фестиваля с пластическим спектаклем «Левша» Н. Лесков, реж. А. Ерёменко (Екатеринбург), в форуме «Таврида» со спектаклем-лабораторией «Чайки на выбор» А. Чехов, реж. Г. Южаков (Москва).

Работа в спектаклях ЧДТ: Надя в молодости, Ольга в постановке 2018 г. «Когда голуби улетели» (спектакль-лаборатория), В. Гуркин, реж. Д. Минченок (Москва), Василиса в постановке 2018 г. «Как кощей на Василисе женился», реж. С. Кириллочкин (Черемхово), Катя в постановке 2019 г. «Пять вечеров», А. Во-

лодин, реж. Д. Акимов (Иркутск), флейтистка в постановке 2019 г. «С любовью не шутят», А. Чехов, реж. С. Кириллочкин (Черемхово), Джульетта в постановке 2020 г. «Ромео и Джульетта», В. Шекспир, реж. А. Размахов (Москва) и др.

* * *

Ветреные мотыльки
По растормошенной дороге.
Мыльные пузыри
На пыльном переходе.
Джинсовый сарафан
И худые ноги.
Расправленные плечи,
Ключицы-недотроги.
Распушенные волосы,
Летающие по ветру.
Прозрачные стёкла
Малинового цвета.
Шеи и руки,
Плывущие в закате.
Пустые страницы,
Сожжённые тетради.
Песочные замки,
Привкус корицы...
Кино до утра
Под острую пиццу.
Возможно, последние
Звездные ночи.
Мы всё говорим
Просто так, между прочим.
Морские просторы,
Солёные лица.
Песчинки скрипят
На зубах. Веселимся.
Под песни твои
«За тобой, про тебя»
Срываемся вниз
И касаемся моря.
И нежно сплетаются
Руки дождя
В небесно-лавандовом
Привкусе зноя.

* * *

Я закрою все свои двери,
Стану серым обугленным камнем.
Нет любви для меня на свете,
Ничего уже не исправлю.

Вы играли мучительно долго,
Открывая мои секреты.
Солнце гибнет за облаками,
Провожая последнее лето.

Боль съедает и рвётся наружу,
След на сердце змеёй оставляя.
Если взгляд тебе мой не нужен –
Так убей же в одно касание...

* * *

Никуда я не прячусь,
Я просто болею.
Даже ваши слова
На крючках заржавели.

А вокруг только снег,
Только снег и пепел.
Ничего не забыл.
Проживём, залепим.

Кавалькада людей
Забывает нещадно.
Проглочу и уйду –
Им ведь больше не надо.

Ты стоишь на мосту,
Словно ангел-хранитель.
Я с тобой помолюсь
И покину обитель.

Ты измеришь мой пульс,
Обращённый на запад.
Я тебя полюблю
И не буду плакать.

Остановка пустая,
Трамвайный ветер.
Я тяну провода,
Вышиваю сети.

Засияют глаза
От недавней зарницы.
По плечам в рукава
Лепестки медуницы.

Упадёт и растает
Морозное утро.
На губах шоколад
Превращается в пудру.

Я оделся не так.
Всюду снег и ветер.
Ты со мной на мосту.
Только я не заметил.

САДИГ МАМЕДОВ, 1997 г.р., п. Горный

* * *

Шишки разгрызает белка
И кладет их на тарелку
Для своих троих бельчат.
Вилками они стучат,
Громко повторяют в спешке:
«Мама, дай скорей орешки!»

* * *

Мышка Пим привстал на лапах –
Он учуял сырный запах,
Влез на холм, к земле приник,
Глянул вдаль – а там пикник!
На поляне были дети,
Дети были на обеде.
Мышка влился в их ряды,
Влез в корзину для еды
И собрался – вот проныра! –
Унести кусочек сыра!
Но услышал, унося:
– Мышка, воровать нельзя!
Пим раскаялся:
– Простите!
Только сыром угостите!
Мышку угостили сыром,
Отпустили мышку с миром.

ОБЖОРА

Вот уже который год
В замке под горой живет
Тот, кто точно лопнет скоро,

Ненасытная обжора –
Настоящий великан!
Перед ним стоит стакан
С облепиховым компотом,
Ест он, обливаясь потом,
Сразу несколько котлет,
Лакомый мясной рулет
В сочной овощной подливке
(Перец, помидор, оливки),
Каши из различных круп,
Выливает сырный суп
В свой объёмистый желудок,
Вслед за ним кидает уток,
Ест, почти что не жуя,
Мимо рта течёт струя
Апельсинового сока,
Исчезает целый окунь,
В куры-гриль и шашлыки
Вмиг вонзаются клыки,
Жир стекает с подбородка,
В глотку тянется селёдка,
Баклажаны, огурцы
И говяжьи голубцы,
Расстегай – вкуснейший, мягкий,
Пироги и кулебяки...
А в сторонке бедный кот
Скоро с голоду помрёт...
Даже маленькой сосиски
Нет в его кошачьей миске.
Слышно чавканье и хруст,
Но его животик пуст.
Хоть бы ложечку сметаны...
Котик просит великана:
«Как я голоден! Едой
Поделись, прошу, со мной!»
Но прожорливый хозяин
В жадности своей бескраен,
Говорит с набитым ртом:
«Не делюсь едой с котом!
Самому покушать нету!»

Пристывает он к десерту.
Первым делом в рот проник
Сладкий тортик медовик,
Два глотка – и литры смузи
Сразу в великаньем пузе,
Только прожевал бисквит –
Мятный пряник вслед летит,
Друг за другом тонут в глотке
Кексы, пахлава, шарлотка,
Поглощает великан
Со сгущенкой круассан,
С голубой помадкой пончик
И ореховый батончик
(Шоколад, фундук, нуга),
Черносливы, курага
В белой сахарной глазури,
Ананасы во фритюре,
Мармеладные желе,
Профитроли с крем-брюле,
Абрикосы в карамели,
Земляничные коктейли,
Йогурт, эскимо, пломбир,
Гоголь-моголь и зефир...
А в сторонке – бедный котик,
У него урчит животик,
Даже крошек от конфет
В миске у котёнка нет...
Говорит он великану:
«Что ж, хозяин, я не стану
У тебя просить еды,
С голоду помру... но ты
Думай о себе хотя бы!
Огляди свои масштабы!
Твой живот пузаст и толст,
На пол он уже уполз,
Ты страдаешь ожиреньем,
Есть высокое давление –
Двести два на сто один,
Да еще холестерин...
Сесть пора бы на диету,

А иначе – песня спета!
Меньше ешь, чтоб лишний вес
Уменьшался и исчез!»
Но слова у великана
Вместе с крошками фонтаном
Вылетают изо рта:
«Я не слушаюсь кота!
Буду кушать, сколько влезет,
И плевать мне на болезни!
Буду кушать, сколько...» Упс!
Застревает чупа-чупс
Прямо в великаньем горле!
Ох, насколько ж он прожорлив –
Целиком ел леденец,
И пришел ему конец!
Испугался, было, котик,
Но болит его животик,
Выражая свой протест...
Прыг на стол – и котик ест...

Я РИСУЮ ОСЕНЬ

Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть и семь, и восемь.
Обожаю рисовать
И рисую осень!

На альбомные листки
Расплескаю краски.
Набросаю лепестки
И отправлю в пляску.

Разрисую рыжий лес,
Желтую поляну.
Ярким солнышком с небес
Освещать их стану.

Усажу я на траву
Зайчиков и мишек,
На поляну позову
Озорных детишек.

Пусть с рисунка на меня
Смело смотрят лица!
Пусть сегодня ребятня
Только веселится!

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВ, 1981 г.р., Ербогачён

НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВЕ

Из цикла «Маленький остров»

На маленьком-маленьком острове,
На дальнем от нас берегу,
Живут-поживают опоссумы
И счастье своё берегут.

Хоть небо над ними колыхнется,
А остров грозит затонуть,
Им вольно и радостно дышится –
Они не боятся ничуть.

Грызут свои сладкие пряники,
О чае мечтая тайком,
И с тем, кто подарит им чайники,
Поделятся сладким пайком.

Нет ни забот, ни бед у них
На острове маленьком том.
Я чайников сто фиолетовых
Куплю и приеду к ним в дом.

И будет веселье бескрайнее
На мордочках милых зверей,
Ведь я их желание тайное
Исполнил без всяких затей.

На маленьком-маленьком острове,
В краю, где покой и уют,
Счастливые бродят опоссумы
И пряники с чаем жуют.

МИХАИЛ ТЕПЛЯШИН, 1996 г.р., Иркутск

Родился в Иркутске, в учительской семье. Окончил Иркутский национальный исследовательский технический университет по специальности «Нефтегазовое дело» с отличием. В 2020 г. выучился по магистерской программе двойного диплома в Томском Petroleum Learning Centre, находящимся под эгидой Томского политехнического университета и Heriot-Watt University. Публиковался в альманахе для юношества «Первоцвет».

ВРЕМЯ РАССВЕТА

Рассказ

В лесу царил тишина, та особенная тишина, которая бывает только под утро, когда все вокруг словно замирает в предвкушении нового дня. Затихшее нарушалось лишь размеренным стуком дятла, уже приступившего к своей трапезе, да хрустом снега под сапогами охотника. Охотника звали Андреем, и сегодня он пришел в лес, чтобы добыть себе пропитание – охота была для него единственным средством существования вот уже почти десять лет. Местная чащоба не радовала обилием дичи, поэтому жизнь охотника была нелегкой. Особенно тяжело ему было переносить долгие, суровые таежные зимы, когда все зверье засыпает в своих норах, покрытых плотным, холодным снежным покрывалом.

Впрочем, сейчас охотнику было весело, несмотря на голод – ра-

достная атмосфера зимнего утра способна подавить любую тоску. Он шел, с трудом переставляя ноги, одетые в тяжелые кирзовые сапоги на размер больше, которые так и норовили завязнуть в плотном, слегка подтаявшем снегу. На плече у охотника висело старое, потемневшее от времени ружье, на поясе – нож в самодельных ножнах.

Он шел по свежей тропе оставленной, судя по следам, лосем. Время от времени он останавливался и внимательно оглядывался по сторонам, глубоко вдыхая зимний холодный воздух. В эти минуты его заросшее бородой, красное от мороза лицо выражало сосредоточенность, почти отрешенность.

Тропинка вела его на вершину засыпанного толстым слоем снега холма. С трудом, постоянно поскользываясь, Андрей вскарабкался по звериной тропе на самый верх. Остановился, отер пот со лба тыльной стороной руки и оглянулся кругом, невольно улыбнувшись. От вида, что открывался с холма, захватывало дух.

Со всех сторон и до самого горизонта раскинулась заснеженная тайга, непроходимая чащоба, ровным пологом тянувшаяся по земле с выступающими из нее холмами, подобными тому, на вершине которого стоял охотник. Девственно чистый, ослепительно белый, прекрасный снег лежал на деревьях, холмах, застывших ручьях, словно одеяло... безоблачное, синее-синее, пронизанное солнечными лучами утреннее небо прекрасно дополняло картину. На горизонте оно будто сливалось с бесконечным заснеженным лесом, становясь с ним единым целым. Где-то вдалеке раздавался странный, постепенно затихающий гул, свистели птицы... это был один из моментов, ради которых стоит жить.

Но всему приходит конец. Очарование зимнего пейзажа постепенно ослабевало, и солнце стремительно поднималось к зениту. И хотелось есть.

Андрей вспомнил, ради чего он здесь. Сняв с плеча ружье, усилием воли он заставил себя сосредоточиться на следах и звериной тропе. Тропа эта спускалась с противоположной стороны холма, делала странный крюк и углублялась в чащу. Охотник последовал за ней, опасливо, стараясь удержать равновесие на крутом склоне.

Он уже почти спустился, когда неловко оступился, потерял равновесие и упал, заскользив по склону вниз. В тот момент, когда он скатился до самого подножия, Андрей вдруг почувствовал, как земля под его весом подалась и затрещала, словно куча хвороста – и с ужасом осознал, что это и не земля вовсе, а настил из веток, под которым чувствуется что-то мягкое, податливое, живое.

Чудовищный, низкого тембра рык огласил зимний лес – и все во-

круг смолкло. В этом реве чувствовалась жажда убийства, жажда крови, беспощадная жестокость. Андрей стоял на коленях посреди разворошенной им медвежьей берлоги – маленький, жалкий, беззащитный человек во власти могучего зверя. Смерть нависла над ним, и смерть эта выглядела отвратительно, от нее несло падалью и свалявшейся шерстью – огромный медведь, разинувший пасть в грозном оскале. Время остановило свой ход. Все вокруг будто застыло, и Андрей отчего-то вспомнил, как он впервые попал в эти гибельные, дикие места...

... Андрей поправил рюкзак и подошел к старухе, застывшей на завалинке, словно изваяние. Нагнувшись к ней, он произнес, стараясь говорить громко и отчетливо:

– Здравствуйте! Я только что из города. Хочу обосноваться здесь на некоторое время. Люди говорят, будто у вас есть свободная изба.

Старуха молчала. Тогда он добавил:

– Я вам заплачу.

Старуха медленно, с усилием, подняла голову. Он видел ее сухое, морщинистое лицо, бесцветные глаза и думал о том, сколько же ей могло быть лет. Уж никак не меньше девяноста. Казалось, что она видела многое на своем веку, и это многое оставило на ней свой отпечаток.

Она перевела на Андрея взгляд выцветших глаз, медленно, с усилием разлепила ссохшиеся, тонкие губы и промолвила, выговаривая с трудом каждое слово:

– Свободная изба? Свободная... есть. Много тут свободных. Только кому нужна такая свобода... хозяева умерли, дома пустые стоят... бери любой... только кому это нужно? Вымирает деревня...

Ее голос ослаб до почти неслышного шепота, но она еще продолжала что-то говорить, утомленно прикрыв глаза. Андрей больше не слушал ее.

...Спустя несколько дней он обнаружил, что деревня действительно вымирала – точнее, она уже представляла собой полуразложившийся труп. Пустые избы, зияющие черными провалами выбитых окон и дверей, походили на черепа.

Выбрав себе самую крепкую с виду избу, он постепенно восстанавливал свое новое жилище, но прошло много времени, прежде чем оно вновь приобрело обжитый вид.

Кроме Андрея в деревне жило семь человек – старики и старухи, одинокие, брошенные на произвол судьбы. Все, у кого имелись родственники, давно уже переехали из этого маленького островка жизни посреди дикой тайги.

Оставшиеся еще помнили время, когда деревня процветала. Жи-

тели торговали дарами природы: кедровым орехом, пушниной, ягодами... Но всему на свете приходит конец. Подошла к концу и счастливая жизнь деревни. В стране начались тяжелые времена, и о деревенских забыли. Навсегда осталась недостроенной дорога, которая должна была обеспечить регулярную связь с городом. Люди стали покидать родные дома.

Андрей прожил в деревне несколько лет, прежде чем остался единственным ее жителем. Последней умерла девяностолетняя старуха.

...Он не заметил, как в руках его оказалось ружье. Зверь резко взмахнул лапой, мелькнули страшные когти. Охотник ушел в сторону быстрым, скольльзящим движением, но все же медведь задел его. Алая кровь брызнула, окрасив снег узором из множества капель. Охотник закричал, трясущимися руками прижал приклад к плечу и выстрелил из обоих стволов почти в упор. Он не целился, к тому же ружье не было рассчитано на крупную дичь, поэтому выстрел не нанес зверю серьезного урона. Медведь взвыл от боли, закрутился на месте, на время забыв про человека. Воспользовавшись этим, Андрей бросился бежать.

Он бежал изо всех сил, отбросив в сторону тяжелое и бесполезное ружье, но ноги были словно ватные. С каждым толчком сердца кровь покидала его тело через разорванный когтями бок. Каждый последующий шаг давался ему тяжелее, чем предыдущий. Ушел он недалеко. Привалившись к толстому, холодному стволу дерева недалеко от злополучного холма, слушал, как в ушах стучит кровь, повинуюсь сумасшедшему биению сердца... Но и сквозь эти глухие удары слышался разъяренный, полный боли и бессмысленной тупой злобы рык, который приближался.

Охотник прислонился к шершавой коре и утомленно закрыл глаза. Хотелось просто заснуть. «Все могло бы быть по-другому, – подумалось ему. – Все могло бы закончиться иначе. Но было бы это лучше? Вот вопрос. Можно ли разделить смерть на хорошую и плохую? И что в таком случае можно назвать хорошим? А жизнь? Можно ли сказать, что человек прожил плохую жизнь? У кого может быть право говорить так?»

Перед глазами его вновь зашевелились фигуры из прошлого, и снова вспомнился тот день, когда он окончательно решил покинуть свою прежнюю жизнь и заселиться в таежную глушь.

...На столе стояли граненый стакан, треснувшая белая тарелка с синей каймой, потертая скатерть была измазана пятнами. Андрей сидел на стуле и неподвижно потухшим взглядом смотрел в пол, подперев голову рукой. Жена собирала вещи. Тишина. Все уже было сказано, поэтому сейчас они просто молчали, и повисшее молчание давило на них, как тяжелый пресс, воздух на кухне словно стал гуще – тиканье часов с трудом пыталось его рассеять, но звук их был почти не слышен, и усилия пропа-

дали зря. Андрей подумал, что если он извинится, то еще возможно все вернуть – и тут же отчетливо понял, что не хочет ничего возвращать. Он ненавидел эту женщину, а она, похоже, ненавидела его, и единственное, чего он никак не мог понять – зачем же они жили все это время вместе?

Хлопнула входная дверь, и Андрей остался один. Но одиночество не принесло ему облегчения. Он попытался думать о работе, но эти мысли вызывали стойкое отвращение. Если уж на то пошло, любые мысли были неприятны. Раньше он приходил из офиса, быстро проглатывал еду, приготовленную недовольной и вечно хмурой женой, и сбегал от нее в компьютер. Кликая мышкой, смотрел в белый экран, боясь отвести от него взгляд, и наушники в ушах изрыгали безумную музыку, и стрелки часов бежали вперед, а затем он ложился спать, и ненавистный мир неохотно отступал на несколько мгновений небытия. Засыпал Андрей всегда быстро – чтобы сбежать в сон от приносящих тревогу мыслей.

Не в силах больше сидеть без движения, он наскоро оделся, набросил свой старый плащ и вышел на улицу. Промозглый осенний ветер подхватил его и понес, и Андрей подчинился ветру, чувствуя, как противный холод распространяется по всему телу. «Надо бы купить что-нибудь теплое, на зиму», – подумал он, но мысль эта исчезла бесследно, едва появившись. В конечном счете, ему было все равно.

Он мог бы еще долго идти, ничего вокруг не замечая, если бы прямо перед ним вдруг не выросла, словно из-под земли, вывеска бара. Андрей уцепился за нее взглядом, как утопающий цепляется за спасательный круг, и не смог пройти мимо. Он вдруг понял, чего ему хотелось сейчас – ему хотелось выпить, напиться так, чтобы забыть все, или, во всяком случае, забыть как можно больше. Он решительно направился к этой вывеске, не отрывая от нее взгляда, открыл маленькую, невзрачную дверь под ней и вошел внутрь.

Андрей вовсе не был пьяницей. По-настоящему он напивался лишь раз – давно, ему тогда еще не было двадцати. В тот раз он записал в дневнике, который вел по какой-то странной привычке: «В прошлую ночь, напившись пьяным, я ощутил вдруг, что вся моя жизнь – не более чем странный сон... На следующее утро мучился от похмелья, а в голове бродили разные странные мысли. Описывать их подробно было бы слишком долгим делом, добавлю лишь, что теперь я, кажется, знаю, зачем тибетские йоги скрываются от людей в своих горах...»

В этот раз все было несколько иначе. Склонившись над барной стойкой, Андрей заливал в себя бокал за бокалом, и полутемная комната плыла и кружилась вокруг него, полы ходили ходуном, и вообще, маленький бар напоминал корабль во время десятибалльного шторма – однако,

ощущение сна не появлялось, только лишь мысль о тибетских отшельниках почему-то никак не шла из головы.

«Йоги, йоги... – бормотал Андрей себе под нос. – Зачем же они уходят? Живут там... в пещерах... холодно... а впрочем... живут же... и зла не ведают. Да! Все зло в мире от людей... теперь я это знаю... только бы не забыть... такая интересная мысль... Жене скажу».

Он вспомнил, что больше у него нет жены, и застонал, сам не понимая, от чего ж ему так тоскливо – ведь он ее и прогнал. Чья-то ладонь легла ему на плечо. Андрей поднял голову, попытался сфокусировать взгляд на лице незнакомца, но потерпел неудачу – все плыло перед пьяными глазами, и вместо человеческого лица он видел лишь смутное, расплывчатое пятно. Пятно это хмыкнуло и хрипловатым мужским голосом произнесло:

– Эх, развезло ж тебя, паря! Домой-то сам дойдешь?

Андрей попытался отпихнуть назойливое пятно локтем, пробормотал недовольно:

– Все зло... все... зло...

И вдруг понял, что забыл ту важную мысль, которая только что пришла ему в голову, и которую он хотел сообщить человеку с пятном вместо лица. Это так расстроило Андрея, что он зажмурился и уронил голову на руки. В следующую секунду он ощутил, что его настойчиво берут под руки и ведут куда-то. Сквозь плотное марево до него доносился хрипловатый сочувственный голос:

– Ничего, ничего... сейчас такси вызову... адрес хоть помнишь свой? Адрес, говорю? А, чтоб тебя... держись на ногах нормально!

– А... а... оставьте меня в покое...

Он все никак не мог понять, куда, и, главное, зачем его тащат? Загадка эта быстро разрешилась, и уже через час Андрей, несколько протрезвевший, находился в своей пустой квартире. Было уже за полночь. Висящие на стене часы тикали скорбно и как-то удивительно мрачно, словно не извечное свое «тик-так» отстукивали, а похоронный марш. Электрический свет безжалостно резал глаза, и казалось, можно услышать, как ток потрескивает в проводах. Голова гудела, была тяжелой и совершенно пустой.

И в этой пустоте вновь всплыла назойливая мысль о горных отшельниках. «Бежать, – подумал он. – Бежать из этого кошмара... Все зло... Бежать, и чем быстрее, тем лучше».

За окном темная пелена ночи на мгновение разошлась по швам от вспышки зарницы. Тук. Тук. Стучат тяжелые капли дождя по оконному стеклу. Андрей стоит перед столом и подносит спичку к скомканно-

му вороху рабочих документов, еще недавно казавшихся важными. Тук. Тук. Огонь весело разгорается, искры сыплются на ковер, который уже начал тлеть. Тик-так. Андрей трясущейся рукой кидает в бушующее на столе пламя свой паспорт и водительские права... Огонь отражается в его глазах, и глаза его становятся веселыми и дикими, и черное безумие плещется в них, и в этой темной глубине бешено пляшет маленький огонек. Огонь. Огонь. Белый пепел... Только так. Избавиться. Сбежать. Он отступает на шаг и любуется на дело рук своих. Кажется, все?.. Его безумные глаза останавливаются на красном углу – детище суеверной жены – и рука тянется к дешевой репродукции лика Христа, но натывается на строгий, прямой взгляд Спасителя, и безумие на мгновение отступает – вместо того, чтобы бросить икону в огонь, он берет ее с собой, сам не понимая зачем. Но нужно уходить. Пламя бушует, кипит, оно внушает уже страх, и Андрей подчиняется страху... Хлопает входная дверь.

Огонь прошивает окна насквозь, с дребезгом взрывается стекло, и капли дождя шипят, испаряясь... Дождь за окном становится все сильнее – это уже стихия, муссон, тропический ливень, молнии пронзают черное небо одна за другой... только безумец выйдет из дома в такую ночь.

Бежит, спотыкаясь, маленькая черная фигурка, бежит сквозь плену дождя, а за спиной ее разгорается зарево пожара...

Через пару месяцев в маленькой таежной деревне появился новый жилец, который вскоре стал единственным – хмурый лесной отшельник, нелюдимый и странный, и даже забредающие иногда в эти места охотники и рыбаки чурались его.

...Сердце громко бухало в груди Андрея, с шумом прогоняя кровь по венам. Зверь был здесь. Охотник, сам ставший дичью, чувствовал его приближение, хотя и не видел.

Хруст. Хруст. Хрустит снег под сапогами. Как тяжело бежать. Каждый шаг дается с трудом. Андрей останавливается и закрывает глаза. Он чувствует, как смерть подбирается к нему все ближе и ближе. Он устал бежать. В конце концов, разве смерть не называют избавлением? Все зло в мире от людей... Эта мысль, пришедшая вдруг в голову, кажется отвратительной.

Разве он сам не человек? В чем же он виноват? Разве он убивал? Крал?

– Нет, – шепчет насмешливый голос в голове (вот так и сходят с ума!). – Нет, ты не крал. Ты просто спасался бегством. Всю свою жизнь ты пытался сбежать... но куда бы ты ни шел, ты все время сопутствовал себе – от себя убежать невозможно...

– Чушь, ерунда, – шепчет Андрей, но в глубине души он знает, что

голос прав. Более того, он знает, понимает, кому принадлежит этот голос – это вовсе не голос безумия, и Андрея бросает в дрожь...

– Ты и сейчас убегаешь, – шепчет голос.

– Ты ищешь спасения в смерти. Ты хочешь, чтобы смерть спасла тебя... от чего, от жизни? Как глупо... ты опять ошибся! Просчитался! Но этот раз станет последним...

Жгучий стыд выплескивается на Андрея, словно теплая, грязная вода, и он открывает глаза. Медведь стоит всего в нескольких шагах от него – огромная туша из мышц, костей и жира... зловонная слюна капает на снег, глаза налиты кровью...

Рука тянется к ножу, достает его из самодельных поясных ножен. Андрей все понимает, но он устал бежать – вот, что делает с людьми одиночество! Этот раз станет последним, и бояться нет смысла – смерть просто дешевая подделка. Рука крепче сжимает рукоять. Еще крепче.

Зверь бросается с места внезапно, он чудовищно быстр, но охотник уходит в сторону плавным перекатом, и широкое, остро вспыхнувшее лезвие оставляет на морде шатуна болезненный порез. Обезумев, тот поднимается на задние лапы, он больше ничего не видит и не слышит перед собой, он думает лишь о мести – Убить! Разорвать врага! – и кровавое безумие становится для него погубелью.

Медведю удастся полоснуть охотника по плечу страшными когтями, прежде чем тот успеет вспороть ножом живот хищника и отскочить в сторону. Внутренности вываливаются из утробы зверя, он хрипит и бьется в агонии, а всего через пару минут наступает тишина...

Багровый диск солнца весело поливает пробуждающийся зимний лес своим розоватым утренним светом. День обещает быть хорошим и безоблачным. Весело поют птицы, вокруг раскинулась бескрайняя тайга, и все хорошо. Так, как и должно быть.

Андрей с наслаждением вдыхал зимний морозный воздух и улыбался. Наверное, начиная с беззаботной поры детства, он впервые улыбался так – просто и со счастьем. Кровь сочилась через повязку, но это не волновало его – он знал, что будет жить, и жизнь его только началась, и будет она, эта жизнь, прекрасной. Он больше не побежит. Он вернется к людям.

Торжественно стремящееся к зениту светило благословляло Андрея. Наступал рассвет его жизни. Наступало Время Рассвета.

ВЛАДИМИР КЛЕЙНЕРМАН, 1995 г.р., Черемхово

Окончил в 2017 г. Иркутский национальный исследовательский технический университет по направлению «Теплоэнергетика и теплотехника». В 2018 г. стал финалистом конференции «Молодость. Творчество. Современность». Печатался в альманахе «Первоцвет», сборнике рассказов «Кошачий мед». С 2017 по 2019 гг. работал инженером-технологом службы наладки и испытаний тепломеханического оборудования «Инженерного центра «Иркутскэнерго»; с 2019 г. по н.в. – старший инженер отдела пусконаладочных работ и испытаний АО «ЭН-НОВА».

ГАЗОАНАЛИЗАТОР

Рассказ

В камере в главном корпусе одной ТЭЦ, которую местные называли не иначе как «лаборатория», было душно и жарко, впрочем, как и всегда. Насчет камеры, конечно, может кто-то еще и поспорил бы, особенно если потолок под добрых три метра, но что толку в высоких потолках, если в ширину там только пара шагов, а к стенам вплоты представлены шкафы, заполненные по большей части хламом, которым никто никогда не воспользуется.

Но помимо вполне очевидного мусора хранились здесь вещи вполне пригодные для полезных дел: например, черный газоанализатор одной американской фирмы. Среди своих его называли по-простому «газик».

Инженер-технолог, совсем недавно еще грызший гранит науки, как раз разглядывал такой. Он осторожно проводил пальцем по пластмассовому корпусу размером с пару листов формата А4. Вот сбоку ручка, посередине вставной пульт с игривыми оранжевыми кнопками и маленький дисплей, благо, что цветной. Парнишка не уточнял у своих более опытных коллег, сколько же стоил такой прибор, но догадывался, что сумма явно не менее чем с пятью нулями.

Он ухватил за ручку и поднял газик. В принципе, одной рукой управиться можно. Правда, памятуя про неизвестную ему стоимость, Инженер решил не рисковать и подстраховаться второй.

Ему предстояла не особо-то и трудная работенка: всего-то подняться несколько пролетов по паровому котлу да воткнуть зонд и проследить, сколько процентов кислорода покажет чудесный прибор. Остальные в месяц по несколько раз так делали, следовательно, и он сможет, но Инженер все равно волновался – еще бы, это первая самостоятельная вылазка в цех, он только-только сдал все экзамены по технике безопасности, получил корочки, словом, своеобразное боевое крещение!

Ах да, зонд же еще.

Он чуть было не ушел из лаборатории без самого главного, без похожего на пистолет зонда, который кабелем присоединялся к корпусу газика и оканчивался длинным и тонким металлическим дулом. Его-то и следовало вогнать в отверстие в обмуровке котла – и дело в шляпе. Инженер еще раз осмотрел камеру. Удостоверение в алой корочке было с собой и согревало сердце в нагрудном кармане. Газик вместе с зондом у него в руках. Пора выходить в большой мир.

Дверь, отделявшая беспорядочную, пыльную, но все-таки уютную лабораторию (куда Инженер с удовольствием приходил и рассматривал, изучал все тайники и ящички, заполненные всякой всячиной) от остальной ТЭЦ, большой и даже не столько упорядоченной, сколько по чуждому отстраненной, была под стать своему предназначению: массивный металлический лист, выкрашенный в бледно-салатовый с нотками голубого. Краска кусками отшелушилась в левом нижнем углу, куда часто упиралась ногой, чтобы открыть дверь, а вокруг замка чернели шрамы от сварки – это Инженер по своей природе, которую он успешно выдал за неопытность, умудрился захлопнуть дверь так, что замок заклинило.

Дверь в лабораторию зависла на лестничном перелете между первым и вторым этажами, но здесь таким понятием как «этаж» не пользовались – вместо этого были отметки, – поэтому можно сказать, что лаборатория на четвертой отметке. Путь Инженера же пролегал выше – на восьмую.

Неподготовленного посетителя непременно поразит размах главного цеха ТЭЦ, да даже у Инженера от него пока что захватывало дух, но уже в гораздо меньшей степени, нежели в первые дни после прибытия сюда. Тем не менее, вверх лучше не смотреть – голова закружится от переплетения бесчисленного множества труб. Паровой котел – чуть ли не живое сердце станции – чудовищное переплетение экранов, стальных листов, лючков, проводов и тепловой изоляции, – словно вырос из пола, но больше это походило на оковы. Он простирался вниз до самой нулевой отметки. Если бросить просто взгляд на него, то вроде бы все спокойно, но по гулу и жару, из-за которого под каской выступает испарина, становится ясно: настоящая его сущность сокрыта внутри, где непрерывно подпитываемый угольной пылью клокотал пламенный вихрь.

Инженер подошел к нему вплотную и пожалел, что не надел беруши, но ничего не поделать: не возвращаться же обратно из-за такого пустяка? Особенно когда в руках столь ценный груз – неохота лишний раз ходить туда-сюда.

Он начал подниматься по старой лестнице. У нее ступеньки очень высоко отстояли друг от друга, поэтому приходилось задирать ноги. Тогда же он сделал и второе неприятное открытие: помимо берушей стоило прихватить с собой и перчатки: перила пыльные и оставляли после себя на ладонях след от грязи, смешанной с ржой. После очередного пролета Инженеру приходилось вытирать их об синюю рабочую робу, но только лишь за тем, чтобы снова замарать. Он усмехнулся и мысленно сравнил это с трудом Сизифа и поэтому решил прекратить его: просто по возвращении в лабораторию стоило тщательно вымыть руки с мылом. Оно еще довольно противное: оставляло после себя скользкий налет.

Инженер поднял голову вверх. Позади осталось два пролета, а впереди еще ой как немало, ведь сам котел был в высоту целых тридцать восемь метров. Радовало то, что до самого верха подниматься не нужно – место замера все-таки раньше.

Сюда редко кто заглядывал, оно и понятно. Обходчики разрядом пониже в основном коротали время на нуле в своей каморке рядом с насосами. Тех же, что повыше, было бы сущим изуверством обязать постоянно быть на котле, поэтому тут и там виднелись кучки золы и пыли. Это, помнил с университетских курсов Инженер, могло плохо закончиться: пыль же горячая, тлеет от горячих поверхностей. Да и, честно признаться, сам он был свидетелем, как она разгоралась, упав на какой-нибудь выступ. Неправильно, конечно, но что поделать: раз денег на ремонт выделяли мало, то и делали его кое-как. Кое-как же и принимали котел после ремонта.

Но довольно пространных размышлений, ведь цель уже так близка!

Вконец запыхавшись от долгого подъема, Инженер уже еле-еле переставлял ноги в тяжелых ботинках с металлическим носком, а сам он вспотел до седьмого пота от нестерпимой жары.

Когда же до заветной площадки оставалось всего ничего, что-то его подвело. Может быть, все дело было в непривыкших к такой ноше руках. Все уже не так и важно, когда драгоценный газоанализатор сделал несколько переворотов, уменьшаясь и уменьшаясь с каждой секундой, пока он не упал на пол и не разбился где-то там внизу.

Неужели?..

Ноги вмиг стали ватными, а дыхание спертым.

В голове роилась только одна мысль, повторенная эхом тысячу раз: «Этого не может быть! Этого не может быть! Этого не может быть!..».

Инженеру было сложно вообще поверить, что он только что выронил газик, но что сделано, то сделано, и ничего не попишешь.

Он пытался представить, как будет объясняться перед остальными за свой проступок, но разум упорно отбивался и, едва перед глазами выплывали образы коллег, сразу же гасил их новым потоком «Этого не может быть!». Самое обидное – это уже не первый его косяк, но самый крупный.

Вот если бы была возможность повернуть время вспять, вернуться буквально на пять жалких минут назад. Тогда бы все можно было исправить: второй раз он бы не оплошал, точно-точно!

Стоило ему только моргнуть, как он не поверил тому, что увидел и почувствовал после – в руке покоился газик. Целый газик! Сам же Инженер стоял на пару пролетов ниже. Скорее всего, он проходил тут как раз пять минут назад. Он чуть не подпрыгнул на радостях, это же надо – его желание исполнилось. В другой раз он обязательно бы пустился в долгие размышления по такому поводу, но сейчас он был по-настоящему счастлив от того, что с души свалился такой тяжкий камень. Все-таки, если прекращать Сизифов труд, то только так, подумал он с улыбкой. Теперь он будет предельно аккуратным, самое главное – крепко удерживать газик, наверное, третьей возможности все исправить уже не положено.

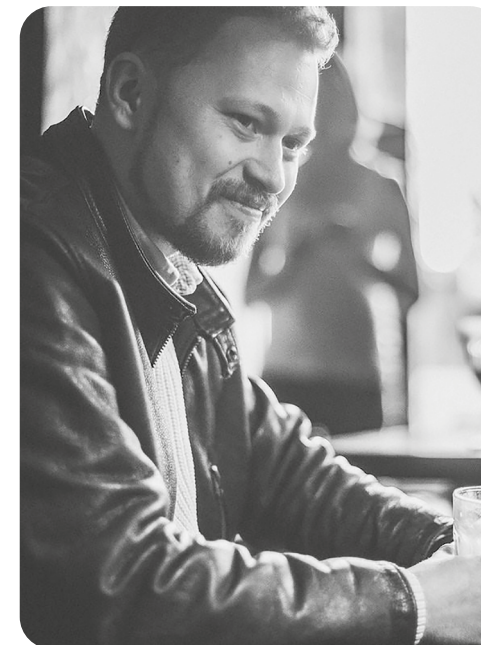
Оказавшись у злополучного места, Инженер крепко-накрепко вцепился в ручку, прошел дальше, чем в первый раз, и...

Нога зацепилась за слишком высокую ступеньку. Инженер кубарем полетел сначала вниз по лестнице, но неудачно сгруппировался и поэтому вылетел сквозь перила вниз. Возможно, оставалась последняя лазейка для спасения, – была одна-единственная секунда, пока он пере-

валивался через бортик, – но у него не получилось воспользоваться ею и ухватиться за стержень.

Падение закончилось так же стремительно, как и началось. Скорее всего, он даже не успел бы зацепиться за какой-нибудь выступ. Наверно, даже и осознание пришло к нему под самый конец, но как бы то ни было, ему, с переломанными костями и бездыханному, уже не потребовалось медицинской помощи, когда к месту приземления сбежался народ.

Газоанализатору, кстати, повезло больше: на корпусе только пара вмятин от удара об лестницу, но он исправно работал. Даже зонд не погнулся.

КИРИЛЛ РАДЧЕНКО, 1989 г.р., Иркутск

Поэт, музыкант. Родился в Улан-Удэ, с 2014 года живёт в Иркутске. Окончил филфак Бурятского государственного университета. Публикуется в журнале «Байкал». Работает в Иркутском областном кинофонде.

* * *

У клетки приморской забитые светом углы.

А тот человечек, вписавший щегла в середину,
как будто бы жив до сих пор и в щегловы седины
стыдливо вплетает послушные пальцам угли.

Задумался, что ли, и боль
не почувствовал, что ли.

Но выводы сделав, от них встрепенёшься скорей:
«И все-таки будет полёт: я не стану, не стану в загоне
свалявшимся трутом для искры служить несвоей!»

А тот человечек щегольи сомненья догонит:
«Что ж, вот тебе, птица, от светлых умов – муравей.
Забыв о труде, королеве и мушье́й болезни,
он встанет под самой душою, у левой ноги.
Он ждёт твой полёт, в ожиданье своём бесполезен.
И ты, как надежду, отныне его береги».

А клетка приморская светом забита в углах.
И что-то решается в этих просторных углах.

* * *

А я ей: «Кортасар!»
Она: «Контрабас!»

А я ей: «Он – идол!»
Она: «Человек!»

И долго мы ваньку
валяли для вас.

По корпусу – трещины.
Щепки – на снег.

* * *

Вырастет ли когда-нибудь
синяя цинерария?
Через кремень мозолевый
сильная прорастёт?

Полюс. Граница дымная:
там, где страданьем Зилова –
судорога Вампилова.
Много чего ещё.

Где Башлачёв с Ванюшею.
Врач со свечой потушенной.
Где на полах шаметовых
пыль золотая ждёт.

Глянь-ка! Цветы раскинулись.
Будний свинец отбросили.
И в лазурит закутались.

Даль зарядил ружьё.

АННА ЖЕЛТОНОВА, 1981 г.р., Ангарск

Пишет стихи с 16 лет. Лауреат городских, областных и международных конкурсов. Член литературной студии «АЛО – пишите правильно».

* * *

Звучи, любовь, дождём весенним,
На небе радугой сияй.
Звучи, любовь, и стань спасеньем,
И окрыляй, и вдохновляй.
Звучи, любовь, грозой над миром
И нежной песней соловья,
Звучи, любовь, стань хлебом, пиром,
Великой тайной бытия.
Звучи, любовь, ударом сердца,
Аккордом чувств на виражах,
Звучи, любовь, позволь согреться
Теплом улыбки на устах.
Звучи, любовь, в стихах и песнях,
Во взгляде, голосе звучи,
Звучи одна, со всеми вместе,
Но только, только не молчи.
Звучи, любовь, ведь ты – прекрасна!

Я убеждаюсь вновь и вновь,
Что всё на свете не напрасно,
Пока есть ты: «Звучи любовь!»

* * *

Я говорю на русском языке,
Пишу, читаю, думаю и знаю,
Я говорю на русском языке
И песнь во славу языка слагаю.
В ней шум берёз, и летняя гроза,
И белый снег холодной зимою,
В ней сердца стук, улыбка и слеза,
И радуга в полнеба над землёю.
Я говорю на русском языке,
Я говорю, стучась в сердца и души,
И льётся речь, как волны по реке,
А сердце молвит: слушай, слушай, слушай...
Я говорю на русском языке,
На языке Карамзина и Фета,
И оживают строки на листке,
Как звезды в небесах перед рассветом.
Я говорю на русском языке
Во славу Родины моей, России,
Я говорю на русском языке,
Ведь нет на свете языка красивей!

* * *

Синева, синева, синева,
Словно небо на землю упало,
И запутавшись нежно в слова,
Незабудкой прекрасною стала.
Синева, синева, синева
По полям, по лугам расплескалась,
А любовь, что как прежде, права,
В незабудковом море осталась.
Я её сберегу, сохраню,
Словно самую нежную нежность,
У мечты своей на краю
Эта синяя безмятежность.

* * *

Стихи не пишутся – случаются,
Они восходят как заря.
Они в снежинки превращаются
И тают на исходе дня.
Стихи в окно стучатся вечером
Дождём осенним, проливным,
И солнцем греют так доверчиво,
И ветром дуют ледяным.
Стихи не пишутся – рождаются,
Как дети, в ласке и любви,
Сердечным эхом откликаются,
Ты их тихонько позови.

* * *

Сыплет черёмуха снегом,
Белым снегом душистых цветов.
И душа наполняется светом,
И не нужно обманчивых слов.

И не нужно напрасных страданий,
Лживых фраз и пустой болтовни,
За окном белый дым ожиданий
И погасшие в доме огни.

За окном красота новолунья,
В чёрный бархат одетая ночь,
И черёмуха, словно колдунья,
Наши беды прогнавшая прочь.

* * *

Небо синее над Россиею,
Над Россией моей синеокою,
У России моей имя сильное,
И летит песня в даль далёкую.
Песня русская, песня вольная,
Что так душу волнует неистово,
Развесёлая, хлебосольная,
Как вода родниковая, чистая.
У России моей сердце нежное

И лучистое, словно солнышко,
Согревает оно надеждою
И любовь отдаёт всю до доньшка.
Ты, Россия моя, край берёзовый,
Край Есенина, мой родимый край,
Как на поле пшеничном колосьями
Ты талантами прорастай.
Покоряй всех своим величием,
Год от года, из века в век,
Пусть гордится тобою отличною
Житель твой, гражданин, человек!

МАКСИМ ЖИВЕТЬЕВ, 1983 г.р., Иркутск

Окончил Иркутский геологоразведочный техникум по специальности «Экология, охрана окружающей среды и природных ресурсов», заочное отделение Колледжа бизнеса и права Байкальского государственного университета по специальности «Экономика, бухгалтерский учет и контроль», биолого-почвенный факультет ИГУ по специальности «Биология» и Институт высоких технологий ИРНТУ по специальности «Биоинформатика». Кандидат биологических наук, член Союза писателей России. Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации по литературе 2014 года. Публиковался в альманахах и журналах: «Первоцвет», «Образ», «Веретено», «Молодежная волна», «Пролог», «Азь-арт», «Сибирь», «Дон», сборниках «Пускай услышат наши голоса», «Новые писатели». Лауреат областной молодежной литературной конференции «Молодые голоса» (2014), Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2018) и Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость» (2020). Вошел в список ста лучших авторов Международного конкурса научной фантастики «Будущее время» (2018). Участник мероприятий: XIII, XVII и XIX Форумов молодых писателей России, СНГ и зарубежья, Второго, Третьего и Четвертого ежегодного Всероссийского Совещания молодых литераторов во МГИК в Химках, Всероссийской Школы писательского мастерства СФО в Кемерово (2019), Третьего регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2019), фестивалей им. А. Бельмасова (2019) и им. М. Анищенко (2019), V Межрегионального летнего литературного лагеря в Хакасии (2021).

МАРАЛ

Громадой яркой зверь-марал
Стоял на гребне грозных скал,
Обозревая с высоты
Всё поселение Коты.

Смотрел, как лихо поднялись
Стальные крыши остро ввысь.

И как изыскан колорит:
Заборы, стены – и гранит.

Там яхта, словно глыба льда,
Стоит у пирса, а вода
Бьет о причал, и сильно бьет –
Ракета гордая идет.

Сто лет назад другой марал
Стоял на гребне грозных скал,
Обозревая с высоты
Всё поселение Коты.

Смотрел и видел срубов дым.
Он вспоминал, как молодым
Впервые здесь увидел тех,
Кто призван стать владыкой всех.

И прежде, сотни лет назад,
На юрты устремив свой взгляд,
Стоял король лесов марал –
Рогами небо подпирал.

* * *

Я уезжаю на Байкал,
Чтоб отдохнуть среди гордых скал
От суеты и от забот.
Там серна робкая живет,
Олень изнеженный пасется.
И рысь упругая крадется
По ветке вековой сосны
В преддверье ласковой весны.
А в темный сумрачный каньон
Луна и солнце льют неон.
С сосулк тикает вода,
Но лед вокруг – и холода.
И где-то здесь, среди красот,
Открыт с подблачных высот
В потусторонний мир портал –
Которым

ведает

Байкал!

МИЛЕНА МИНИНА, 1998 г.р., Иркутск – Шиткино

Родилась в поселке Шиткино Тайшетского района. С 6 класса «писала в стол». Активно участвовала в школьных мероприятиях, посещала кружки в Доме культуры, выступала на концертах и районных вокальных конкурсах. В старших классах участвовала в ВИА «Юность» в качестве клавишницы и вокалистки. В 2016 году поступила на исторический факультет Иркутского государственного университета. С первого курса выступает на литературно-музыкальных вечерах со своим творчеством. Печаталась в сборниках «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах», литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет». Сотрудничает с Иркутским Домом литераторов, выступая с романами и песнями собственного сочинения под гитару. Ближайшая цель – запись музыкального альбома. Член молодежного творческого объединения «Неоклассический синдром».

ЛИХОЕ СЛОВО

Чем жгучих слов касаться, пламенея,
Пусть лучше мой язык окаменеет.

И пусть на нём твоё не стынет имя.
Жаль бередить золу в кострах полыни.

Сжимая челюсть, проклиная память,
Я улыбаюсь пламенно глазами.

О, сколько струн в тебе я только сколом
Оборвала.

А сколько – словом...

* * *

За строчкой тянется строка –
Дремучий лес.
Отныне все мои слова
Имеют вес.

Отныне всё, что я скажу –
Клеймом в груди.
Скользить предательски ножу
По наледи!

Где слов налившаяся твердь –
Звенеть мечу!
Навеки, кажется, теперь
Я замолчу...

* * *

Ходить по твоим следам,
Ловить из подножья пыль.
Я снова вернулась туда,
Где ты
Был.

Пульсирует чувств каскад
В желудке и под ребром.
Я очень была близка,
Но на берегу не том.

Я слушаю твой плейлист,
Включаю «Фур» на повтор.
Пять вкладок твоих страниц
Насилуют мой курсор.

В тиши истеричный смех,
Привычный душе невроз.
Я вызовусь раньше всех
Чипировать себе мозг.

Но въедливый твой фантом
Мне выживет этот чип.
Отмены включив синдром.
И это ли не бэд-трип?

* * *

На бледной коже тонкий слой пылицы –
Коснуться раз и на землю спустить.
Я не хочу твои тревожить сны,
Но втайне знаю, как их опалить.

А ты летишь, летишь к моим рукам.
Внезапный звук иль стук чужих шагов:
В ладонях спрятав, никому не дам.
Никто не смеет видеть наших снов.

На хрупких крыльях раненой весны,
На белых клетках рваного листа,
На бледной коже тонкий слой пылицы
Я стёрла, стёрла, стёрла...
дочиста.

ВЕСНЕЦ

Пробиваются ростки,
Куда легче дышится.
Сочиняются стихи,
А диплом не пишется.

Не рисуется диплом,
Не изображается,
И в бесформенный облом
Молча превращается.

ВЗГЛЯД СЛЕПЫХ ГЛАЗ

Взглянула чуть левее от потока,
В котором мысли шустро копошат,
И с глаз, не медля, спала поволока,
Стряхнула спесь прозревшая душа.

Уйдя за грани прежних представлений,
Стирая всё, чем грезила вчера,
Я возрождаюсь силой озарения,
Вместив ее на кончике пера.

И в этот миг светло и отрешённо,
Как будто мир меняет колею.
Боязнь упасть и страх быть побежденной
Я так легко срубаю на корню.

Поверишь ли? Мне больно, но ликую,
Бросая в склеп негодную мечту.
Ведь если ты весь путь прошел вслепую,
Прозренья миг восполнит пустоту.

* * *

Рассыпается луч переливами сквозь стекло.
Почему так красиво в осколках мерцает свет?
О разбитом не плачут, но вновь на щеке тепло
Остывает и свой оставляет соленый след.

Я гляжу на пустырь, где разбит был изящный сад.
Я дышу на ладони и пальцы продрогших рук.
И мерещится, как на ресницах, дрожа, слеза
Отражается частыми искрами на снегу.

Слишком сильно зажатый осколок, впиваясь, жжёт.
Я стою посреди миражей и витражных стен,
И мой мир ускользает, мой собранный мир плывёт,
По излому кистей, по извилистым нитям вен.

* * *

Наступит день, придёт момент,
Мне будет никуда не надо.
Я повстречаю здесь рассвет
И догорю с лучом заката.

Со всех радаров, всех сетей
Исчезну, растворюсь, растаю!
Без лент, без чатов, новостей
И без навязывания правил.

В последний раз еще вдохну
Мой мир мозаичный, нелепый,
И навсегда перешагну.
И прошепчу:
«Ура... победа...»

**ЮЛИЯ КОНДРАТЬЕВА, 1985 г.р.,
п. Михайловка Черемховского района**

Несмотря на свой сложный диагноз, Юлия весёлый, жизнелюбивый, творческий человек. Считает, что «Мир скучен для скучных людей!» В людях ценит честность, отзывчивость, способность совершать поступки. С раннего детства пишет стихи, много рисует и изучает внутреннюю вселенную каждого человека. Любит людей, путешествия и творчество. Училась в художественной школе, изучала английский, пробовала себя в вязании, шитье, бисероплетении. Но главными всегда были стихи. Своё первое стихотворение написала в 9 лет. Потом было ещё много попыток писать. Удачных и не очень. Публиковалась: в альманахе «Первоцвет» (2014, 2018, 2020), в сборниках стихов «Разные жизни», поэтическом альманахе «Поэты XXI века» (Стерлитамак, 2014). Автор сборников стихов: «Калейдоскоп эмоций» (2013), «Моё дыхание» (2015), «Узоры счастья» (2017); молодежного романа «В плену обмана» (2019). Соавтор книги «Бочонок Мёда для Сердца» – составитель С.В. Ястребов («АСТ», 2019). Соавтор и составитель сборника «Я люблю этот мир...» (Оренбург, 2019). Лауреат литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». Отмечена почетной грамотой РОО «Иркутское землячество «Байкал» (2018), дипломом победителя 1 степени литературного конкурса «За волю и любовь к жизни» в номинации «Поэзия» (Ульяновск, 2019) и благодарностью Областного конкурса «Зима фантаста» (Иркутск, 2020).

ИЮЛЬ

Мой июль приобрел очертанья изысканной пытки:
Плавит твёрдый асфальт, проникает удушьем в дома...

Это будто бы казнь после самой безбожной ошибки
Накаляет сознание и медленно сводит с ума.
От неё не сбежать. Дикий жар просочился под кожу
И растекался по венам кипящею магмой своей.
Он сжигает дотла мою душу, сознание... Тревожно.
У июля ещё впереди много солнечных дней?..
Я не выдержу так... Подарите немного прохлады.
Легкий бриз или несколько капель живого дождя,
Пусть украсят сей миг... Люди искренне будут им рады!
Они ждут перемен, ровно так, как желаю их я...
Изнурительный зной чередой мучительных вспышек
Отравил новый день – он стал чем-то похожим на ад.
Я прошу небеса дать нам шанс, подарить передышку...
А потом вновь вернуть раскалённое солнце назад.

* * *

Пари над бездной там, где край земли,
Где облака плывут, как корабли,
Тая в себе все тайны мироздания,
Легенды, мифы, скрытые желанья...
Пари над бездной там, где звездопад
Сменяет день, который год подряд
Роняя звёзды в шёпот тёплых волн,
Вплетая в ночь невинный лёгкий звон...
Пари над бездной там, где все мечты
Становятся наивны и чисты
И начинают вечности полёт,
Не сомневаясь, что мгновение придёт!..
Пари над бездной там, где тишина
Ласкает, как проказница весна,
И, проникая в лабиринт души,
Касаясь струн, о чём-то нам шуршит...
Пари над бездной там, где бродят сны.
Они всегда прекрасны и честны.
Пари и знай, что я лечу с тобой
На край земли, над бездной голубой!

ПРОСТО БУДЬ

Просто будь –
Далеко или рядом.
Просто будь,
Мне другого не надо...
Просто будь:
На земле, в мире этом.
Просто будь
Темнотою и светом...
Просто будь,
Говори о бескрайнем...
Просто будь
Мимолетным, случайным...
Просто будь
Моим стимулом, смыслом...
Просто будь!
Как привыкла я к мыслям
О тебе...
Я без них пропадаю.
Не живу,
А хожу я по краю...
Не пишу,
Не дышу, в сердце стужа...
Просто будь.
Просто знай, что ты нужен!

Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ МИР...

Я люблю этот мир до дрожи.
И мгновения нового дня
Ни с чем несравнимы,
Ни на что не похожи...
Мир прекрасен – как есть – для меня!..
Свое каждое новое утро
Я опять с нетерпением жду.
Снова холю секунды,
Лелею минуты
И бескрайних часов череду...
Что подарит рассвет, я не знаю,

Закрывая тихо глаза,
Я лежу в тишине
И о чем-то мечтаю,
Потому что иначе нельзя...
Представлять я люблю небылицы –
То, чему никогда не бывать:
Обнимаю я тех,
Чьи мне дороги лица,
И кому я могу доверять...
Мир прекрасен... Возможностей много
В дар дано нам подругой Судьбой!
Мы идем спотыкаясь
По разным дорогам.
Каждый сам выбирает путь свой!..

* * *

Обращая слова к мирозданию,
Не посмею о многом просить.
Мне не нужно врагам наказание,
Я не в праве их просто судить.
Мне не надо богатства и славы,
Признаю: мне они ни к чему...
Мне по нраву иные забавы –
Я ценю ярких чувств кутерьму!
Для меня нет дороже улыбки,
Когда свет излучают глаза,
Сердца ритм, как мелодия скрипки,
И минуты застыли в часах...
Нет чудес в этом мире прекрасней,
Чем любовь и тепло той души,
Что легко называешь ты: Счастье,
Чувства все в это слово вложив...
Пусть красивый рассвет постучится,
Одарив моих близких теплом –
Лишь об этом хочу вновь молиться,
Закрывая глаза перед сном.
Лишь о том, чтоб они были рядом,
Чтобы слышать их голос родной.
Чтоб рассветы, а после закаты
Нам встречать на планете одной.

К мирозданию слова обращая,
 Попрошу пониманья для всех,
Чтобы жили любя и прощая,
Чтобы чаще звучал детский смех.
Не скупиться, не врать, быть собою –
Подучиться бы всем по чуть-чуть.
Мирозданье полночной порою
Я прошу перед тем, как уснуть.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

Что нужно для счастья? Немного участия,
Щепотку любви и тепла.
Что нужно для счастья? Чтоб карта той масти
Внезапно мне в руки пришла.
Быть нужной и важной, немного отважной,
Немного наивной в душе...
Еще очень важно, для чувств очень важно,
Чтоб каждый день жить в кураже!
Чтоб яркие встречи, чтоб редкие речи
И меньше избитых минут...
Чтоб кто-то, волнуясь, вдруг обнял за плечи
И спас от душевных простуд...
Чтоб вера и правда со мною шли рядом,
Пусть даже поранив до слез...
Вот все, что для счастья земного мне надо.
Казался мне сложным вопрос...

ЧЕРНИЛЬНАЯ НОЧЬ

Чернильная ночь – верный мой компаньон,
Мой главный соавтор и преданный друг.
Она подарила мне строк миллион,
Приняв меня искренне в избранных круг.

Она подарила мне всё, что могла.
Её тайный мир для меня приоткрыт.
Ничуть не пугает кромешная мгла,
Что каждую ночь над землёю царит.

Мои восхищения ей и хвала
За честность её, за умение молчать,
За то, что со мной она рядом была,
Когда на душе была горя печать.

За звёзды, за нежность незваных ветров.
За белой луны нескончаемый свет,
За строки внезапно рождённых стихов,
За то, что зовут меня люди – поэт.

Чернильная ночь как созвучие нот,
Разлитых по миру в назначенный час.
Она наблюдает за нами с высот
И видит насквозь, кто есть каждый из нас.

* * *

Уткнуться бы носом, распухшим от слез, в тепло твоего плеча.
Забыть обо всём, что со мной стряслось, о чём-то ином бормоча.
Не слышать бездушный хор голосов – он сводит меня с ума...
Закрыться от бед на большой засов. Вовне пусть беснуется тьма...
Укутаться, словно в пушистый плед, в нежность заботливых рук.
И потушить в подсознании свет, чтоб отдохнуть от разлук.
И замереть. Пусть идут мимо дни... Меня в этом мире нет.
Взяли в кольцо городские огни, так ядовит их цвет!..
Уткнуться бы носом, распухшим от слез... Зарыться в тебе навек.
Мысли пронзают меня насквозь... Где же ты, мой человек?

* * *

После холодной и долгой зимы
Сердце неистово требует лета!
Жаждет, чтоб быстро вращалась планета
В мирном пространстве космической тьмы.

Просит о том, чтоб по улицам вновь –
Пение птиц и симфонии ветра!
Все зацвело, ожило и окрепло,
В каждом штрихе отражая Любовь.

Знаешь, о чем я прошу перед сном?
Чтоб апельсиновым соком заката

Время пролилось на мир многократно
И переполнило всех волшебством.

Шорохом бабочки мне на плечо
Село чуть слышно прекрасное лето...
Начался танец из красок и света
И запестрел королевской парчой!

* * *

В шёлковом шорохе жёлтой листвы
Слышатся звуки ушедшего лета.
Яркие вспышки янтарного цвета,
Как завершение прошлой главы.

Как предвкушение новых побед –
Ярко-красные гроздья рябины,
В даль улетающий клин журавлиный
И многоцветия сочный букет.

Как приглашение в новый этап –
Небо лазурное в маленьких лужах,
Дивно сплетённый узор чудных кружев
В разнообразии шапок и шляп.

И ощущением новых чудес
Время незримо застынет над миром.
Осень пьянит колдовским эликсиром
И пробуждает в душе интерес...

И порождает желанье творить!
Слышу во всём вдохновения ноты,
Россыпью слов заполняю блокноты,
В рифму вплетая осеннюю нить...

* * *

Моя бескрайняя Сибирь –
Лесов и рек очарованье!
Ты, как былинный богатырь,
Не отречешься от призванья.

Ты будешь бережно хранить
Узоры рек и ширь простора.

И будут голову кружить
Твои заснеженные горы.

Ты снова будешь удивлять
Своей красою повсеместно,
И как заботливая мать
Во всем со мною будешь честной.

Ты не позволишь оборвать
Ту нить, что нас навек связала.
Твоя изысканная статья
Мне ближе всех, кого я знала.

Ты навсегда теперь во мне
Соцветьем трав и неба синью,
Узором чудным на окне
И утром, пахнущим полынью...

* * *

Раствориться в тебе бессимптомно,
Стать твоим наважденьем и блажью.
Загореться звездой путеводной
В сини ночи разлитой гуашью.

После вспыхнуть июльским восходом,
Пробуждая в душе, что забыто.
И внезапно рождённым аккордом
Сочинить вземную сюиту.

Переполнить тебя, переплавить
Своим светом, что рвётся наружу...
Нет, не буду я больше лукавить,
Чувства прятать под внешнею стужей...

Я хочу без разбора и правил
Стать единым тебе откровеньем!
Кто на путь меня этот направил:
Проведенье, Злой рок, Наважденье?

Я не знаю, не знаю, не знаю...
Я твой свет ощущая повсюду,
Среди тысячи звёзд распознаю
И навеки ведома им буду!

* * *

Стань моим безбрежным морем,
Окружи со всех сторон.
Раствори в своём миноре –
В тихом плеске синих волн.

Пригласи в свои глубины...
В час, когда утихнет шторм,
Приоткрой слегка картину
Мира странных, чудных форм.

Удиви своей бескрайней
Шириной и глубиной.
Спой о самой древней тайне,
Прикоснись к душе волной.

Обернись морской пеной
Или мощью синих вод...
Вдохновляющей Вселенной –
Высшей степенью свобод!

Пусть навек сомнений сети
Разорвет морской прибой,
Научив восторг и трепет
Пробуждать в душе любой...

Весна драматурга

В 2021 году Иркутский Дом литераторов провел Областной литературный конкурс для молодежи «Весна драматурга».

Молодежное лито «Азь-Арт», действующее при Иркутском Доме литераторов, уже проводило подобные конкурсы: «Лето поэта – 2019» и «Зима фантаста – 2020», – в которых число участников составило 16 и 38 человек соответственно.

На этот раз было решено усложнить задачу и провести конкурс по двум номинациям: «Пьеса» и «Интермедия».

Если пишущих в жанрах поэзии и прозы обычно много, то драматургов надо еще поискать. Так что на этот раз задача была, прямо скажем, не из легких. Пьеса – сложный и трудоемкий литературный жанр, работать в котором осмеливаются немногие. Однако, иркутская драматургия вошла в золотой фонд русской литературы: пьесы Александра Вампилова, Владимира Гуркина широко известны и любимы в народе.

В задачи конкурса входило оценить, как обстоят дела в Иркутской области с молодыми драматургами и привлечь внимание молодежи к написанию пьес, которым уделяют так мало внимания. Результаты оказались весьма неожиданными!

С одной стороны, поступило всего четыре работы от двух участников: от каждого по одной заявке в обеих объявленных номинациях. С другой стороны – среди всех присланных текстов не было ни одного откровенно слабого, что приятно. Смелчаками оказались Михаил Кривенок и Екатерина Куйдина, пишущая под псевдонимом Екатерина Сереброва, оба «азартовцы» и постоянные авторы журнала.

Екатерина в свое время писала пьесы, с одной даже вошла в лонг-лист всероссийского конкурса, но тогда не возникло понимания целесообразности работы в этом жанре. *«Жанр очень сложный и трудоемкий, а ощущение было, что пьесы никому не нужны. У молодых авторов почти нет шанса увидеть свое произведение на сцене, т.е. в действии, – поделилась своим давним разочарованием Екатерина. – Тем не менее, считаю опыт написания пьес интересным и полезным, в том числе прозаику. Это расширяет кругозор, позволяет раздвинуть рамки творчества. Вижу себя прозаиком, но эксперименты с драматургией, возможно, продолжу. Театр и литература должны идти рука об руку».*

Михаил же признался, что всегда хотел писать пьесы, и конкурс послужил ему тем важным стимулом, чтобы наконец-то осуществить давнюю мечту: *«Были страхи, что может не получиться с первого раза, потому вначале потребовалось время на проработку отечественной классики в жанре драматургии. При подготовке к конкурсу читал пьесы Чехова, Островского, Пушкина («Борис Годунов»). Смотрел, как ведут себя герои в разных ситуациях у разных авторов. Как поступают второстепенные персонажи, как гармонично их реплики вплетаются в нить повествования, и как каждый персонаж влияет на главных героев и на донесение до читателя основной мысли произведения».*

И только потом сел за собственную пьесу, сюжет которой взят из жизни и целиком прочувствован на основе своего жизненного опыта. В итоге – конкурсом доволен, и уже появились идеи новых пьес. Конкурс позволил еще раз прокачать навыки писательского мастерства, и рад, что такая возможность представилась. Жаль только, что было мало участников».

На торжественной церемонии оглашения результатов, авторы зачитали свои пьесы-победительницы, их объявили Лауреатами конкурса «Весна драматурга» и вручили от Иркутского Дома литераторов по ценному призу, которым стал сборник современной драматургии «В контакте».

А у жюри накануне был сложный выбор, кто же из целых двух участников станет призером.

Председатель жюри, режиссер, педагог и заслуженный работник культуры РФ Валентина Семеновна Просекина посоветовала, что пьес поступило мало, а ставить их из-за малого объема не представляется возможным.

Заместителю директора Иркутского Дома литераторов Светлане Владимировне Зубаковой понравилась простота и лаконичность пьесы Михаила, благодаря чему в ней нет ничего лишнего, она динамична и вызывает сильные читательские эмоции в финале.

Поэт и прозаик Светлана Вячеславовна Шегебаева увидела в Михаиле возможного будущего драматурга и отметила, что у его конкурсной пьесы большой потенциал к развитию по объему и задумке, когда можно показать более подробно Иркутск и время, в котором мы сейчас живем.

Прозаик Максим Живетьев отметил ироничность работы Екатерины, психологическую выверенность и естественность диалогов, узнаваемость типажей, выбор весьма и весьма актуальных тем, которые сложно сплести в одну общую сюжетную линию.

Прозаику Юрию Харлашкину понравился финал интермедии Екатерины с очень интересным образом «уродливого» дерева за окном, в котором зашифрован мифологический символ взаимного перехода жизни и смерти.

Михаил Кривенок стал лауреатом конкурса в номинации «Пьеса» а Екатерина Куйдина – в номинации «Интермедия». Поздравляем лауреатов «Весны драматурга – 2021»!

На оглашении результатов присутствовала поэт, член Союза писателей России Марина Игнатьевна Яковенко, которая высоко оценила работы-победительницы. Она порадовалась за участников конкурса и выразила уверенность, что молодые драматурги еще удивят Иркутск новыми пьесами.

МИХАИЛ КРИВЕНОК, 1990 г.р., Иркутск

Родился в поселке Могзон Читинской области. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по специальности «Информатик-экономист». Вошел в лонг-лист литературного конкурса «Лифт-2020».

БЕЗ ЧУВСТВ

Драма

2007 год. Иркутск. Начало лета. Действие разворачивается на вокзале, перемещаясь внутрь казённого деревянного дома с трёхметровыми потолками и огромными окнами, на которых установлены решётки в небольшую клетку, 1907 года постройки. Дом выдан по долгу службы Отцу семейства, в связи с переездом из другого города. Семья, на первый взгляд, кажется счастливой и полноценной.

Действующие лица

Отец – военнослужащий в звании подполковник, слишком легко относится к жизни.

Мать – женщина с большой буквы, про таких говорят: и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт.

Михаил – старший сын, молодой человек 16 лет.

Глеб – младший сын, недавно исполнилось 7 лет.

Николаша – друг отца.

Таксист – мужчина средних лет.

Действие первое

Здание вокзала. Внутри всё заполнено солнечным светом. Множество людей сует туда-сюда. Большие вокзальные часы показывают полдень. Появляются мать и двое её сыновей, все нагружены сумками под завязку. Останавливаются перевести дух.

Мать. Посмотрите, какое солнышко нас встречает.

Михаил. Только солнышко нас и встречает. Полгода нас не видел и даже не приехал.

Мать. Давай не будем... Ты же знаешь, как отец загружен работой.

Михаил. Так всегда! Работа, работа! Разве это оправдание? Если захотел, нашёл бы возможность.

Мать. Успокойся! А то выпросишь! *(Смотрит строго на Михаила.)*

Глеб. Мам! А Папа скоро?

Мать. И ты туда же! Папа не приедет, сказал, нас встретит его друг – Николаша.

Глеб. А где Николаша? Почему он нас не встречает?

Мать. Во-первых, это для взрослых Николаша, для тебя – дядя Николай. Во-вторых, я не знаю, опаздывает, наверное. Давайте немного подождём.

Проходят к скамейке. Садятся: Мать и Михаил по краям, Глеб в центре. На сцене гаснет свет на одну минуту. Когда зажигается вновь, сцена не меняется. Герои продолжают сидеть на скамейке, вокруг обставленные своими сумками.

Михаил. *(Сидит, нагнувшись вперёд и смотря в пол, произносит.)* Уже полчаса прошло. И никого нет.

Мать. А я что сделаю?

Михаил. Да, я так... просто.

Мать. Знаю я твоё просто. Лишь бы позудеть. Вот чем ты недоволен, скажи? Новый город, новые люди, Папу наконец-то увидишь.

Михаил *(обиженно)*. Ничем.

Пауза

Глеб. Mam, я есть хочу! И пить тоже.

Мать. Ну, потерпи, сыночка. Домой приедем и будем кушать.
(Обнимает, гладит Глеба по голове.)

Пауза

На сцене появляется мужчина в сером жилете, круглой кепке «шофёрке». Крутит ключи на пальце. Ходит из стороны в сторону, оглядывается.

Таксист (громко кричит). Такси. Такси недорого, в любую точку города. Такси, такси.

Замечает женщину с кучей сумок и детьми. Направляется прямоком к ним. Останавливается напротив, перестаёт крутить ключи.

Таксист. Здравствуйте, такси не интересует?

Мать. А сколько стоит?

Таксист. Смотря куда ехать!

Мать (неуверенно). Если я ничего не путаю – Ново-Ленино. Есть такой район?

Таксист (улыбается). Есть. Окраиной считается. Полторы.

Мать. Что полторы?

Таксист. Тыщи.

Михаил. А говорили, недорого. И в любую точку города.

Таксист. Глянь-ка, запомнил. Молодец (протягивает руку. Михаил протягивает руку в ответ, жмёт), с таким не пропадёшь! (Обращается к женщине). Можно было бы дешевле, да у вас багажа много.

Мать. Спасибо! Не надо.

Таксист (настойчиво). Тыщу двести, едем?

Глеб. Mam, поехали!

Мать (слегка раздражено отвечает таксисту). Спасибо, нет. Нас встретят.

Глеб. Ну, ма-ам! Я устал ждать.

Мать. У нас таких денег нет!

Таксист (машет рукой сверху вниз). А, хрен с ним, с этими деньгами! Чай, не обеднею! (Берёт несколько сумок с пола.) Поехали! Бесплатно довезу.

Мать (растеряно). Что вы, что вы! Неудобно как-то.

Таксист (смеётся). Неудобно спать на потолке – одеяло свалива-

ется. У меня сегодня всё равно работа не клеится, может, вам помогу, да в остаток дня дело на лад пойдёт. Первый раз в Иркутске?

Мать (смущённо). Да, первый.

Таксист. Ну, что ж! Как говорится, добро пожаловать! (Все встают, берут оставшиеся сумки и уходят.)

Занавес

Действие второе

Сцена: на переднем плане стоит кирпичная печь, на полу лежит старенький ковёр, здесь же стоит невысокий длинный шкаф. Чуть в глубине видно окно с решёткой, стол и пару стульев. Всё это дополняет тусклый свет. Первым входит Николаша, следом за ним Мать и сыновья. Все с сумками, ставят их на пол.

Николаша. Хорошо, что позвонили! Кучу времени сэкономил, если честно, так не хотелось по пробкам тащиться. Ну, вот! (Разводит широко руками.) Как вам апартаменты?

Мать (едва сдерживая слёзы). И что? Здесь мы будем жить?

Николаша. Да, можно сказать вам в городке самое лучшее жильё досталось. Дом на три семьи.

Мать. На три?

Николаша. Не переживай! Они отдельно живут, соседи ваши. Туалет и ванна имеются, только воды много не лейте. Здесь яма выгребная. Дом-то этот военнопленные строили после Русско-японской войны ещё при царе батюшке. Исторический объект, так сказать.

Мать садится на самую большую сумку, закрывает лицо руками и начинает плакать. Сыновья пытаются её успокоить, подходят, обнимают с двух сторон.

Глеб. Mam, не плачь! Mam, ну не плачь.

Михаил. Мама, не плачь, а то сейчас Глеб разревётся.

Мать. (Быстро вытирает слёзы, обнимает сыновей.) Вы мои хорошие! Всё хорошо, это я от радости.

Михаил (бурчит). Так я и поверил. От радости. Как же!

Николаша. Совсем забыл! Я мигом, до машины и обратно. (Выбегает, но практически сразу возвращается, держит в руках коробку конфет. Протягивает Михаилу.) Вот, примите мои извинения за то, что не встретил.

Михаил *(сурово)*. Как у вас всё просто!

Мать. Миша, в чём дело?! *(Встаёт с сумки, берёт конфеты сама.)* Спасибо, Николаша. Ты не сердись на него. Устал с дороги, видимо.

Николаша. Да было бы за что! *(Шарит в кармане брюк.)* В общем, вот вам ключи, а мне бежать надо. Батьке вашему передам, что вы дома уже. Небось все соскучились. *(Выходит.)*

Пауза

Все начинают смотреть по сторонам, разглядывая дом.

Мать. Миша, Глеб! Давайте сумки разбирать.

Глеб. Мам, а можно другие комнаты посмотреть?

Мать. Иди посмотри, только ничего не трогай! А ты не хочешь посмотреть? *(Смотрит на Михаила.)*

Михаил. Успею ещё! *(Нервно перебирает вещи в сумке.)* Не могу тапки найти. Ты не видела? А то полы здесь сто лет, наверное, не мыли.

Мать. Смотри лучше. Найдешь, убери сумки в шкаф.

Крик из-за сцены.

Глеб. Мам, в ванне окно покрашено, а в одной комнате заколочено.

Глеб появляется на сцене, подбегает к Михаилу тянет его за руку.

Глеб. Пойдём нашу комнату выбирать! Здесь целых три.

Михаил *(ворчит)*. Я Маме помогаю.

Глеб с Михаилом уходят. Мать проходит садится за стол, смотрит в окно. Входит отец.

Отец. Привет!

Мать. Привет! *(С раздражением.)* Ты же сказал, что с жильём будет нормально.

Отец. А что не так?

Мать. Да всё не так. Всё не так.

Отец. Не понимаю. Посмотри: трёхкомнатная квартира, за окном участок, сарайчик есть. Грядки сделаем, теплицу поставим, вишня под окнами цветёт.

Мать. Трёхкомнатная квартира в столетнем доме. Бежали от деревни всю жизнь, и на тебе, приехали. Да тут же разруха полная. Здесь костями надо ложиться, чтобы мало-мальский порядок был.

Отец. Что ты в самом деле? Первый раз что ли?

Мать. Устала я! *(Отворачивается, смотрит в окно.)*

Отец. А дети где?

Мать *(не поворачиваясь)*. Пошли себе комнату выбирать.

Вбегает Глеб. На секунду останавливается, видит отца, бросается в объятия.

Отец. Вымахал-то как за полгода. *(Треплет по голове.)* Богатырь!

Входит Михаил, молча смотрит, как Глеб обнимается с отцом.

Отец. Ну, здравствуй! *(Протягивает руку. Михаил продолжает молча смотреть.)*

Мать. *(Поворачивается.)* Поздоровайся с отцом

Михаил протягивает руку в ответ. Жмут руки. Отец достаёт из кармана диск. Отдаёт Глебу.

Отец. Вот, смотри, компьютерную игру тебе купил.

Глеб. Пап, у нас же нет компьютера.

Отец. Пока нет. Будет!

Глеб. Ура! Ура!

Мать. Это, конечно, всё хорошо, но нам бы помыться с дороги.

Отец. Тут такое дело: здесь с мая по сентябрь горячую воду отключают. И так совпало, холодной тоже нет. Трубы меняют. Скоро должна водовозка в городок приехать, можно будет сходить, набрать несколько вёдер.

Мать встаёт из-за стола, осуждающе смотрит на Отца, уходит в другую комнату. Глеб бежит за ней. Михаил с Отцом остаются наедине.

Пауза

Отец. Как дела? Как учёба? Тоже подросток, я смотрю.

Михаил. А тебе ли не всё равно?

Отец *(повышая голос)*. Да вы что сегодня с цепи сорвались? Ты да мама твоя.

Михаил. А чего ты ждал, что мы тебе на шею кидаться будем?

Отец. Вот те раз, последние грибы встали на дыбы! Ты как с отцом разговариваешь? Смотрю, совсем от рук отбил. Да, надо всё-таки было тебя сдать в кадетский корпус. Маме спасибо скажи, не дала. Там бы с тобой не цацкались.

Михаил. Чтобы быть таким, как ты? Тоже мне, испугал!

Отец замахивается открытой ладонью. Михаил пригибается, видя, что отец не ударил, сжимает кулаки, выставляет грудь вперёд, переходит на крик.

Михаил. ДАВАЙ! НУ ДАВАЙ! УДАРЬ! ТАК ЖЕ ПОСТУПАЕТ ЛЮБЯЩИЙ И ЗАБОТЛИВЫЙ ОТЕЦ.

Отец (*опускает руку, говорит с сожалением*). Видимо, плохо я тебя воспитывал...

Михаил. Ты вообще меня не воспитывал! Тебя никогда не было рядом: ни на мои дни рождения, ни на праздники. Всё время работа, работа, командировки, учения – всё, что угодно. Скажи, разве это важно? Тебя никогда нет рядом в самые важные моменты. Да тебе, наверное, плевать! Не хочу тебя видеть! Не отец ты мне!

Выбегает из дома. Гаснет свет. Когда зажигается, вновь сцена: пустая, посередине стоит тополь в виде буквы V, на нём между стволов сидит Михаил. Появляется Мать, подходит ближе.

Мать. Поругались? Как маленькие, ей-Богу! Довёл отца до слёз. Тебе не стыдно?

Михаил (*обиженно*). Нет.

Мать. Сходи, извинись!

Михаил. За что?

Мать. Ты очень сильно его обидел. Он хоть и не идеальный, но всё же отец...

Михаил. Он нас бросил, оставил одних. Там, на севере. Разве ты забыла: как мы замерзали, как ложились спать в одежде, как...

Мать (*перебивает*). Не забыла. Не спорю, было тяжело. Думаю, если бы даже отец был рядом, легче бы нам не стало. Иногда бывает так, что обстоятельства сильнее человека. Это просто надо пережить! Надеюсь, ты поймёшь если не сейчас, то потом... Он старается и всё, что делает, делает для нас. Не сердись, прости его. (*Обнимает, гладит по голове.*)

Михаил. Пойду, воды наберу. (*Встаёт и уходит.*)

Мать садится на его место, закрывает лицо руками, свет гаснет. Действие перемещается в дом. Отец стоит возле стола. Михаил останавливается у входа. Обращается к Отцу, не смотря в его сторону.

Михаил. Где вёдра взять?

Отец. Там, в ванной на полу стоят.

Михаил проходит в другой конец сцены, пропадает из виду. Раздаётся металлический шум. Идёт обратно с пустыми вёдрами.

Отец (*окрикивает Михаила*). Сын! Давай провожу.

Михаил останавливается, не поворачиваясь.

Михаил. Сам разберусь! (*Делает шаг.*)

Отец. Прости меня... если можешь!

Михаил снова замирает. Стоит несколько секунд молча и, не поворачиваясь, выходит. Отец опускается на стул, ставит локти на стол, обхватывает голову руками.

Занавес

ЕКАТЕРИНА СЕРЕБРОВА

1991 г.р., Усолье-Сибирское – Иркутск

Родилась в 1991 году в г. Усолье-Сибирское, живет в г. Иркутск. Окончила ИГУ по специальности психолога (2013 г.) и магистратуру филологии (2016 г.). Прозаик, пробует себя в написании сценариев и пьес. Публикации: в сборнике ИГУ «Продвижение» (2010 г.), в альманахе «Первоцвет» – с 2015г.; в журнале «Сибирь» (№1, 2019 г.), в журнале «Азарт» (№1, 2020г.); в сборнике прозы «Пускай услышат наши голоса» (Иркутск, 2018 г.).

Дипломант 3 степени Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность – 2018». Участник Школ писательского мастерства СФО (2019 г., 2020 г., 2021г.) от Фонда СЭИП. Шорт-листы конкурсов: фантастики «Лето любви... по Фаренгейту» (2020г., г. Москва), прозы «Жемчужное ожерелье» (2021г., Орловское отделение СРП), прозы «Капля в море» (2021г., г. Севастополь). Лонг-лист конкурса пьес (2019 г., г. Казань). 2 и 3 место конкурса «Зима фантаста» (2020, г. Иркутск); 1 и 3 место конкурса сценариев (2017, 2018 гг., г. Иркутск, ВГИК).

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Интермедия

Действующие лица

Иван Николаевич (Иван) – шофер, 47 лет.

Вика – администратор, носит очки.

Лена – ее помощница.

Торговец с дипломатом, в пальто.

Тесный офис. Вика сидит у входа, на ее столе – весы с чашами и статуэткой Фемиды. Лена – за дальним у окна, перед ней на столе клубок из черно-белых ниток.

Входит Иван.

Иван. Здравствуйте, девочки-красавицы, меня к вам отправили. Я за машинкой со штрафстояночки.

Вика. Заполните бумаги.

Иван присаживается подле нее и берется писать.

Иван. Ваше здание в таком мрачном месте: на пустыре, рядом с ритуалкой. Да еще дерево уродливое под окном. Не страшно?

Вика. Мы привыкли.

Иван. Так, я заполнил. А зачем вам мое вероисповедание и крещен / не крещен? И где указать данные машины?

Вика. Раз написано, значит, заполните.

Иван пишет. Лена начинает разматывать клубок.

Вика (*читает его бумагу*). Иван Николаевич Буровой, 47 лет, шофёр. Женат, двое детей. Атеист. Что ж, Иван, вы по адресу. Больше вам ничего искать не придётся.

Иван. Ага, ведь машинку я нашел.

Вика. Машинка вам тоже не понадобится.

Иван. Почему же? Я шофёр.

Лена. Вам некуда ехать, вы умерли.

Иван. Умер?

Вика. Лена, ты опять торопишься. На вот, копию сними. (*Лена забирает документ.*)

Иван. Как это, умер?

Лена (*бормочет у принтера, который барахлит*). Ненавижу эту земную бумажную волокиту.

Вика (*Ивану*). Вы уже несколько дней задыхаетесь, с высокой температурой ходите, и вас удивляет результат? Ваши легкие перестали работать.

Иван. И ничего не исправить? Я к врачу пойду! (*Ломится к двери, открывает – а там пустота, темнота. Вика затаскивает его назад.*) Мне нельзя умирать, у меня кредит.

Вика. Из комы можно вернуться, но с вами уже ничего не поделаешь.

Иван. Это какой-то розыгрыш... или кошмар... Я не верю в за-

гробную жизнь, так не бывает.

Лена. Мы вас не спрашиваем, верите или нет. Вот ваша судьба. *(Отдает ему распутанный клубок, теперь их два – черный и белый.)*

Вика кладет эти клубки на весы. Черный перевешивает.

Вика. Ну что, грешили много?

Иван *(испуганно)*. Нет. Жил, как все: работа, дом. Обычный человек.

Вика. И не за что каяться?

Иван *(пожимает плечами)*. Я простой шофёр, за баранкой двадцать лет, без нареканий честно работал. Жене как-то изменил... мы друг друга простили.

Вика. Что-то другое.

Иван. Бывало, падал, как и все. Как-то на месяц в запой ушёл. Никого не избивал, долги отдавал... Никого не убивал... *(Чёрный клубок опустился.)*

Вика смотрит со вниманием. Иван замер.

Входит Торговец с чемоданчиком. Расхаживает по кабинету.

Торговец. Покупаем, сдаем души, постоянным клиентам – скидки. Мужчина *(наклоняется к Ивану заговорицки)*, вашу куплю задорого.

Иван. А?

Торговец. Годы жизни дам, да еще какие!

Иван. То есть я оживу?

Торговец. Да, мой дорогой. И проживешь долго, в счастье и безмятежности.

Вика. Альберт, он не из твоих.

Торговец фыркает, с широкой улыбкой еще смотрит на Ивана, но, не дождавшись от него реакции, уходит.

Голос Торговца за сценой. Сдай душу – спаси тело от ковида!

Иван. Это кто?

Вика. Чёрт в пальто. Альберт на вашей людской беде наживается. Потом тем, кто купится, а сейчас таких немало, благими намерениями одна будет дорога выслана.

Иван. И вы допускаете такое?

Вика. Без тьмы нет света. И потом, человек сам склоняет чашу в одну или другую сторону *(кивает на весы)*. Думаешь, это я решаю? *(Пауза.)* Что же тут, Иван?

Иван *(вздыхает)*. Я молодой был, возвращался как-то в машине

поздно домой. Гололёд, темень, на трассе почти никого. Я не гнал, спокойно ехал. И вдруг, откуда ни возьмись, мальчишка выскочил. Я его поздно заметил, вдарил по тормозам! Машина в кювет улетела, перевернулась. Я кое-как выбрался, ладонь только и оцарапал – не пострадал, побежал к ребенку, а уже и поздно... Суд назвал несчастным случаем. Я компенсировал его семье расходы, всё такое. Они глядели на меня несчастными глазами, но никто и слова не сказал.

Вика. Вот она, вина ваша перевешивает.

Иван. Никто не осудил меня, не наказал. Я должен принять это наказание сейчас.

Вика. Ты можешь покаяться.

Иван. Так просто? А серийные убийцы тоже могут?

Лена. Этим протягивает руку сам Сатана, и они уходят в закат в обнимку.

Вика. У нас только те, кто имеет право на второй шанс. Вспомни всё, что было, любую мелочь, и ответь, специально ли ты его убил, или не могло быть иначе.

Иван. Я хорошо соображал и следил за дорогой... на том месте не было фонаря. Я... я не мог ничего поделать. Я не хотел этого.

Весы выровнялись.

Вика *(берет Ивана за руку)*. Ты обычный человек, Иван. Это не случай. Это судьба.

Подходит Лена и отдает бумаги.

Лена. Пора вам в небесную канцелярию. *(Провожает Ивана до двери.)*

Иван уходит. Ему в глаза бьет свет.

Лена. Зря ты Альберта прогнала, надо было посмотреть, что будет.

Вика. Ты и сама знаешь, что ничего. И я сразу увидела, какой он, Иван.

Лена. Ну надо же. Вызови техника лучше, а я пойду за клубками. И почему я в помощниках? Моего стажа и заслуг больше, чем у тебя. *(Бубнит, уходя.)*

Вика *(хмыкает)*. Заслуженный канцелярский работник.

Вика встает и подходит к окну, из которого видно одинокий тополь, большой и старый.

Вика. И ничего-то он не уродливый.

Поэзия в прозе

НАТАЛИЯ КАРПОВА, 1993 г.р., Иркутск

Окончила информационно-технологический класс МАОУ ЦО №47 г. Иркутска, в дальнейшем – экономический факультет РЭУ им. Плеханова в Краснодаре. Пишет стихи и прозу с 14 лет, выступает на поэтических площадках Санкт-Петербурга и Иркутска.

* * *

Прижимаясь к теплу, стану слушать, как велика Москва, где живут 12 апостолов.

Мне все люди говорят, что я взрослая, а у меня в бумажнике 15 копеек и в душе вечный Беринг, берег и Рерих.

Я кипячу чайник, боясь обжечься, и видела путь Млечный всего пару раз в этом столетии.

Вечное всегда где-то близко.

На кончике коромысла медонесущей коровы.

От страха больше влажности, чем урона.

Вровень

с моей поясицей всегда ходят дети.

Каждый третий –

пустой, чужой и безликий. Постой! О чем это я?

Ах да, о нитях.

Начнем: выноси вещи за порог квартиры и времени.

Думаешь, просто мне?

Мое время растет на звук, и чем его больше, тем я старше.

Звуки идут по мне звонким маршем, и я старею.

Но так и не становлюсь взрослой –

Ломаются только кости тела.

Эдакая душевная химера, которую мудрецы зовут инфантильностью.

Продолжаю писать кириллицей и выдумывать Мефодицу.

Продаю инфантильность на полставки и в розницу,

Мануфактурно создавая латы отличницы.

Но мы сбились. Я ведь об инакомыслии.

Знаешь, времени сразу нет, когда теряешь что-то любимое.

А без времени Пути тоже нет.

Проходя сквозь тернии, звездный свет рождает линии.

И в этих линиях – твой ответ.

Нам суждено с рождения быть слабыми телом и мертвыми духом,

Так зачем же тогда становиться сильными?

С гипертрофированным голосом, слухом и нюхом –

Это же ведь невыносимо!

Ежедневное насилие над всеми костями черепа.

Что же тогда заставляло рисовать Рериха и плавать Беринга?

* * *

Капельки встречались, стекались вместе, переговаривались и сливались в Великий Океан, становясь чем-то большим. Солнце, играя на их телах, преломляло Свет, создавая цвета и линии. Выщербленные волнами Камни пели свою симфонию, сотрясаясь от ласк Океана. Все было в Мире, и Мир был во всем.

Маленькая девочка шла по колючему песку. Мокрые песчинки коллоли и щекотали маленькие ножки, разговаривая с клетками кожи. Думать было не обязательно – мысли были камушками и не принадлежали девочке. Чувства были волнами и катились, увлекая за собой ветер.

Шаги стали чем-то обыденным. Бесцельным, несущественным и, возможно, несуществующим. Просто таким образом тело разговаривало с Миром.

«И кто я такая, чтобы мешать ему это делать?» – сказала девочка и отправилась в путь.

Девочка прошла через варгов, варягов и греков. Они все назывались по-разному, но мало чем отличались друг от друга. И от нее. Греки сложно мыслили и считали, что каждое слово принадлежит тому, кто его сказал. Девочка не спорила, хотя и видела, что слова принесли птицы, а звуки для них создал мох.

Варяги заплетали волосы и вырезали линии на деревьях. Деревья не спорили, но им было грустно.

Варги спрашивали: «Хорошо ли быть человеком?» «Проблем хватает, но названия для них не придумали. Нерастворенные в дожде фразы выглядят глупыми и непойманными. Фамилии никогда не присваиваются полностью и все норовят сбежать, особенно у женщин. Женщину тут же ловит другая фамилия, но, не зная ее с детства, не имеет над ней власти, оставаясь только эпитетом, – ответила девочка. – Но иногда мне нравится».

Лезвие Океана вечно пересекается с параграфом суши, разворачивая свою целину наоборот. Чайка пропела, что скоро придет узник и обретет душу. Девочка слушала ее внимательно, но ноги не хотели останавливаться. Стопы окончательно подружились с мокрым песком и теперь напевали ему свои песни.

Спутником оказался медведь. Он пришел из темного леса с несвободной душой. Его уши не слышали музыку ветра, а лапы не контактировали с песком. Его мучила Вечность.

«Любви!» – прохрипел Медведь, обращаясь к девочке.

«У меня нет, – девочка пошарила по карманам платья. – Я всю отдала птицам. Но не переживай, мы найдем еще, если пойдем вместе».

«Все в этом Мире я, и все в нем – не я. Разница лишь в условностях и обеспечении гравитацией. Мир имеет много лбов и лиц, а вот фигуры у всех разные. Кто-то хвостат, а кто-то головаст, – думала девочка. – Иногда вырастают и водоплавающие, – она обернулась. – Но он точно пока не умеет летать».

Сакраментальность была озвучена, и за нее нужно было отвечать. По крайней мере, пока она была маленькой. Ответить могли илимышь, или мирское вождение. Первой они встретили Мышь, которая, тихо попискивая и приседая, привела их к старому храму.

Мраморных апостолов никак нельзя было смешать с тиной, только выкрасить заново. Медведь занялся этим, неловко держа кисть двумя лапами. Было трудно, но апостолы привлекали своей сдержанностью и тазом.

Голуби в храме говорили только стаями. Один начинал фразу, другой подхватывал, иногда третий заканчивал. Но голуби не любят заканчивать, им все едино.

Пандемониум разорвался звездами и упал на Землю. Из него зародилась суша. Осколки звезд из ближайшей речки стали отражениями душ. Вращался Мир, и вращалась Жизнь. Но никто не знал, что по кругу.

«Фантазии богоизбранных никогда не становятся пеплом», – подумал Медведь. Осталось узнать, кто избран и избран ли богом.

Девочка улыбалась, сидя на песке и смотря на крабов.

Она точно знала, что избраны все и сами собой. Поэтому у всего есть души, и для всего есть Путь и Случай.

Осталось только снять шкуру, панцирь и слова, чтобы не мешали дышать. Стать маленькой девочкой.

И твоя Душа проведет тебя по Пути к Случаю, который станет твоей Судьбой.

* * *

Это то, что гонит меня вперед каждый раз, когда все сыпется,
И когда хочется сжаться, спрятаться, убежать,
Развалиться на сотни металлических нитей –
Это то, что заставляет меня покидать кровать.
Удовольствие от прикосновения к сути вещей,
Когда кочерга к кочерге и суть к сути.
И пусть с каждым мигом я становлюсь старей,
Это меня никогда не отпустит.
Назови это силой, огнем, металлом,
Торжествующим божеством, тараканом
воспаленного мозга,
Но я хочу, чтобы ты слышал меня сейчас.
Я взрослая.
Я на самом деле давно взрослая, и я здесь и сейчас.
И я могу быть сразу маленькой и большой,
важной и второстепенной,
ходить строем или покидать строй –
И все это одновременно.
Я могу рисовать камнем и становиться ключом,
Я могу закрывать двери и рождать истории.
Я могу быть могильщиком, палачом, врачом,
Могу быть в реальности, могу быть в теории.
Могу быть нищенкой и вельможей,

Отчаянной могу быть и осторожной.
Потому что я пришла сюда – Быть.
И мне все можно.

ТАТЬЯНА ЛУБНИНА, 1984 г.р., Иркутск

Пишет с подросткового возраста. По образованию гидролог. Учитя играть на барабанах. Напечаталась в двух сборниках прозы и поэзии, где разместила свои стихи и рассказ.

ГРАФОЛОГИЯ

Когда нет мыслей и свободна рука, трачу чернила.

Перпендикуляры, сетки, решётки... Частые, с мелкими зёрнами окошек, народившиеся одно за другим в результате пересечения линий. Космические цветы, нереальные, с длинными пестиками, мясистые лепестки с острыми, как лезвие, краями. Круги один на другом: сбившиеся звенья массивной цепи. Звёзды в брызгах и салют, чёткий, в небрежных нитях. Ветка ели зависла в воздухе, а на ней шар. Бесцветный, с чернильным отблеском, падающим неизвестно откуда.

Обратилась к печатным изданиям по графологии. Выяснилось, что я очень романтичный, но несколько нервный и совершенно беспомощный зверь, загнанный в клетку, который пусть и склонен к полёту мысли, зато занимается не тем, чем надо было бы, и терпит себя в силу обстоятельств. Кроме этого, зверюга предпочитает находиться «вне игры», хотя своим шармом может добиться всего, чего хочет, правда, расходует нерастраченную энергию на бессознательное рисование каракуль.

* * *

Прогретый мартовским солнцем воздух полудня топит окна, и даже стены текут, зато ночью в щели кусается морозным клещом.

А весна – это когда утром одна большая лужа, хотя вчера было две маленьких и те в разных дворах.

Утром ноги двигаются, словно в танце, подстраиваясь под беззвучный ритм, неровный и непредсказуемый, когда от неожиданности шапка слетает. Гололёд...

А весна – это когда поскользнулся и обрызгал соседа.

Во дворе скелет снежной горки – внутри растаяла, сверху застыла, залилась мутной глазурью.

А весна – это когда жижа грязная, а не ледяное крошево.

Воздух лёгкий, но скрипучий, весь стянутый, как средневековый воротник.

А весна – это когда куртка распахнута, чтоб дышать не мешала. И голова дурная – шапка на затылке.

Небо серое, как в дымке, словно замытый линолеум в поликлинике.

А весна – это когда лицо рыжеет по брови, и губы пухнут от ветра. Весна буксует: шаг вперед, два шага назад.

Критика и литературоведение

СВЕТЛАНА ШЕРГИНА, 1989 г.р., Иркутск

МАРИНА НОЖНИНА – МЕЧТАТЕЛЬ И ТВОРЕЦ

Творческие работы художника и поэта Марины Ножниной представлены в разных видах искусства – это живопись, графика, декоративно-прикладное, еще и выполнены в разнообразных жанрах и техниках. Что нам может говорить не только о том, что автор универсальный художник, но и находится в постоянном поиске – в динамике и саморазвитии.

Творческий человек, сам того не подозревая, открывает для себя всё новые и новые степени свободы, а также через своё творчество даёт возможность зрителю погрузиться в этот поистине волшебный мир, ведь, когда мы смотрим на картину, то как бы «считываем» с неё информацию. Но язык художника – его картины, а значит, и техника, и цветовая гамма, и структура, и композиция, и сюжет, который порой столь сложен и разнообразен, что понять его способен далеко не каждый с первого взгляда. Рассматривая изображение, мы полагаемся лишь на свою интуицию, свое видение сюжета, свой жизненный опыт и накопленные знания.

Акварельный лист «Тишина» можно сказать с «портретным» изображением окна со стороны улицы очень легкий, но при этом детальный: точно переданы тон, текстура дерева, да так, что ощущается его тепло. Белый тюль и шторочка со складками, цветочный горшок, как в деревне у бабушки, знаете, сразу невольно возвращают в детство, и хочется дальше смотреть в окно, и, возможно, вот-вот выглянет бабуля и позовет пить парное молоко.

Если более подробно остановиться на графическом листе «Ветер за моим окном», выполненном в смешанной технике, то сразу можем сказать, что это не фотографическое отражение реальности, здесь речь идет больше об абстракциях, собирательном образе. Стоит отметить, что в данном случае именно название работы нас направляет в путешествие среди графических пятен и штрихов. Композиционным центром – тем, что первым бросается в глаза, – на мой взгляд, является окно, из которого уже на порывах ветра идёт движение – развивается штора и даже ощущение холода. Но тут же в противовес мы можем увидеть статичный силуэт

кота, который успокаивает и привносит умиротворение, и тот ветер уже не так страшен.

Живописная работа «Цветы», осеннее настроение которой подчёркивает колорит и легкость письма. Огненный жёлтый, оранжевый, красный контрастируют с не менее яркими холодными оттенками синего и фиолетового, привнося в работу игру цветовых пятен для достижения наивысшей гармонии. Эта работа выполнена с помощью мастихина, что придаёт работе некую условность, нет реалистичности и детализации, но автор сумел передать общее содержание работы, все элементы прочитываются и складываются в единую композицию.

Среди работ Марины есть не только картины, но и работы декоративно-прикладного искусства, а именно очень интересные повествовательные куклы. Например, кукла «Мечтатель» прекрасно, как мне кажется, характеризует самого автора. Вот он такой, знаете, выдумщик, затейник, излучает всем своим видом полёт мыслей и творческую атмосферу. И неслучайно, думаю, автор утрирует пропорциональные соотношения во всей композиции: книга, бутылёк с чернилами и это перо, оно такое большое по отношению к такому утончённому творцу – это как рассказ о том, что в стране мечтателей, возможно всё и то, чего вовсе быть не может. И ведь это снова тема свободы творчества: мечтатель ничем не ограничен, так и творческий человек стремится выйти за рамки. Таким образом, творчество подразумевает создание чего-то нового, внесение в мир уникального, ранее не существовавшего.

В целом, работы Марины – очень яркий пример того, как автор хочет выразить своим творчеством как можно больше, найти новые способы выражения собственного миропонимания, своего видения окружающей действительности, смыслы, всё то, что сложно передать словами – это нужно увидеть и ощутить.

Светлана Шергина, график, член молодежного объединения ИРО ВТОО СХ России и творческого объединения «Красный квадрат»

ЛЮБОВЬ ГОЛОВИНА, 1984 г.р., Иркутск

СТИХИ-ЭЛЕКТРИЧКА, УВОЗЯЩАЯ К ПЕРВОИСТОКАМ... О СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АРТЁМА МОРСА «ЧТО МУЗЫКА»

В конце 2020 года вышла новая книга стихов иркутского поэта Артёма Морса. У автора она уже третья. Первая – «Из этого темнеющего сада» – была опубликована в 2006 году, вторая – «Другими словами» – в 2014-ом. И вот наконец после шестилетнего перерыва благодаря издательству «Воймега» увидел свет сборник под названием «Что музыка»...

Автор много размышляет на классические темы, которые тревожат писателей из века в век: о времени и пространстве, о жизни и смерти, о поэзии и об искусстве в целом. Однако на всё это у Артёма Морса есть свой собственный взгляд, незамутнённый, оригинальный и незаезженный. И последнее слово здесь вполне уместно, ибо сам поэт не чурается в своих текстах просторечий, жаргона и всего того, что составляет язык улиц:

*как хоронили не помню
а когда поминали
дядя и говорит тихонько
ты чо сюда жрать пришёл?
а потом с добродушной улыбкой
да кушай кушай шучу
и вытер руки о штору*

Поэтический язык Морса – это тягучая и плотная, как лава, субстанция. Это поток слов, выхваченных из разных культурных и даже не всегда культурных слоёв. Но если читатель ткнёт трекинговой палкой в этот поток, то узнает, что он, как и лава, твёрдая: всё здесь сцеплено и зацементировано, и никакое слово нельзя изъять, ибо оно на своём месте. И как здесь не вспомнить Пушкина, который во времена существования трёх штилей в литературе первым осмелился смешать высокий и низкий слог, торжественное и просторечное?

Сейчас, спустя почти двести лет как на смену штилям пришёл единый литературный язык, вновь можно услышать мнение, что не все слова достойны стать поэзией. Для тех, кто убеждён, что это не так, творчество Морса станет приятным открытием, которое докажет, что важен не столько сам материал, сколько умение с ним работать и делать из него искусство. Тем же, кто убеждён, что не стоит смешивать высокое и низкое, читать стихи Морса крайне рекомендуется. Возможно, эти люди изменят своё мнение и удостоверятся, что в поэзии важна в первую очередь му-

зыка (не зря ведь и сборник носит такое название). А её можно извлекать и из сложноорганизованных инструментов, и из обычной бутылки. Всё зависит лишь от мастерства и вкуса играющего.

Артём Морс не гнушается никаких речевых регистров, а как профессионал работает со словом, каким бы оно ни было. Ахматовские строчки «когда б вы знали, из какого сора растут стихи» давно признаны аксиомой. Ведь если слово существует, значит, кто-то вдохнул в него жизнь, и оно тоже способно стать частью поэтического языка. В творчестве Морса такие слова появляются не ради эпатажа: они органичны самому тексту, они живут в заданных автором правилах и плотно сидят в использованном им хронотопе:

*Сначала зима была какая-то стрёмная,
Потом весну взяли и отобрали,
Летом вообще хрен его знает что будет,
Да и осенью не факт что наладится.*

И этому по Станисловскому веришь, как хорошей актёрской игре. Да что там веришь: узнаёшь себя в период карантина и понимаешь, что сам именно так бы и описал происходившее. Суровая поэзия реальности, без реверансов и прикрас. Автор говорит языком своих героев, не впадая в пафос или официоз. Не нужно быть сложным, чтобы говорить о глубине человеческих отношений и чувств. И вот уже «что-то типа», «отборная дурь», «стрёмный» и «припёрлись» совсем не выглядят чужеродными. Да, они, как приправа, не каждому придутся по вкусу. Но это всего лишь дело вкуса, а не проблема кулинарии. И это вовсе не означает, что так нельзя готовить стихи, что в поэзии табуированы телефонные фразы («В автобусе») или рекламные тексты («Расширяю бизнес»).

*«Не знаю, как дойду до дому,
устала, больше не могу», –
говорит она в трубку,
даже не осознавая, что начинает моё стихотворение.*

Подобно взгляду фотографа, видящему прекрасное в том, мимо чего остальные проходят, ухо поэта слышит музыкальность во фразах, которые обыватель считает словесным мусором и откровенным спамом. А вот читаешь Морса и понимаешь, что в этом действительно есть особый завораживающий ритм:

*Если вы находитесь в поиске
дополнительного дохода,
не бросая то,*

*чем сейчас занимаетесь,
или в декретном отпуске
и открыты
к новым возможностям
и знаниям,
то моё предложение для вас!*

Поэт транслирует убеждение, что всё уже было, всё уже не ново, «а слова теряют смысл, если их повторять» («На репите»). В этом он созвучен философии постструктуралистов. Принцип деконструкции, выдвинутый идеологом течения Жаком Дерридой, сводился к тезису, что любой текст создаётся на основе других, предшествовавших ему, а значит, по природе своей вторичен. Морс следует тем же представлениям, и «поскольку всё когда-либо произнесённое вслух уже не является новостью», то поэт призывает лучше помолчать («Кроме всего вышесказанного»). Именно эта мысль объясняет нам, зачем автор каждый раз снова и снова изобретает новояз, ищет новые слова для выражения своих чувств и мировоззрения: раз нельзя сказать ничего нового, то хотя бы возможно изобрести иной способ говорения и выражения мыслей. «Ведь просто «нету языка, чтобы сказать наверняка, куда течёт река. Куда и где остаться нам».

Артём Морс использует большую палитру слов, пытаясь каждый раз воссоздавать язык заново. Он действует, как учёный-этимолог, разрушая всё до кирпичиков и заново отстраивая текст, буквально по слогам:

*Разложим этот шум на составные части,
Расслышим отделим простые голоса:
кузнечика тик-так, звук комариной страсти,
жучиное жу-жу, стрекозкино за-за.*

Автор экспериментирует не только со словом, но и с размером, и с рифмой. В сборнике вы не встретите сходных по звучанию текстов. Каждый обладает своей особой мелодикой и темпоритмом. Есть среди них и классические рифмованные стихи, есть и верлибры, или так называемые стихотворения в прозе, от которой их мало что отличает. Кроме разбивки на строки и той самой музыки, которая чувствуется в тексте исподволь.

*Боже, какого чёрта?!
Что за дурацкие шутки?!
Зачем ты заполнил целый город
тем, кого нет и не может быть?
Ни окликнуть, ни догнать, ни спросить...*

В стихах Морса всё о жизни, даже когда о безысходности, даже

когда о смерти: «потому что всё впереди, потому что времени нет». Неслучайно произведение «Похороны (учёт покойников)» заканчивается фразой «продолжение следует...», а от умершего журналиста внезапно начинают приходить ответные письма. Герой даже не готов сопротивляться смерти и в одном из стихотворений дарит жене на стальную свадьбу нож.

Именно поэтому во многих текстах мы видим кольцевую композицию, что подчёркивает цикличность всего сущего: умирают люди, дом сносят, но вновь рождает утроба-мать-земля, взрослое животное входит в холодную воду и в конце стихотворения выходит мокрое из воды, жизнь плавно переходит в смерть, которая есть всего лишь иная жизнь, а сам переход – точка совпадения.

В поэтическом мире Артёма Морса бытовое и низменное прекрасно уживается с философским и возвышенным. (И это также характерно для философии постструктурализма, в которой исчезает противопоставление массового и элитарного в культуре). Более того, часто поэт намеренно их сближает, чтобы передать оттенки своих ощущений:

*Купил футболку, потому что похожа на белый шум:
непроходимые помехи неработающего телевизора.
Ношу с гордостью и затаённой усмешкой –
как метафору моего внутреннего состояния.
Не принимаю сигнал.
Ничего не вижу.
Ничего не слышу.
Ничего никому не скажу.*

Вещный мир оказывается для поэта подспорьем и при обрисовке нематериального мира, дольний мир смешивается с горним в самом неожиданным сочетании. И вот мы видим, как:

*Ангелы божии
на полустанке небесном
в ожидании электрички
пьют вино из высоких бокалов.*

Подобное смешение ничтожного, телесного, и духовного, возвышенного, – одна из характерных особенностей поэзии Морса. Вот автор берёт классический христианский образ рыбы, которая «знает тайну смерти», и помещает её в вещный мир – в тарелку лирического героя:

*У неё вместо сердца
бьётся чистая душа.
Ты её съедаешь с перцем,
а она жива.*

В текстах Морса всюду жизнь, и автору интересно проследить её истоки и задаться вопросом: «Почему земля продолжает рожать несносных, бестолковых, непослушных своих детей?» И тут же он получает ответ, поражающий своей простотой и не терпящий возражений.

*За столько лет они не изменились
и ничего не поняли. Зачем
ты продолжаешь это?
– Чтобы жить.
Страдание не повод для отказа.*

Именно темой жизни обусловлены и постоянные растительные образы – леса и деревьев. Лес предстаёт и сказочным, и зловещим. Он может быть даже враждебным, если не стать его частью, не вернуться к своим первобытным корням:

*Так, растворясь в ночном кошмаре,
Не видя выхода в другом,
Мы населением леса стали:
Кто мхом, кто птицей, кто кротом...
Нас обняла навек природа,
нас проглотил могучий лес.
И вдруг мы поняли: свобода
на свете есть.*

За философией автора следить любопытно, потому что он не даёт однозначных ответов, а призывает читателя к размышлению, сораздумьям. Но, наверное, самое важное, что делает поэзию Морса близкой лично мне, – это выбор героя. В центре внимания автора «можешь быть ты, или он, или я». Это «мятый ненужный скомканный комнатный человек», который ездит в городских автобусах, а иногда, почуяв танец в степи и увлекаемый этим чувством, садится на поезд, чтобы ощутить время большой свободы и огромной любви. Причём станцию, где такое можно испытать, поэт называет вполне конкретно. И если вы хотите узнать это место, а также пробудить внутри себя музыку, то книга стихотворений Артёма Морса вам обязательно в этом поможет.

ВПАДАЯ В БАЙКАЛ, РАЗЖИГАТЬ ИНТЕРЕС К ДЕТАЛЯМ
О КНИГЕ НАДЕЖДЫ ЯРЫГИНОЙ «СЛУЧИЛОСЬ НЕЧТО...»

Надежды Ярыгиной уже нет с нами. Прикасаясь к её второй и последней прижизненной книге, хочется вновь услышать задорные нотки её голоса и в очередной раз посмотреть на мир её глазами.

Поэзия Надежды Ярыгиной всегда была особенной: ироничной, неограниченной, жизнерадостной и... неправильной. Эта «неправильность» ставила в тупик, не позволяла относиться всерьёз, заигрывала с читателем, пленяла редакторов и ревнивых профессиональных поэтов. Большое, как известно, видится на расстоянии. Наверное, пришло время высказать некоторую мысль по поводу книги «Случилось нечто...», чтоб увидеть корни этой «неправильности» и разобраться, а был ли, собственно, мальчик. Постараемся (не надеясь на абсолютность) осмыслить такое явление как поэзия Надежды Ярыгиной. В том, что эта поэзия представляет собой явление (или особый феномен), сомневаться не приходится.

Стихотворения Надежды Ярыгиной крайне специфичны, они произрастают не столько из литературной традиции (здесь сложно найти хоть кого-нибудь похожего), сколько из изобразительного искусства. Надежда Ярыгина – прежде всего художник, дизайнер, то есть создатель видимого, а подчас и тактильного искусства, принципы которых она использовала и в своей поэзии. Здесь-то и кроется та самая «неправильность». Каждое её стихотворение – это картина, написанная акварелью, коллаж, инкрустированный мутными «обмылками» стекляшек и байкальской галькой, панно или вязаный шарф.

Наперекор Лессингу (а может быть, по-своему соответствуя), разграничившему принципы художественного изображения, Надежда Ярыгина перенесла одно в другое и создала беспрецедентную стилистику, используя видимые, яркие образы, обладающие цветом, ароматом, вкусом, движением. Поэзия Надежды Ярыгиной, пользуясь свободой изображения словесного творчества, максимально вещественна.

Начав с вполне традиционной поэзии, Надежда Ярыгина вскоре поняла, что рамки традиционного стихосложения – та же клетка для птицы, а потому ушла в верлибр. «Случилось нечто...» как раз и представляет собою сборник верлибров.

Название книги говорит само за себя. «Случилось нечто...» – короткое, интригующее заглавие. Оно, словно надводная часть айсберга, скрывающая в пучине человеческого сознания куда большее, чем кажется.

Слово «случилось» заявляет о самостоятельности случая, об отсутствии субъекта, а значит о самоценности и правильности «случившегося». «Нечто» выражает невозможность определения «случившегося», его невыразимость словами, священную торжественность и благоговение перед случаем (а из случаев, как мы понимаем, и состоит жизнь). Таким образом, можно говорить о благоговении и торжественности каждого мгновения, о безмерной благодарности жизни за самоё себя (первое же стихотворение сборника, кстати, давшее ему название, даёт самый яркий пример этого «нечто» – рождение). Многоточие же – не обрывает фразу, а лишь обозначает невозможность завершения, бесконечность смысла. Заголовок – не посыл в космос, но – отражение космоса в ограниченном языке.

Ограничения языка Надежда Ярыгина преодолевает через овеществление поэзии. Парадоксально, но невозможность определения через слово заменяется возможностью слова влиять на сознание, передавать ощущения, свойственные визуальным видам искусства. Кстати, поэтика Надежды Ярыгиной не сводится только к словесному изображению: важными составляющими книги являются авторские «каллиграффити» (рисунки-надписи) – так оформлен заголовок и несколько коротких стихотворений, причём рисунок дублирует стандартно отпечатанный текст.

Вследствие визуализации стихи Надежды Ярыгиной полны деталей, штрихов, характерных не для усердного художника-копииста реальности, а для художника, выражающего суть предмета в образе. Любовь к деталям – отличительная черта поэзии Надежды Ярыгиной: её стихи то размыты как полотна импрессионистов:

*Начинается всё с банального нарциссизма,
после чего получается приболеть то ландышизмом, то тюльпан-
низмом.*

то фокусируются на конкретном предмете, словно выхватывая его из тумана и оживляя:

*Июнь – конкурс на самые белые ноги.
Июль – конкурс на самый красный шелушащийся нос.
Август – на самый синий от черники язык.*

то собирают в гомонящий калейдоскоп несколько образов:

*Прижились-примелькались среди птиц-стрекоз-мотыльков.
Прикупались-принырялись в Байкале.
Приворожились-приласкались к звёздному небу.*

Надежда Ярыгина видит в каждом предмете реальности душу, «нечто», явление «случая», загадку. Через предмет просвечивает «нечто»:

то, что неназываемо. Каким же способом достигается подобный эффект? Отметим три способа, особенно любимые автором – объединение индивидуальных конкретностей в группы (птиц, цветов, камушков):

*думала листопад
а это рыжие бабочки
не налетались*

абстрагирование:

*надежда, я вера
надо встретиться
поговорить о любви*

наблюдение за движением в природе:

*Впадая в Байкал, мурлычет речка Котинка –
она родилась в горах и вприпрыжку бежит
через рыбацкий посёлок Большие Коты.*

или:

*Прилетают дикие гуси – их не слышно и не видно:
спокойно брачуются-гнездуются в укромных лугах-водоёмах.*

Последнее является созерцанием-чувствованием живой, «движущейся» природы. Мир не пассивен, мир деятелен, а человек лишь наблюдатель-созерцатель «случая» и, вместе с тем, его же результат. Чувствуется интимное и деликатное отношение автора к написанным образам. Общая невыразимость иллюстрирует спаенность мира, его неразделимость на составные части, единство и красоту получающейся картины:

*От осеннего равноденствия до весеннего
От зимнего солнцестояния до летнего
Круговорот красоты в природе*

Но кроме ограниченности слово обладает и своими характерными возможностями, Надежда Ярыгина их тоже использует. Например, автор играет словами, но играет как художник, а не филолог, что позволяет читателю увидеть обыденные вещи под совершенно удивительным ракурсом:

*Белокурых детей находят в белокочанной капусте,
рыжих – в краснокочанной.*

Стоит упомянуть и о фонетической стороне поэзии, которая у Надежды Ярыгиной также оригинальна. Довольно часто звуковая оболочка слова выражает в стихах разные оттенки иронии:

*зачем ты так милая птичка
в парке гуляют люди
в парке нет туалетов
а ты щебечешь писк-писк писк-писк*

или

*Пойдешь направо – дети-художники:
когда рисуют собор, называют его «церквуха».*

и даже так:

*...Ей после наркоза кажется,
что она девочка, и к ней обращаются не «бабуся», а «Дуся»...*

Конечно, этим не исчерпывается поэтика Надежды Ярыгиной (не говоря уж о тематическом разнообразии), но красной нитью чрез всё «Случилось нечто...» проходит твёрдая уверенность автора: главное – уметь, «впадая в Байкал», «разжигать интерес к деталям». И с этим нельзя не согласиться.

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВ, 1981 г.р., Ербогачён

ДВА ВЗГЛЯДА НА БАЙКАЛ

НОВАТОРСКИЕ ПРИЕМЫ В ПОЭЗИИ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

В поэзии Максима Живетьева явно проскальзывают народные и эпические мотивы на фоне описания живой природы Байкала. Его любовь к озеру и местным красотам хорошо выражена в двух стихотворениях «Марал» («Большие Коты») и «Я уезжаю на Байкал». Здесь автором использованы не только яркие образы, но и стопа пеан с ударением на четвёртом слоге, что придаёт обоим стихам чеканность и в то же время напевность, как в старинных легендах или песнях.

Подобный ритм позволяет легко и стройно вести повествование, одновременно придавая тексту плавность и протяжность даже при короткой длине строки. Такие стихи хочется не просто читать, а петь, они отзываются в душе каждого, кто их видит и слышит.

Явная афористичность образов «Марала» побуждает читателя и особенно слушателя к тому, чтобы мысленно перенестись в отдалённое прошлое, узреть во всей первобытной силе древнего хозяина байкальских лесов: красавца-марала, который, словно дух-хранитель, продолжает из века в век стеречь заповедный край:

*И прежде, сотни лет назад,
На юрты устремив свой взгляд,
Стоял король лесов марал –
Рогами небо подпирал.*

Его монолитная фигура как бы олицетворяет собой саму природу, незыблемо возвышающуюся над всеми постройками, возведёнными людьми, в гордыне своей возомнившими себя владыками всех окрестных земель.

В противовес этому стихотворению «Я уезжаю на Байкал» не противопоставляет человека и природу, наоборот, поездка на Байкал мнится автору спасительным решением, способным сбросить гнёт проблем и шелуху усталости, прикоснуться к первозданности и чистоте этого прекрасного уголка мира.

И здесь в литой поначалу ритм четвёртого пеана вкрапляются две чуть более длинные строки, дополненные безударным слогом, что придаёт им протяжность и упругость, тем самым сосредотачивая внимание читателя именно на них. Таким путём автор хочет показать своё отношение к богатству животного мира Байкала, многообразию и красоте его долин:

*Там серна робкая живёт,
Олень изнеженный пасётся.
И рысь упругая крадётся
По ветке вековой сосны,
В преддверье ласковой весны.*

Настроение автора передаётся не только образами, но и самим перекликиванием строк между собой, подключается не только зрительное, но и слуховое восприятие:

*С сосулек тикает вода,
Но лед вокруг – и холода.*

Это даёт более объёмное представление о том, что хочет донести Максим Живетьев об обуревающих его чувствах и эмоциях.

Такое разнообразие подачи темы показывает сформировавшееся мировосприятие автора, умение актуализировать собственные мысли и проникнуть в глубину души читателей и слушателей.

ЕЛЕНА ЖДАНОВА, 1982 г.р., Иркутск

ОТТЕНКИ ВЛАСТИ

*Рецензия на спектакль Иркутского академического
драматического театра им. Н.П.Охлопкова «Лев зимой»*

Режиссёр-постановщик: засл. арт. России Геннадий Гуцин

Весной 2021 года в Иркутском академическом драматическом театре им.Н.П.Охлопкова состоялась премьера спектакля «Лев зимой» по пьесе американского драматурга и сценариста Джеймса Голдмена.

«Лев зимой» принёс Голдмену наибольшую славу. За постановку исторической пьесы в 1966 году взялся бродвейский театр «Амбассадор». После ошеломительного успеха на Бродвее её решил экранизировать режиссёр Энтони Харви. Он пригласил драматурга в соавторы и снял костюмированную драму в интерьерах старой доброй Англии. Как сценарист кинокартины Джеймс Голдмен получил премию Оскар за «Лучший сценарий-адаптацию».

Иркутский драмтеатр к пьесе американского классика обратился впервые. Роль Генриха II Плантагенета исполнил режиссёр постановки Геннадий Гуцин, а роль аквитанской львицы должна была сыграть Елена Мазуренко, но за две недели до премьеры в спектакль ввели актрису Марину Елину.

Над сценографией работали художник Виктор Никоненко с дочерью Иларией. Илария создала костюмы, в которых преобладают серые, синие, чёрные, красные ткани, а Виктор, лауреат премии «Золотая маска», выстроил декорацию замка в виде башен-клеток, которые затянуты лёгкой как дымка вуалью.

По краям авансцены выставлены ростовые фигуры-подиумы. К левой прицеплен огромный, почти ростом с фигуру, меч. На правой закреплены два небольших клинка. Левый – королевский меч Генри, два других олицетворяют сыновей Ричарда и Джона, между которыми развернулась борьба за обладание английской короной.

В глубине сцены – трон в виде руки. Он делит пространство надвое. Трон установлен на небольшом поворотном круге, который претенденты на престол вращают в разных направлениях, наглядно демонстрируя шаткость престолонаследования. Генрих хочет укрепить империю, поэтому много лет назад заключил с французским королём брачный договор, по которому их дети должны вступить в династический брак. Генрих настаивает, чтобы французская принцесса вышла за Джона; Элинор

же хочет выдать её замуж за Ричарда. Кто из сыновей берёт верх, тот и поворачивает трон. Над троном возвышается гравюра Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол».

Противостояние между членами семьи нарастает от сцены к сцене. Откровенность диалогов обличает зыбкое положение, в котором находится каждая из заинтересованных сторон. С каждой башни-клетки по очереди срывают покрывающую их вуаль. Срывание покровов усиливает драматизм зрелища, в котором «прозрачность» ткани становится символом «откровенности» героев. Ткань-хамелеон в зависимости от света рампы меняет цвет от матово-серого до иссиня-чёрного оттенка. Свет зеркально отражает страсти, которыми охвачены герои. Художник по свету Сергей Скорнецкий, лауреат «Золотой маски», с помощью световых эффектов обогатил психологические портреты героев. Честолюбие, отчаяние, надежды, ненависть, кротость, гнев окрашены в металлические оттенки белого, бронзового, которые сменяют красно-багровые блики, постепенно гаснущие до зияющей черноты сцены. После небольшой паузы свет рампы вновь окрашивает пространство в кроваво-пурпурные, терракотовые, сине-матовые, серые оттенки. Каждый цветовой всплеск увязан с лицом, тембром, пластикой актёра.

Цветовое решение, в котором выдержаны сценография и костюмы, определяют температуру всего спектакля – англо-нормандская стужа, ненастье, порождённое враждой внутри дома.

«...мне думалось, – делится своими соображениями Геннадий Гущин, – что это волчья стая. Старый волк уже теряет хватку, и молодые волки готовы на него наброситься и вцепиться ему в бок. Вот такие ощущения. Поэтому мы строили мизансцены таким образом, чтобы они стояли стайкой, которая ждёт момента впитаться ему в глотку...»

Вцепиться в глотку по праву силы. Немаловажным символом спектакля становится бордовое полотно, отождествляющее власть. Оно служит покрывалом, мантией, дорожкой к трону, плащом. По очереди в ткань кровавого цвета заворачивают Элис, Ричарда, Генри, Элинора, им покрывают пьедестал трона, его вешают на меч Генри, его перетягивают между собой Генри и Ричард. Власть и страсть прочно связаны узами брака, которым все манипулируют, и от убийства в финале удерживает только любовь. Так любит ли Элинора Генриха?

«Любит, – уверена артистка Марина Елина, сыгравшая роль Элинора, жены Генри, – пусть она неоднозначная фигура, но для меня было важно протянуть в роли линию любви. Пусть это любовь-ненависть, но эти чувства сосредоточены в одних и тех же людях. Они не могут жить друг без друга, они не могут жить друг с другом. Любовь к Генри у неё

больше, чем к детям, поэтому у принцев такие характеры. Самый любимый сын у неё, конечно, Ричард. Она вложила в него всё, чего лишены другие дети. Может быть, она ждёт от него больше поддержки, больше любви...»

Игру Марины Елиной отличает сдержанность в проявлении чувств и неторопливость в движениях. Плавность шагов, царственная осанка, покровительственная манера держаться демонстрируют масштаб влияния королевы на судьбы европейских домов. В отношениях с мужем и сыновьями Элинора руководствуется амбициями в битве за престол, что деформирует её чувства и оказывает влияние на её поступки. На протяжении спектакля актриса три раза меняет кулоны, которые носит королева. В первой сцене она появляется с зелёным камнем, который в ключевых сценах открытого столкновения с мужем заменит кулон с красным камнем.

«...мы пытались проанализировать и донести до зрителя линию, что они все недолюбленные, – отмечает Геннадий Гущин. – Дети брошены, никому не нужны, поэтому возникает вопрос «меня не любили, почему, какие они, родители?» У Элинора и Генри тоже своя беда: любовь-ненависть, довольно страшный оттенок любви, который встречается в жизни...»

Жена, поднявшая мятеж против мужа, сыновья, погрязшие в интригах против отца, любовница, которая борется за своё право на Генри, и французский король, мечтающий поквитаться за отца – собираются в канун Рождества под одной крышей, чтобы выслушать, кого Генрих назначит наследником трона. Так это история о проблемах престолонаследия или запутанных взаимоотношениях в семье?

«...как мне кажется, в первую очередь это история о семье, в которой происходит и хорошее, и плохое, и конфликты, и радости. Всё как у нас, простых людей, просто на другом уровне, – говорит артист Сергей Дубянский, сыгравший роль Джона, младшего сына. – Джон избалованный ребёнок, который любит себя, родителей, братьев, власть, и всё, что его окружает. Он искренне верит, что он папин любимец и что станет королём. Когда он понимает, что ничего, как прежде, уже не будет, ему приходится полностью переосмысливать свою жизнь...»

Сергей Дубянский играет суетливого, слабого, мятущегося между отцом и братьями принца, который всем мешает и постоянно попадает в неловкое положение из-за собственной недалёковидности. Пятый сын Генриха и Элинора самонадеян, а политический азарт искажает его восприятие реальности. Бледно-голубые и серые цвета костюма подчёркивают мягкотелость принца.

«...поскольку театр занимается человеком, мы ищем мотивы, которыми руководствуются люди, – размышляет Геннадий Гущин. – В человеке намешано хорошее и плохое – что ты в себе возрастишь, то из тебя и выйдет...»

Лейтмотивом пьесы Голдмена является властолюбие, которое воплощено в Генрихе. Он не просто собирает земли под властью английской короны, он мечтает оставить преемника, крепко стоящего на его позициях. Правление Генриха как сжатая пружина накапливает в себе внутренние противоречия, а отцовская выучка делает сыновей врагами, поскольку он поощряет в них жесткость и склонность к интригам, считая, что это поможет сохранить трон Джону. Ум, жаждущий власти как хлеба, застревает в клетке честолюбия и становится близоруким.

К финалу манипуляции Генриха приводят его к разрыву с сыновьями. Элис, сполна испытавшая на себе нрав короля, пытается влиять на его решения. Непосредственность молодости и бессердечие молодой принцессы Дарья Горбунова передаёт через легкость движений, грациозность, чувственность и кровожадность, которая просыпается в ней при первой надежде выйти замуж за Генри. Пользуясь положением фаворитки, она стравливает между собой отца с сыновьями.

«...вот, к примеру, финальная сцена, – рассуждает о человеческой природе Геннадий Гущин, – когда король думал, что сможет казнить сына. Но мы до конца никогда не знаем, на что способны. Мы можем фантазировать, смоделировать в голове ситуацию, а в последнюю секунду в нас просыпается... Мы не знаем, почему так поступаем, и не можем, к примеру, убить. Я финал немного изменил. Пусть будет Воскрешение. Как театр мы обязаны оставить зрителям надежду...»

Элинора, обладая невероятным присутствием духа и незаурядными способностями, смягчает гнев короля. Соперничество между женщинами за власть над королём заканчивается ничем. В финале Элинора и Элис держат свечи, неяркий свет которых не сможет разогнать мрак вокруг, но способен осветить путь каждой из них.

«...если вы обратите внимание на мои спектакли, вы увидите, что для меня женщина – это святое создание, – подытоживает режиссёр, – так я отношусь и к маме, и к жене, и к дочери, и к своим актрисам, с которыми работаю. Элеонору можно оправдать любовью к Генри. В финале она, несмотря на все войны с мужем, поддерживает его, чем возвращает Генри к жизни. Это судьба женщины – быть для мужа последней опорой. У Элис ситуация сложнее. Мы в общем-то так и оставили её в этой тюрьме со свечкой, потому что она – жертва. И это тоже судьба женщины: быть и оставаться жертвой...»

Плантагенеты, испытывая предел своей силы, останавливаются на краю пропасти, за которой маячит столетняя война. А всадник с гравюры Дюрера движется, не оглядываясь, от тьмы к свету.

НАЗИРА СУХИХ, 2 курс магистратуры ИФИЯМ ИГУ

ЧТОБЫ ЖИТЬ

О скульптуре Альберто Джакометти «Шагающий человек»

Скульптура Альберто Джакометти «Шагающий человек» была создана в 1961 г., и ей предшествовали послевоенные работы автора с изображением идущего человека. Скульптура представляет собой неестественно тонкого, вытянутого человека, замершего в шаге. Его облик поражает: человек будто обугленный. Будто только что выбрался из ужасного пожара. Возможно, пожар – метафора страшной Второй мировой войны, унесшей множество жизней. А обугленный человек – символ послевоенной жизни. То время, когда потерявшие близких, забывшие о радостях мирного времени люди учились жить. На обугленной от бомбежек земле, рядом с разрушенными домами, школами и больницами они открывали новую страницу жизни.

У человека заметны выступающие ребра. Он смертельно худой. И появляется ощущение, что это чудом уцелевший узник фашистского концлагеря. Так в скульптуре итальянца Джакометти открываются экзистенциальные мотивы. Человек, преодолевший страшные препятствия на своем пути, упорно идет к видимой только ему цели. Он одинок, но он

– центр вселенной – противостоит ударам судьбы. Можно только догадываться, с какими трудностями столкнулся он в жизни. Как ни уродливо его тело, душа его жива. Человеком движет желание бороться, не сдаваться. Поза и тело изображенного говорят об этом. И руки не висят безвольно вдоль тела: в них чувствуется напряжение, они помогают идти – жить.

Неестественно тонкая фигура шагающего – признак того, что человек не защищен, что он слаб рядом с силами природы, истории, обстоятельств. Но человек продолжает двигаться. Можно вспомнить утверждение «движение – жизнь». Человек шагает, идет навстречу будущему. Выражение лица уверенное: он знает, что будущее настанет. Позой, застывшей в шаге, герой Альберто Джакометти подает пример миру, побуждает людей не останавливаться, развиваться.

Вытянутая тонкая фигура ассоциируется с деревом. Человек тянется вверх – к небу, стремится преодолеть земные проблемы, которые обуглили его, старались сломить. Внизу скульптуры плоскость прямоугольной формы, на которой замер шаг. Это – земля, и человек прочно стоит на ней массивными, по сравнению с остальными частями тела, ступнями. Он черпает силы от земли, и он – ее часть. На такие мысли наводит тот факт, что человек и плоскость сделаны из одного материала – бронзы. Они одно целое.

Но возникает и противоположное чувство. Человек идет не вперед, а назад. Словно его сегодняшний вид – это настоящее, истинная суть человека. И он ценою потерь и страданий избавился от ненужного, страшного, и теперь смотрит и двигается назад, к началу своего пути, туда, где еще не было совершено так много ошибок ни им, ни человечеством. А может, этот человек не реален, он – здесь и не здесь, торопится в прошлое, чтобы предупредить самого себя, спасти от бед и неверного выбора.

Появляется и другое чувство. Будто изображенный человек живет на свете долго-долго и много-много чего видел. Словно он прошагал несколько тысячелетий, преодолел пространство и время. И, наконец, явился миру, рассказывая свою непростую историю. Цветовое решение в этом случае кажется логичным: словно пыль тысячелетий окутала героя, слилась с ним, и, в конце концов, стала его частью. Интересно, что в зависимости от освещения скульптура приобретает тот или иной оттенок, от темно-серого пыльного до темно-зеленого болотистого. Может быть, герой с трудом выбирается из трясины жизни?

Если представить, что человек в скульптуре – олицетворение развития искусства, то возникает еще одно понимание образа. Умиравшее искусство восстает из пепла, подобно загадочной птице феникс. Хотел ли автор сказать, что искусство не умрет, а если умрет, то возродится?

Яркая индивидуальность героя Альберто Джакометти «Шагающий человек» свидетельствует о необычных формах и идеях, хранящих многие смыслы. На смену классической скульптуре приходит новая эпоха с ее непохожестью, оригинальностью, переосмыслением старого, в котором открывает новое.

На работу Альберто Джакометти можно долго смотреть, пристально изучая шагающего человека. Сопереживать ему, приближаясь к пониманию этого художественного мира. Образ человека в скульптуре воплощает одновременно хрупкость и силу, способность преодолеть немислимые страдания и наперекор всему жить. В основе авторского замысла – человек, одинокий и тонкий в этом мире, но прочно стоящий на земле обеими ногами. Образ проникает в сердце, заставляет задуматься о вечном, шагать и жить.

КАРИНА СТРЕБКОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

«РЭП» В СТИЛЕ ЛИРИКИ

О спектакле-читке пьесы В. Зверовщикова «Подарок судьбы»

Может показаться, что в текст афиши закралась ошибка, ведь читка пьесы и готовая постановка – разные явления. И удивительно, что проба нового текста выглядела как полноценный спектакль, а не просто озвучивание диалогов. Впечатление от спектакля создавалось за счёт полного зрительного зала и уверенной актёрской игры в сочетании с музыкальным сопровождением. При этом, как сказали в начале представления, для читки пьесы все три указанных компонента не характерны.

Речь идёт о читке новой пьесы камчатского режиссёра Валентина Зверовщикова «Подарок судьбы», состоявшейся в пятницу 26 марта на сцене Культурного центра А. Вампилова. По словам Галины Анатольевны Солуяновой, директора Центра, пьеса была написана специально для первой постановки на этой сцене, что и свершилось в преддверии Международного Дня театра.

На сцене родилось что-то новое и другое: синтез читки пьесы, лишенный каких-либо декораций и атрибутов, с прочтением всех ремарок, – и спектакля, в котором присутствует игра и музыкальное оформление. Пьеса для двух актёров написана в форме диалога. Две подруги Таня (актриса Елена Константинова) и Зоя (актриса Людмила Попкова) ведут его в течение полугода. Действие происходит в 2020 году и начинается с того, когда одной из них позвонил якобы очень известный режиссёр с предложением им, двум женщинам-актрисам местного театра, которым за 65+,

сыграть роли главных героинь фильма, съемки которого будут на Байкале.

Разговоры подруг проникнуты иронией и сарказмом по отношению друг к другу. Это тот тип крепкой дружбы, когда люди не могут ни дня прожить без ехидной шутки в адрес своего друга, но, тем не менее, разлучить их невозможно. Через комичное содержание постепенно проступает горькая мысль о том, что «мы, т. е. каждая из нас, женщин за 65+, никому не нужны». И, несмотря на то, что предложение сняться в будущем культовом фильме с самого начала Зоей распознается как мошенническое, обе женщины принимают предложение.

В ситуацию вмешивается эпидемиологическая обстановка, связанная с covid-19. Удивителен факт, как относительно быстро в театре появляется рефлексия по поводу актуальных событий. В тексте показаны абсурдные сцены из обычной жизни тех, кто тяжело переживал корона-вирус. Например, парадоксальный факт, что человек оказывается дома, обреченный на смертоносное одиночество. Ведь нам, как правило, СМИ сообщают, что ситуация находится под контролем, и скорая помощь обязательно приедет. Но она не приедет. Придет подруга и начнёт лечить. Но у каждого ли есть такие друзья?

Лиризм и трагизм спектакля усиливают поэтические вставки, которые говорят о важности сохранения вечных ценностей любви и дружбы. Здесь хотелось бы отметить, что автор пьесы Валентин Зверовщикова дал ремарку, что эти стихотворения – «рэп». Актрисы же читали их так, как будто это классические лирические произведения. И такое сценическое решение режиссеров-постановщиков, возможно, редуцирует некоторую часть смысла. Ведь, если бы был представлен рэп, то получился бы жизнеутверждающий синтез. Женщины, которым за 65, читали бы рэп, как столкновение нового и традиционного, молодого и старого. На стыке ценностей и пространств должно было бы родиться желание жить дальше, несмотря на то, что социальная реальность становится всё более механической, и в ней исчезает человек.

Предполагаю, что именно в этом заключается основной пафос пьесы: жить и бесконечно находить радость жизни, несмотря на возраст, пол и болезни.

ЮЛИЯ ШУБЕНКО, 1 курс магистратуры ИФИЯМ ИГУ

И ЖАР НА ПАЛЬЦАХ, КАК ОТ БАБУШКИНОЙ ПЕЧИ...¹

Как в «другое» пространство заходишь в Культурный центр Вампилова. Улица, арка, поворот, почти питерский миниатюрный закоулок, такой, в каких обычно прячутся культурные чудеса. И сразу чувство, что место-то не простое – особое. Чтобы попасть сюда, нужно быть «своим» или знакомым со «своими» – нам посчастливилось. Лестница в зал наверх, не по горизонтали, как в театрах Возрождения, – путь к духовности. Нас встречали, показывали гардеробную, улыбались, радовались встрече. А мы – в ответ, и это уже было началом постановки, ведь мы знаем от Станиславского, что театр начинается с вешалки. Получила билет, смотришь и понимаешь – для памяти. И Центр, и постановка, каждая улыбка и доброе слово, и билет – все, чтобы помнили.

Заходим в зал: слева – выставка, прямо – сцена. На сцене стоят, лежат, собираются в домики, в стопки, в горку книги. И тут про память. Для нас все сюрприз и неожиданность – «Писательский маршрут геолога Машкина». И я вспоминаю это имя... Сознательный свой возраст – университетские годы (до того так детство в окружении почивших классиков) – провела в Томске. А затем в школьной программе новый предмет «Литературная Сибирь», и нам, учителям русской литературы, без КТП и методичек дали его преподавать... Да, определенно там был Машкин, и самое большое произведение 5 класса «Синее море, белый пароход». Жаль, прочитать с потрясениями прошлой весны в классе не успели.

Вступительное слово – и начинается постановка...

Актриса: «Геннадий Машкин. Родился 13 марта 1936 года в городе Хабаровске».

Актер первый: «Встретились мои родители на чужбине как вербованные».

Актер второй: «Ну, а в поисках нового места семья много переезжала по стране».

И закрутилась, завертелась биография Геннадия Машкина в три голоса – два мужских, один женский; то словами самого писателя (чаще), то словами современников, литературоведов...

¹ О спектакле в Культурном центре Александра Вампилова «Писательский маршрут геолога Машкина», посвященного 85-летию со дня рождения писателя Геннадия Машкина, 27 апреля 2021 г. Режиссер Наталия Маламуд. Актеры Иркутского ТЮЗ им. А. Вампилова: Наталия Маламуд, Дмитрий Иванов, Павел Матушевич.

Книги на сцене открывались, читались отрывками из автобиографического и художественного, передавались, выстраивались в домики. В какой-то момент их поставили как бы случайно в одну длинную линию, во всю кромку сцены, серые – из одного собрания сочинений. Актеры сели по разные стороны и начали вспоминать «Иркутскую стенку», песни под гитару Вампилова, первые опыты в литературе... И цепь эта от одних к другим была тоже о памяти, о тонкой связи, неяркой, но важной, которую не прервешь, не предашь, не разберешь. Так и стояла она.

И смотрели – мы, не жившие этими жизнями, не знавшие этих людей, и помнили. Как их не помнить? Вот же они – живые. Ходят по сцене, пишут рассказы, поступают вдруг на геолога, молодеют, едут на Сахалин... из книжных страниц выглядывают.

И зал небольшой, и людей много, и сидишь, не двигаешься, а все чувствуешь – и любовь к семье, и гордость за свою Родину, за малую и за большую, и любовь, и товарищество, и творчество. И стен нет, и людей нет, и ты весь свободный и наполненный. И воспринимаешь себя и мир отчетливо, как никогда.

А после темнеет сцена, актеры уходят, но не на слове «умер», потому что как можно теперь Машкину умереть – никак нельзя. А так... вдаль, как уходят домой добрые знакомые, как обнимаются с семьей перед дорогой. А нам нужно все это осмыслить, понять, но это сложно. Что нам показали? Ценность самой жизни? Что и война не делает нас врагами, а мир всегда счастливее? Что семья важна? Что любовь вечна?

Всю жизнь твою, все самое дорогое, самое тихое и самое важное, такое, что не проговорено в громких литературоведческих теориях. Но кто сидел, тот понял и почувствовал. И про христианство не было ни слова, а чувство соборности – вот, возьмите; чувство всех добродетелей – пожалуйста. И жар на пальцах, как от бабушкиной печи, и ком в горле от ее какого-то самозабвенного беспокойства, когда гулял до сумерек – помните? Нет? – Так держите, пожалуйста.

А потом встает брат Геннадия Машкина, тот самый Юра, который вечно болел в «Синем море, белом пароходе», и говорит, что все было, как написано в повести. И встаешь, хлопаешь, наскоро пишешь впечатления о спектакле, спускаешься обратно по тем же ступенькам, только звуки все оглохли, воздух свежий, как в детстве, и думаешь: «У меня же тоже есть брат, нужно позвонить брату. И к маме на выходные. Обязательно, к маме».

ПАЛИТРА ВРЕМЕНИ В ПЬЕСАХ ВАМПИЛОВА

ЭДУАРД БУРОВ, 1 курс магистратуры ИФИЯМ ИГУ

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ В ПЬЕСЕ
АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА «ПРОЩАНИЕ В ИЮНЕ»

Время играет важную роль в драматургии Вампилова. Об этом свидетельствуют названия произведений. В пьесе «Прощание в июне» указано время расставания центральных персонажей, Колесова и Тани. В целом все события пьесы можно разделить на две части: события, происходящие весной; и события, происходящие летом, а именно в июне. Первые по преимуществу связаны со встречей Колесова и Тани и развитием их отношений (Вампилов актуализирует здесь традиционное представление о весне как о времени возрождения природы, времени устремленности в будущее), вторые – с разрывом этих отношений.

Кроме календарного, обращает на себя внимание суточное время. О многих событиях точно известно, в какое время суток они происходят. Можно заметить, что распределение событий в течение дня так же как по временам года неслучайно. На вечер приходится большинство сцен: первая и последняя (последняя в рамках пьесы) встречи Тани и Колесова, свадьба Букина и Маши, первый разговор Колесова с Репниковым, выпускной. Но переломный момент пьесы, обозначающий переход от весны к июню, то есть от сближения Колесова и Тани к их расставанию, связан не с вечером, а с утром. Именно утром Репников предлагает Колесову свою сделку, и Колесов разрывает отношения с Таней: «Я не Ромео. У меня на это нет времени... Мне некогда, понимаешь?» Утро в пьесе Вампилова, таким образом, представлено как время рационального, а вечер – скорее как время иррационального.

Кроме календарного и суточного, в пьесе достаточно четко обозначено время историческое. Вампилов пишет о современности: действие разворачивается в эпоху «оттепели». На это указывают многочисленные детали. Например, интерес к профессии геолога (Букин, Гомыра) в 60-е гг. XX в.

Обстоятельно представлено биографическое время, что естественно для социально-психологической пьесы, где у персонажа, как правило, есть своя биография. Многие герои – это студенты, выпускающиеся из университета (Колесов, Фролов, Маша, Букин, Гомыра). Прописан возраст Букина. О самом себе Букин говорит отстраненно: «знаком с ним вот уже двадцать четыре года». Видимо, другим студентам-выпускникам

тоже в пределах двадцати лет. Два раза упоминается возраст Тани: сначала о нем говорит сама героиня в диалоге с Букиным («Если серьезно – девятнадцать»), затем его касается Репников в утреннем разговоре с Колесовым («Вы старше ее». Колесов: «Ей девятнадцать лет»). Следовательно, Таня, скорее всего, тоже студентка, но не выпускница университета. Свой возраст подчеркивает и Золотуев: «Мне пятьдесят восемь лет, у меня жаба»; «Мне пятьдесят восемь лет. Я устал». У Золотуева, пожалуй, самая детально прописанная биография. Он сначала работал в мясном магазине и за то, что предложил ревизору взятку, попал в тюрьму на десять лет, вышел из тюрьмы и «нашел себе другое занятие». Но вообще прошлого в пьесе очень мало, и если где-то оно дает о себе знать, так это в монологе Золотуева, в котором раскрывается история с ревизором.

В основном же герои пьесы устремлены в будущее. Это и неудивительно: они по преимуществу студенты, у которых впереди вся жизнь. Естественно, что они строят планы на будущее, мечтают. Геолог Букин собирается лететь на север и взять с собой Машу, Колесов два года занимается травами и хочет идти в аспирантуру (в итоге, правда, попадает на селекционную базу), Фролов мечтает жениться на Маше и, чтобы мечта осуществилась, планирует отправиться работать на селекционную базу, где живут ее родители. Кстати сказать, даже воспоминание о ревизоре важно для Золотуева, когда он делится им с Колесовым, но только потому, что связано для него с мечтой о будущем. «Честный человек – это тот, кому мало дают. Дать надо столько, чтобы человек не мог отказаться, и тогда он обязательно возьмет! Возьмет! Ревизор возьмет!»

В паре «прошлое–будущее» Вампилов явно отдает предпочтение будущему. Будущее масштабно: многие персонажи строят планы не на два-три ближайших дня, а на всю оставшуюся жизнь. Некоторые герои, можно сказать, живут им. Но в ценностной картине мира драматурга, кажется, центральное место занимает не будущее, а настоящее. Можно заметить, что персонажи, которые живут будущим, в конце концов, оказываются ни с чем. Имеются в виду, в первую очередь, Золотуев и Фролов. Золотуев живет не сегодняшним днем, а завтрашним. Все, что он делает (а он постоянно копит деньги), направлено на то, чтобы когда-то доказать: «честный человек – это тот, кому мало дают». Однако доказать это ему никак не удастся. В конце пьесы мы узнаем, что ревизор отказывается брать двадцать тысяч – значит, Золотуеву нужно копить дальше. И жизнь героя, в сущности, оказывается бессмысленной. То же с Фроловым. Он пять лет ждет, что Маша скажет ему «да» и станет его женой на всю жизнь, хотя девушка уже давно ему отказала, и ожидание это ни к чему не приводит. Маша улетает с Букиным на север, а Фролов, до этого

планировавший ехать на селекционную базу, где живут родители Маши, идет в аспирантуру.

Слишком много думая о будущем, герои теряют возможность жить подлинной жизнью, заключенной, по мысли Вампилова, только в настоящем. Золотуев мог бы вместо того, чтобы копить деньги в надежде, что ревизор их возьмет, с пользой их тратить. Фролов мог бы вместо того, чтобы мечтать о браке с Машей, серьезно заняться наукой или попытаться построить отношения с другой девушкой. Таким образом, важнейшим для понимания времени в пьесе «Прощание в июне» является мотив упущенного времени.

Этот мотив появляется в словах главного героя пьесы Колесова, обращенных к Тане: «Или жить, или размышлять о жизни – одно из двух. Тут сразу надо выбрать. На то и на другое времени не хватит. Так по-моему...» Позже Таня воспроизводит мысль Колесова в разговоре с матерью: «Жить надо, а не философствовать. Размышляй, не размышляй – все равно ничего не поймешь. Только время упустишь». В этой мысли, повторенной в пьесе дважды, заключена авторская концепция времени, утверждающая ценность настоящего как средоточия подлинной, истинной жизни. Очевидно, мы имеем дело с вампиловским вариантом философии момента, философии «здесь и сейчас», восходящей к знаменитой фразе «*Care diem*» («Лови мгновение») Горация.

В пьесе, правда, в переломный момент Колесов поступает вопреки своей философии, которую он внушает Тане. В самом деле, когда он идет на сделку с Репниковым, то, можно сказать, предает настоящее (отношения с Таней) ради будущего (ради возможностей, которые откроет ему наличие диплома). Задумавшись о будущем (диплом – метафора будущего), Колесов упускает возможность жить подлинной жизнью. И хотя ясное осознание того, что в отношениях с Таней заключалась его настоящая жизнь, в конце концов, приходит к герою (это осознание символически обозначается в сцене, в которой Колесов рвет свой диплом), ничего уже исправить нельзя. Сравните неудачную попытку Колесова исправить положение в заключительной сцене:

Колесов. ...Я хотел пригласить вас...

Таня (*перебивает*). Пригласите кого-нибудь другого.

Колесов. Не могу. Приглашаю именно вас.

Таня. Меня один раз вы уже приглашали. Не помните?

Колесов. Помню... У меня приличная память.

Молчание.

Не пойдете?

Таня. Нет... Счастливо оставаться.

Так Колесов расплачивается за то, что изменил собственной позиции.

Интересно, что философия момента находит отражение не только в судьбах персонажей, но и в композиции пьесы. Произведение строится как хронологическая последовательность довольно самостоятельных во временном отношении мест («Улица», «Общежитие», «Загородная прогулка», «Квартира», «Сад», «Университет», «И снова улица»). Автономность картин состоит в том, что они не перетекают одна в другую – между ними есть временные зазоры. Эти зазоры могут быть весьма большими. Так, действие «Университета» происходит через три недели после действия «Сада» (ср. слова Тани: «...мы давно не виделись. Целых три недели»). Временной зазор может быть и совсем небольшим (как между «Улицей» и «Общежитием»), но он всегда есть. Таким образом, жизнь в пьесе представлена как набор отдельных моментов, а не как река, в которой прошлое плавно перетекает в будущее, – такая модель жизни характерна для многих эпических произведений.

В триаде «прошлое–настоящее–будущее» для Вампилова ценностью является настоящее. В русской же культуре, как представляется с аксиологической точки зрения среди трех времен, центральное место занимает прошлое. К примеру, важность темы памяти в отечественной литературе и особенно в литературе XX века: «Реквием» Ахматовой, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Прощание с Матёрой» Распутина и многие другие. Поэтому философию «здесь и сейчас», утверждаемую Вампиловым, нельзя признать в полной мере соответствующей классической русской литературе. Интересно, что в пьесе есть сцена, где герои символически разрывают связь с прошлым: Колесов и Золотуев на исправительно-трудовых работах ломают забор кладбища, на месте которого будет проведена трамвайная линия.

ВИКТОРИЯ КАРЕЛОВА, 1 курс магистратуры ИФИЯМ ИГУ

БЛУЖДЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
«ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ» АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

*Мы так неразумны,
что блуждаем во времени,
нам не принадлежащем,
пренебрегая тем единственным,
которое нам дано.*

Блез Паскаль

По каким-то причинам в начале пьесы Вампилов посчитал нужным определить суточное время происходящего. Первое действие пьесы «Прошлым летом в Чулимске» начинается со слова «Утро», второе – со слова «Вечер».

В начале действия один из героев, Иннокентий Мечеткин, объявляет и точное время: «между прочим, уже десять девятого». Мечеткин – единственный герой, который всегда носит с собой часы, любит ими, не отводит от них глаз. Он – человек дисциплины. Время для него ценно, его нельзя растрачивать без пользы. Именно поэтому его раздражают опоздания буфетчицы: «Опаздываете, Анна Васильевна, раньше вставать надо. Имейте в виду, дисциплина у нас для всех существует». Мечеткин придерживается философии рационализма. Время для него, прежде всего, порядок, система. Он определяет время с точностью до минуты, и тем самым, в отличие от других героев, вписывает себя в реальное течение времени. Причем он не потерян в нем, а напротив, определен. Прошлое не имеет для него значения. Главное – разумно распорядиться настоящим, учитывая пользу для будущего.

Мечеткина злит Валентина, которая каждый раз пытается наладить калитку. «Не палисадник, а анекдот ходячий. Стоит, понимаете, на дороге, мешает рациональному движению». Отказывается Мечеткин и от помощи старику Еремееву в оформлении пенсии, которая должна начисляться уже девять лет. Не всё ли равно, думает Мечеткин, работал старик всю жизнь или не работал. На данный момент документы, что-либо подтверждающие, отсутствуют, следовательно, ничего не поделаешь. Зато с особым воодушевлением и с уверенностью думает о будущем: «через несколько лет через нас пройдет железная дорога». Рационализм Мечеткина приводит к тому, что он совершенно забывает о человечности. Ему не важно, к какой из девушек свататься, к Зине или к Валентине. Главное,

обзавестись женой, хозяйкой в доме, соответствуя положенному в его возрасте порядку. Мечеткин строит жизнь исключительно по социальному времени, с оглядкой на общество. Но вряд ли подобную точку зрения одобряет сам автор. Напротив, он позволяет Зинаиде назвать Мечеткина «болваном».

Анна Васильевна, Помигалов и Дергачёв – люди, которым расстаться с прошлым тяжело. В далёкой молодости Анна Васильевна не дождалась Дергачёва с войны, родила сына от другого мужчины. С тех пор ее мучают чувство вины за совершенную ошибку и сожаления за несостоявшееся счастье. В её душе, несомненно, жива память о прошлом: часто в ремарках автор указывает на слёзы героини («Хороших вытирает платком глаза»).

Дергачёв тоже живёт прошлым. Время для него остановилось после возвращения с фронта. Он помнит подробности счастливой жизни до войны, но после войны держит в памяти лишь предательство любимой женщины. На это указывают некоторые детали. Выпивая, Дергачёв произносит тост: «За любовь без обмана», напоминая тем самым о прошлой ошибке Анны Васильевны. Часто слышны слова песни, которую Дергачев поёт с Еремеевым: «Это было давно, лет пятнадцать назад». Герой живёт воспоминаниями, которые его ранят. Удивительно, но, несмотря на разочарование, которое Дергачёв пронёс через жизнь, он один из немногих, кто одобряет действия Валентины: «Нравится девке чудить, пусть она чудит. Пока молодая». Но обида оказывается настолько сильной, что Дергачёв решает уйти в тайгу к Еремееву, доживать свои годы. Заметим, ему всего пятьдесят пять лет.

Помигалов, отец Валентины, тоже живёт прошлым. Его жена погибла, а две старшие дочери вышли замуж и уехали в город, позабыв об отце. Не желая столкнуться с этим вновь, Помигалов наказывает Валентине: «Об городе не мечтай. Помни: пока я жив, твой дом здесь. Вот он стоит. Советская, тридцать четыре. Отсюда и располагай». Человек боится отпустить прошлое, не может избавиться от страха потерять единственного близкого человека, которого тем самым делает несчастным.

Прошлое, разумеется, важная часть жизни человека. О нем нельзя забывать, нельзя разрывать с ним связь. Но нельзя и допустить того, чтобы прошлое заменило настоящее и лишило счастливого будущего. Прошлое следует помнить, но им не нужно жить. За один день, изображенный в пьесе, герои проходят путь к пониманию того, как важно вовремя расстаться с прошлым.

Ведущий в пьесе – мотив своевременности. Вампилов показывает, насколько важным в жизни человека может быть одно мгновение, одна

секунда. Шаманов, молодой мужчина, который выбрал своей профессией борьбу с нарушителями порядка, борьбу со злом и несправедливостью, сталкивается с преступником, которого не может наказать. Разочаровавшись в том, чем он занимался, он теряет интерес к жизни, находится в экзистенциальном кризисе. До обеда спит, долго собирается на работу, с нежеланием выходит из комнаты, ведёт себя безответственно с оружием, не боится получить выговор, не боится опоздать. Единственная его цель в жизни – забыть прошлое и приблизить будущее. Так, например, герой не может вспомнить женщину, о которой рассказывает Зина, в прошлом знакомую Шаманова, совершенно не интересуется настоящим и желает лишь того, чтобы поскорей уйти на пенсию.

На течение времени Шаманов смотрит скептически, считая, что нет смысла использовать его для созидания, всё равно потом это обернется разрушением. Мироощущение его пессимистично.

Валентина. Я чиню его, чтобы он был целый.

Шаманов. Зачем, Валентина? Стоит кому-нибудь пройти и...

Валентина. И пускай, я почию его снова.

Шаманов. Напрасный труд.

Валентина. Почему напрасный?

Шаманов (*меланхолично*). Потому что они будут ходить через палисадник. Всегда.

Валентина. Всегда?

Шаманов (*мрачно*). Всегда.

Важным событием, пограничной ситуацией для Шаманова стал выстрел Пашки из оружия, которое дало осечку. Выстрел – одна секунда, – заставляет Шаманова одуматься и понять, что время – это не то, что следует торопить, но и не то, что следует упускать. Время даёт человеку шанс сделать жизнь счастливой, шанс повторить, попробовать, попытаться удачу, снова полюбить и стать любимым. Главные слова Шаманов произносит в разговоре с Зиной: «Судьба. Другим словом всё это не назовёшь. И она говорит мне: дерзай, старик, у тебя ещё не все потеряно. Вот, она говорит, тебе тот самый случай – лови...» Действительно, иногда всё решает одно мгновение, которое происходит по воле случая: «Раньше не замечал, зато сегодня... как бы тебе это выразить... Она явилась неожиданно, как луч света среди туч». Счастье нельзя обрести в постоянных поисках, чем занимается Мечеткин. Судьба преподносит счастье сама, но для этого необходимо быть открытым для настоящего, не замыкаться в прошлом, о чём и говорит Валентина: «...ничего не видите. Вы слепой! Слепой – ясно вам!? Слепой».

Из триады «прошлое – настоящее – будущее» Александр Вампилов выбирает настоящее. Показателен образ Пашки, который торопит время и стремится приблизить будущее, не замечая при этом, что разрушает чужие жизни. О выборе драматурга говорят художественные детали. Описание Чулимска начинается с описания «старого деревянного дома». Дом как олицетворение прошлого уже «черный от времени». На протяжении пьесы рабочие чинят его. Несомненно, прошлое важно, поэтому дом не сносят, чайная не переезжает, и всё остаётся на прежних местах, но требует обновления. Новое является необходимой частью жизни, потому что время – это всегда смена одного на другое: старого на новое, беды на счастье, прошлого на настоящее.

Интересно, что в пьесе герои часто задают друг другу вопрос: «сколько времени?» Шаманов хоть и носит часы, но не смотрит на них. Герои словно потеряны во временном потоке, им постоянно приходится ориентироваться во времени, но они за ним не успевают. Не спрашивают о времени лишь Валентина и Еремеев. Они олицетворяют собой естественного человека, который живёт в пространстве не бытового, а бытийного времени. Именно поэтому только Еремеев в конце пьесы помогает Валентине восстанавливать калитку.

Вампилов неспроста указывает на точное время происходящего. В первый день всё начинается в 8.10, во второй день всё начинается в 8.30 утра. Почти одно и то же время, но уже что-то другое. Обратим внимание, что Валентина начинает свой день с того же, с чего начинается каждый её день. Она идёт чинить калитку, несмотря на трагедию, которая произошла с ней ночью. Известно, что в черновом варианте концовка пьесы выглядела иначе. Сначала Вампилов написал, что Валентина застрелилась, и на утро вместо неё калитку ремонтирует Шаманов. Потом драматург изменил конец произведения на другой. «Тишина. Строгая, спокойная, она поднимается на веранду. Вдруг остановилась, повернула голову к палисаднику. Не торопясь, но решительно спускается в палисадник. Подходит к ограде и укрепляет доски».

Новый день – новая жизнь, и поступок Валентины становится уроком для тех, кто отдал себя отчаянию и скорби по прошлому, кто не сумел оценить настоящее мгновение как чудо. Валентина смотрит на феномен времени сквозь философию стоицизма, предполагая, что в мире, где царят невежество, несправедливость и другие пороки, человек не должен приспособливаться к действительности, а должен относиться к ней как к неизбежности, оставаться невозмутимым, пребывая в гармонии с самим собой.

Обнаружить предшественников философской мысли Александра

Вампилова в русской литературе сложно. Некоторое сходство можно найти с взглядами В. Одоевского. В «Анекдотах о муравьях» он писал: «...и с тех пор я никогда не прохожу мимо муравейника, не вспоминая, что то, что нам кажется просто кучей ссора, содержит в себе целое общество тварей деятельных, которых сметливость и постоянство в исполнении своих обязанностей могут служить образцом для всего мира. Посмотри на муравья и старайся последовать его примеру». Это напоминает ситуацию из жизни Шаманова и Валентины. А образ муравья, если воспринимать его как метафору, напоминает образ Валентины, трудолюбивой девушки, которая делает доброе дело вопреки тому, что многие считают его бессмысленным. Этим она сильна.

Валентине часто говорят: «Брось. Детством занимаешься». Важная деталь. Валентина – самая юная из всех героев пьесы, но по состоянию души она ближе самому старому из них, Еремееву. Время детства (как и время старости) – время, когда человек способен остро ощущать жизнь и течение времени. Об этом писал К. Паустовский: «...в детстве горячее солнце, гуще трава, обильнее дожди, темнее небо и смертельно интересен каждый человек. Детство – это поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас, это величайший дар... это ощущение жизни как непрерывной новизны...»

Мысль о ценности настоящего мгновения сформулировал ещё Марк Аврелий: «Человек живёт только в настоящее мгновение. Всё остальное или прошло уже, или неизвестно, будет ли» («К самому себе»). Призывали не жить прошлым такие русские писатели и поэты, как Набоков, Саша Чёрный, Некрасов. Но не стоит забывать, что Вампилов не отказывается от прошлого: оно, несомненно, является ценным для человека, о нём не стоит забывать. Горький был убежден: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» («О библиотеке поэта»). Наконец, и зарубежные классики говорили о том, о чём напоминает Вампилов. «Будущее тревожит нас, а прошлое держит. Вот почему настоящее ускользает от нас» (Флобер). «Не смотри грустно в прошлое, не возвращайся. Лучше используй настоящее с умом. Это правильный путь» (Лонгфелло).

Похожую мысль находим и в дневнике философа Д. Сантаяны: «Не смотри в прошлое с тоской, оно не вернётся! Мудро распорядись настоящим!» Пожалуй, это то, чему, без сомнений, является примером Валентина.

**ЗАКОНЫ ВЕЧНОСТИ В ПЬЕСЕ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА
«ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»**

Драматургия Александра Вампилова внутренне напряжена. Она отличается осмыслением сути бытия и определением места человека в этом мире, определением того, кто есть человек.

Осмысление бытия в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» тесно связано с предметным миром. Образ предмета рядом с человеком отражает его время. В начале пьесы нас встречает описание старого дома с мезонином и палисадником. У дома не очень приглядный вид. Но есть детали, которые придают ему нарядность. «Наполовину обитая, обшарпанная, черная от времени, резьба все еще придает дому нарядный вид». Дом старый и резьба уже почернела от времени, однако она еще способна украсить этот дом. У старого дома находится старый человек, охотник Еремеев. Старик – олицетворение прошлого, лицо у него «черное, прокопченное», такое же черное, как резьба на доме. Но позднее Еремеев предстает не таким страшным, как в начале. У него чистая душа, тяжелая судьба, он гоним, не имеет возможности получить пенсию за долгий труд. Все, чего он хочет – уйти в тайгу. «Тайга меня ждет. Ягода ждет, шишка ждет. Белка – тоже ждет...», – говорит старик. В конце пьесы отвергнутый всеми охотник понимает, что наедине с природой ему будет комфортнее. Еремеев такой же старый, как дом, но у него чистая и открытая душа, которая украшает этот образ так же, как украшает дом резьба.

Центральное место в предметном мире пьесы занимает палисадник старого дома. Его топчут посетители, ломают калитку, и та «болтается косо на одной петле». Рядом с калиткой всегда Валентина, которая по нескольку раз в день приводит ее и палисадник в порядок. Образ Валентины значим в пьесе как олицетворение красоты, чистоты, всего высокого и непорочного, что может быть в человеке. На вопрос посетителей чайной, зачем она без конца ремонтирует калитку, ведь все равно никто ходить в обход не будет, Валентина отвечает, что она будет чинить ее «до тех пор, пока люди не научатся ходить по тротуару». И действительно, Вампилов в ремарках замечает: «Кашкина, на это раз обойдя палисадник, поднимается на веранду». Или Пашка: «чуть помедлив, спускается с крыльца и уходит. На этот раз – минуя палисадник». Чистота, красота заразительны и имеют огромное влияние на человека. Но красота и чистота у Вампилова хрупкие, любой может их уничтожить. Неслучайно образ Валентины связан с палисадником, с тем, что существует для украшения дома, и

с тем, чья красота портится людьми. Валентина оказалась растоптанной так же, как палисадник. В тот момент, когда она решила идти с Пашкой на танцы, отказавшись от Шаманова, она сама проходит через палисадник и говорит: «Это напрасный труд. Надоело... Идем!». Отказавшись от своего предназначения творить добро, Валентина потеряла себя: над ней надругался Пашка.

Но утром «строгая и спокойная» она снова подходит к палисаднику и поправляет калитку. В этом и заключается сущность человеческого бытия по Вампилову. Чистые, добрые, духовно возвышенные люди страдают больше всех, в своей чистоте они уязвимы. Но только на них и держится человечество, законы бытия неизменны. Символично и то, что в финале пьесы Валентине чинить калитку помогает старик Еремеев. Два разных человека, молодой и старый, совершенно не похожи друг на друга. Но их объединяет красота души и чистота помыслов. Они вместе восстанавливают то, что сломали другие. Финальная сцена символична с позиции философии времени. Время не властно изменить законы бытия. Всегда и всюду будут топтать чистые души, но силой своего духа они по-прежнему останутся центром мироздания. И только благодаря им человечество будет существовать. Символично, что начало и финал пьесы соединены, закольцованы. И там, и там одна и та же картина: Валентина чинит забор. Только теперь ей помогает Еремеев. На любом временном отрезке вечности будут существовать нравственные люди, благодаря которым существует человечество.

О высокой роли добра и чистоты в мироздании свидетельствуют отношения Валентины и Шаманова. Шаманов говорит о том, что он «ничего не хочет. Абсолютно ничего. Единственное мое желание – это чтобы меня оставили в покое. Все!» Он представлен уставшим, потерявшим себя человеком без цели существования. Но, почувствовав к себе любовь чистой натуры (Валентины), он преображается и решает поменять свою жизнь. Становится добрее, искренне признается Валентине в своих чувствах и собирается ехать в город добиваться справедливости. Такова сила действия чистоты и непорочности, в которой источник жизни. Важна мысль о том, что чистота и доброта не всемогущи, у них нет возможности влиять на все. Наверное, в этом и заключается трагизм бытия. Невозможно все изменить только силой добра. Поэтому, думается, Вампилов не показывает счастливую любовь Валентины и Шаманова, не дает возможности раскаяться Пашке, оставляет все, как есть. Пашка в ожидании отъезда, Шаманов настроен ехать добиваться справедливости, а Валентина так же, как и в начале, чинит калитку.

У пьесы открытый финал. Она заканчивается там, где ждешь про-

должения. Продолжения, которого нет. Это своеобразное видение мира Вампиловым. Бытие есть бесконечно повторяющаяся смена поколений, оно существует по одним и тем же законам. Мироздание опирается на чистые и добрые души, которые продолжают жить и творить добро, не смотря ни на что. Эта философская позиция, представленная через соединение предметного мира с человеком в общей системе художественных образов пьесы, утверждает важность каждого отрезка времени для вечно-го продолжения жизни.

О РАССКАЗЕ АЛЬБЕРТА ГУРУЛЁВА «ЕЛЬ»

КАРИНА СТРЕБКОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

МЕРЦАНИЕ ЧУДА

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

В рассказе «Ель» тонкая мистическая атмосфера, хотя в нём нет ярко фантастического. Альберт Гурулёв в этом плане старается удержаться на полутонах. Главная героиня Настасья больна, но у неё «ничего не болит», причины недомогания неизвестны. К ней заходит плотник Петрован, предполагая, что ель, стоящая рядом с домом, высасывает из хозяйки силы, и срубает ель. Из его речи ясно, что руководствуется он народной приметой. Читатель, далекий от фольклорных традиций и народно-бытового язычества, может сразу превратиться в скептика. И текст как будто этому способствует: Настасья уходит в лес за новой елью, и её мгновенного выздоровления не происходит. Но рационального читателя триумф не ждёт. Неожиданно узнаем, что Настасья приобретает «чудесные» черты: «Но чудное дело: идет она, а трава под её шагами не мнется».

Последняя фраза сложна для интерпретации: невозможно до конца понять, что она значит. Возникает ощущение недосказанности. Оно-то и создает мистическую атмосферу. Можно только домыслить, какие звенья причинно-следственной цепочки привели к необычному финалу. Даже самый большой скептик подумает о толковании конца рассказа через призму сверхъестественного. Но, чтобы подвергнуть мысль отрицанию, нужно сначала эту мысль допустить.

Рассказ «Ель» раскрывает пласты мифологического мышления. Они актуализируются вследствие неуловимой, словно мерцающей мистики повествования. Можно лишь догадываться о том, что произошло с главной героиней. И вариантами предположений играть, если читатель склонен профанировать мистический смысл. Попытаюсь для себя понять, что скрывается за новым состоянием Настасьи.

Одно из самых возможных, на мой взгляд, толкований финальной сцены – пребывание Настасьи в потустороннем мире. Там, где она оказывается единой с природой, со значимым для неё пространством ельника: «идет она, а трава под её шагами не мнется». В самом деле, описание того, как голос Вали-фельдшерицы «плачет», что Настасье стало хуже, а затем резкий переход к гармоничному миру, где молодая Настасья оказывается в лесу, может указывать на то, что событие имеет два плана, что хозяйка дома умерла. В лесу находится её душа, которая в земной жизни

после сруба ели «будто потеряла что-то». Здесь же в лесу произошло воссоединение с её истинным домом, около которого продолжала всё так же стоять красавица ель.

Срубленная ель оказалась проводником из мира живых в мир мертвых и как бы растворила все ненастоящее. Произошло высвобождение энергии из истощенных форм для нового. Смерть не убила, а возродила. Ничто не разрушается, все замещается, смещается и перемещается. И потому в рассказе показано воскрешение подлинной жизни человека.

ПОЛИНА КОЗЛОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

НА ГРАНИЦЕ ВРЕМЕНИ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ Альберта Гурулёва «Ель» произвёл на меня особенное впечатление. Прежде всего, художественными образами. Центральный, вокруг которого строится повествование, – ель. Казалось бы, что может скрываться за обычным вечнозелёным деревом? С одной стороны, ель считается символом бессмертия души, с другой – дерево мёртвых. У финно-угорских народов ель – связующее звено между живыми и мёртвыми, прошлым и настоящим.

Для Настасьи ель – своеобразный мостик между нею и мужем. С Алексеем она нашла ель и посадила её возле дома. Ель становится якорем, который держит женщину в воспоминаниях, заставляя страдать (предположу, что именно из-за этого её болезнь). Мотив срубания дерева часто встречается в фольклоре. В колядках дерево срубают, чтобы мостить дорогу Новому году или даже для самого Христа. Гибель дерева становится в русском обряде продолжением жизни для тех, кто жил под его сенью. Как прощание со старой жизнью и начало новой.

Для Настасьи ель – своего рода прощание, прощание с прошлым. Непросто что-то отпустить, а отпустить дорогого человека ещё труднее. И потому в душе Настасьи остается пустота, будто она потеряла что-то. Срубание дерева убирает своеобразную границу мира живых и мёртвых, настоящего и прошлого. Женщина воссоединяется с мужем, возвращаясь в прошлое, умирает, если я правильно поняла.

В рассказе выделяется тема связи человека и природы. Природа не только вокруг человека, она в душе самой Настасьи. Через ель человек ощущает и познаёт себя, слушает свою болезнь.

В простой композиции скрыт глубокий смысл, не зря повествование выстраивается вокруг дерева. Только после нескольких прочтений

задаёшься вопросом, а почему рассказ именно про ель.

Писатель искренен и естественен, в его повествовании нет броских приёмов. Думаю, в этом прелесть рассказа. Одиночество и быт Настасьи передан знакомыми будничными образами. И сам сюжет произведения, словно изображение жизни в привычном ее ритме.

ИРИНА ЗАРУБИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

СОЗВУЧИЯ И СТОЛКНОВЕНИЯ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ начинается с неожиданного ввода в ситуацию: Настасье «не можетя». И такое состояние у нее долгое время. И «где что болит» – простуда ли? Понятие болезни как родственное слову «боль» не отражено в тексте. «Вроде ничего не болит, а худо...» «Больной» значит «плохой, худой, старый, обиженный» – такие синонимы встречаются в тексте. Соблюдение приметы (сруб ели) не спасает Настасью, потому что ель – её жизнь, её прошлое, память, привычка, часть целого, – одежда её дома («Дом-то как голый»).

Болезнь звучит: Настасья «слушает свою болезнь». Возникает ощущение, что болезнь и жизнь неразрывны. Они не противопоставлены, а переплетаются. Звук, наполнявший округу в этот миг, – игра речки, шум ели, стук топоров бригады Петрована. Звучность мира в его потоке, движении, игривости, деятельности. Настасья не находит себя в этом движении: может, болезнь – это старость? А крайний дом, дом с краю, дом отдельный от деревни – метафора отчуждения?

Стиль автора фрагментарен. Часто встречающиеся парцелляции. Отсутствие перехода между эпизодами отражает ход больного сознания: резкость, отрывистость мыслей, отсутствие детализации.

Рассказ построен на противопоставлении «было – стало». Юность Настасьи и Алексея – болезнь Настасьи; изба Настасьи, поставленная ещё до войны, – новый сруб зувескому зятю; холёная ель в оконной раме – «пустыня чисто». Строящийся дом и дети как намёк на продолжение жизни рядом с медленным её угасанием, весёлость и звучность деятельного Петрована («щёлкнул гулко по бурой шее») рядом с «лесным покоем» и молчанием Настасьи.

Один абзац начинается со слова «еле». «Еле приплелась домой»; «Еле» и «ель». Созвучие, возможно, случайное, но многозначительное: неторопливость жизни, покой, медлительность. И недостаток сил. И совместное житьё Настасьи и Алексея. Все это срубает не заточенный топор

Петрована в веселье, почти с песней.

Вертикальная связь избы с небом нарушается. «Острая вершина вздрагивала, потом качнулась, чиркнула по белым облакам, и ель плашмя рухнула в пыль дороги». Символ движения – горизонтальная прямая – вбирает в себя вертикальную. Связь с небом остаётся в прошлом, в пыли. Не зря, кажется, упомянута и война: ель, изба и жизнь Настасьи с Алексеем прошли через войну, через гибель и страдания, одно из тяжелейших и сильнейших духовных испытаний истории. И неспроста «тяжёлый трёхцветный кот» лежал на печке (Емеля), «пьяница», учуявший валерьянку (тут же пришедший «за стаканчиком» Петрован). Не метафора ли это России?

Мир сух и обезвожен («жухлая трава»): Настасья в своём болезненном состоянии постоянно пьёт воду. И ее, не такое, как у Петрована, понимание и ощущение жизни. Возникает столкновение – неявное, межстрочное – между сохранением и разрушением, старым и новым, памятью и грядущим.

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Меня всегда поражала способность русского народа – в первую очередь это характерно именно для нас – наделять глубоким смыслом простые вещи. Мне приходилось сталкиваться с суевериями: кактусы на окне держать нельзя – мешают счастью пройти в дом, фиалки на том же месте – к слезам. Теперь я познакомилась с еще одним – нельзя около дома растить ель, потому что она «высосет» из хозяев жизненную энергию: «ель сосет тебя», «у дома ель нельзя держать, примета такая».

Главной героине рассказа «Ель» Настасье «уж какой день не может». Причину недуга определить не получается, да и сама больная не совсем понимает, что с ней: «вроде ничего не болит, а худо...» Все окружение по-своему пытается помочь женщине: фельдшерица Валя дает горькие порошки, Петрован выносит вердикт, «ель, видно».

Как и Настасья, читатель не понимает последствия такого совета. Да, ель. Красивая, хорошая ель. «Ель особенно славная: сытая, холеная. Новогодняя. Под мохнатыми раскрылками ели лесной покой». И привлекает внимание одна из характеристик, которую автор дает ели, – «новогодняя». Новый год не связан у русского человека с чем-то плохим. Новый год – обновление, новая жизнь, мечты о будущем, о том, как все само

собой устроится, когда число в календаре сменится на первое января. И ни у Настасьи, ни у читателя не возникает возражений, когда Петрован выносит приговор, что виновница ее недуга, главная «злодейка» – ель.

А она в какой-то мере «злодейкой» все-таки является. Но только не жизненную энергию высасывает из хозяйки, а заставляет ее жить прошлым, оставаться в нем.

Мы понимаем, что для женщины дерево у ее дома – не просто ель. Настасья привезла ее когда-то вместе с мужем, который, как она говорит, сейчас уехал. И читатель не видит в словах «сухари в зимовьюшку повез» ничего необычного. После срубания ели у Настасьи появляется желание непременно найти такую же, какую они привезли с Алексеем в молодости. И она, измученная недугом, ищет, пока не оставляют силы. На помощь приходит Алексей «в мягких ичихах, красной рубашке, молодой и улыбочивый». И становится понятно, куда он «уехал». Не на зимовку.

Что-то произошло с Алексеем, он умер. И ель у дома осталась символом семейной любви. В какой-то мере, наверное, она удерживала связь мужа с женой. Но Петрован срубил ель. И Настасья не воспротивилась этому. Возможно, думала, что сможет жить без нее...

Без ели дом стал «как голый, пустыня чисто». Связь с Алексеем разорвана. И Настасья понимает, что одна не сможет жить дальше. И уходит к мужу. Они снова молодые, выбирают ель, а трава под их шагами не мнется.

Петрован прав, наверно, в том, что причина недуга старой женщины – ель. Только не в приметах дело. Дело в том, что отпускать близкого человека легко на словах. Не все могут отпустить. Остаются жить прошлым, пока не получают возможность воссоединиться с дорогим сердцу человеком.

Одно можно сказать точно: ель вышла «злодейкой» весьма неоднозначной. Ведь благодаря ей прежде и теперь Настасья была счастлива.

ДАРЬЯ ГУЩИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ЩЕМЯЩЕЕ ЧУВСТВО ПУСТОТЫ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ «Ель» – небольшое по объёму произведение, пронизанное ощущением трагизма жизни. Только к концу повествования оно переходит в надежду на восстановление души человека, несколько идущее вразрез с тем, что главная героиня умирает.

Писатель изображает Настасью, которой не становится ни хуже,

ни лучше. Умирает старая женщина после того, как срубают ель, – «особенно славную: сытую, холёную. Новогоднюю», живущую у неё во дворе, привезённую некогда ею и мужем Алексеем. Со срубом ели Настасья теряет душевный покой. Героиня ощущает неразрывную связь с деревом, которое является главным элементом её дома, оплотом, укреплением. Женщина идёт в сторону Тёплого ключа – туда, где растёт ельник. «Ничего, – шепчет Настёна. – Ещё лучше посадим ёлку. На Тёплом их пропасть...» И не теряет надежды на избавление от щемящего чувства пустоты, которое возникает после того, как срубили дерево. Но такой ели не находит. Исключительность и уникальность статной ели выделено автором: «Нет ни у кого такой ели».

Ель – опора Настасьи. И после потери ее ничего не держит старую женщину на земле. Мужа Алексея нет в живых, о детях Настасьи мы ничего не знаем. Отправляясь в ельник в поисках другого дерева, женщина оборачивается и смотрит на свой дом. «Дом ей кажется больным, старым, обиженным». Он так же болен, как и Настасья. Утрата ели возле дома разрушает ту живую гармонию, которая поддерживало всё окружающее пространство хозяйки дома. Ель – часть ее жизненного пространства, она и питала его своей энергией.

Читатель понимает, что Настасья не собирается умирать. После попытки в первый день найти ель женщина решает отправиться в ельник на следующий. Но ночью умирает и оказывается рядом с мужем. «Настасья снова в лесу. Ель выбирает. Вместе с Алексеем. Алексей в мягких ичигах, красной рубашке, молодой и улыбчивый. Настасья тоже молода. Но чудное дело: идет она, а трава под ее шагами не мнется». Молодость и улыбчивость, и то, что трава под ногами Настасьи не мнется, говорят о том, что героиня находится не в реальности, а в пограничном с жизнью состоянии.

Воссоединение Настасьи с мужем, лёгкость того пространства, которым грезит или в котором она находится, оставляют невесомое ощущение грусти и слабую радость от того, что теперь старая женщина свободна от своей болезни.

АСЛАН БАБАЕВ, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРУЖЕНИЕ ЖИЗНИ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Медленно тянется жизнь человека. Кончилось детство, и, кажется, ты всё тот же. Только мир почему-то другой и не способен больше тебя

удивить. Всё меньше остаётся границ, всё больше обязанностей. Появляется ощущение, что ты вошёл в повторяющийся цикл. Подъём, работа, еда, работа, сон и опять – подъём, работа, еда, работа, сон... Дни сливаются в непрерывную череду повторений.

Жизнь подобна прыжкам через скакалку. Сначала выходит так: спотыкаешься, не можешь поймать такт, просишь раскручивать медленно-медленно. А потом вдруг понимаешь, что без труда выбираешь момент для прыжка, предугадываешь, когда красный – весь в узлах-колтунах – жгутик коснётся земли. Скакалка кружится быстро. Не кружится – летит! И жизнь летит. И, кажется, ты уже научился жить. Когда надо – прыгаешь, когда надо – падаешь, несёшься вперед – быстрее и быстрее. Не спотыкаешься, не сбиваешься с монотонного ритма повседневности. И ведёшь себя так, будто нет конца канители под названием «жизнь». Не замечаешь – пролетают годы, десятилетия. Не замечаешь, как подходит твой час.

Так и Настасья. За жизненной круговертью, за великой тягой повседневности не заметила конца. Но, возможно, заметив, не считала нужным менять привычный ритм. Ходила в лес, искала новенькое еловое деревце на смену срубленному. И думала о том, что найдёт его не хуже прежнего. Лучше того, что привёз в молодости Алексей. И будет она, Настасья, любоваться елью, слушать, как ветер поигрывает её хвойными ветвями.

А старая ель? Красивая была. Ни у кого не было такой. До войны привезли. Росла тихонько, радуя хозяев статью, бархатными иголочками. Буднично в один день её лишают жизни. Вслед за ней уходит и Настасья. Посреди царствующей повседневности. Готовят напротив площадку для новой избы зувского зятя. Заглядывает со стройки Петрован. Повёз на зимовьюшку сухари Алексей. Заезжает с новыми порошками фельдшерица Валя. Все занимаются своими делами, повинуюсь мерному ритму жизни – прыгают через скакалку.

И, кажется, вечно так будешь двигаться в унисон с миром.

Но в какой-то момент замедляешься. Мир летит дальше. Ты всё оглядываешься и оглядываешься на пережитое, прислушиваешься к речке, к ветру, к ели... А ели больше нет! Потому что молчаливым согласием в наплыве равнодушия ты позволил ее срубить... И кружение жизни уже рядом – оно не для тебя.

О СБОРНИКЕ «ЧЕРЕЗ ВОЙНУ»

КАРИНА СТРЕБКОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КТО Я?

О воспоминании Д. Сергеева «Через войну»

Я не специалист в военном искусстве, поэтому премудрости войны в жизни и литературе для меня всегда принадлежат к абсурдной жестокости тайне, которая, я надеюсь, для меня не станет явной. Но есть те, для кого эта тайна раскрылась, нанеся незаживающую рану, которую не залечит ни один врач.

Эта рана не может быть напоминанием, это воспоминание. Она не наносится один раз – каждый день как впервые. Она переживается – её нельзя пережить. В рассказе Дмитрия Сергеева «Через войну» происходит попытка справиться с этим через повествование. То, что предстает перед читателем, это смешение времени и пространства: «там и здесь», «сейчас и тогда». В таком прочтении рана оказывается чрезмерно глубокой: даже сейчас, в относительно мирное время, герою приходится искать способы защиты от сильного потрясения, которое становится всё более актуальным с каждым написанным словом, здесь и сейчас.

Если у героя возникает сомнение или ошеломление, то требуется срочно найти успокоение, что я сегодня не умру, или найти отвлечение в технических приспособлениях и своих навыках. Словно артиллерия – это надежная прививка от смерти, а осознание того, что у героя что-то лучше получается, чем у новобранцев, гарантирует отсрочку от смертного часа. «Но я хоть знал, когда следует сорвать с предохранителя, когда метать. И бросал метко. А солдаты даже и болванок не держали в руках».

Если техника отказывает, то спасает подробное описание боевых действий или военного инвентаря, которое как бы заслоняет невыразимый ужас происходящего. Если опоры во внешнем мире не оказывается, то герой пытается положиться на себя. Но что такое «себя»? Кто я? Вероятно, многие задавались этими вопросами. И ответы приходили не всегда, часто откладывались на неопределенный срок. В рассказе около героя смерть проходит слишком близко, что обостряет чувство собственного существования. Невозможно медленно узнавать свою субъективность, невозможно медленно погружаться вглубь себя. Погрузиться нужно прямо сейчас.

Что человек вспоминает в первую очередь? Вспоминает школьные годы. Думает о ребятах из класса, которые внезапно стали осознаваться

как значимые: «Адресов ребят, которые теперь почти все воевали, я не знал. Тогда, кажется, я и додумался, через кого восстановить переписку».

От мыслей о школьных товарищах герой уходит глубже в прошлое. Ему приходит в голову мысль, что «в школе в эти дни как раз начались выпускные экзамены». Эта простая ассоциация превращается в способ познания новой военной действительности: «И само собой явилось на ум банальное сравнение предстоящего боя с испытаниями – завтра я буду держать свой первый экзамен. Не провалиться бы на нем». В сознании начинает выстраиваться схема будущих событий по аналогии с его проведением. Прошлый опыт становится опорой для понимания настоящего.

Герой погружается в себя глубже, находит опору и тепло в памяти о значимых отношениях с заботящимся человеком. Ещё шаг вглубь – и это тепло распространяется на тех, кто рядом. Затем оно уносит его в те времена, когда кончилась война. Значимый другой в послевоенные годы живет в квартире-«полуподвальчике», что символично: если бы он жил в «подвале», то достучаться до него в сознании было бы гораздо сложнее.

Теплые, основанные на симпатии, прошлые отношения с людьми переносятся на командира. Теперь этот человек оказывается нагруженным фантазиями: герой видит в нем опекающую и, безусловно, заботящуюся фигуру, которая способна понять и открыться навстречу. Вероятно, всё это происходит в голове у рассказчика: война не дает развиваться отношениям с реальным человеком, но фантазия разворачивается мгновенно.

В разгар боя не остается рядом никого. Даже внутри себя. Это подчеркивается употреблением бесчисленного местоимения «я». Если появляются другие, то исключительно персонажи внешнего мира, которых нужно расставлять как объекты, учить законам войны. Состояние одиночества разрастается до безумного страха так, что человек, как пишет рассказчик, «вовсе теряет рассудок, и в панике, ничего не сознавая, лезет под пули на верную гибель».

В итоге больше ничего не остается, кроме как затопить сознание всепоглощающим отрицанием смертоносного реального: «Я уже подумал: не будет никакой артподготовки, штурм отменили – когда ахнули первые взрывы». Или другой эпизод: «Не сказать, чтобы я особенно мучился страхом, но было тревожно... Я и тогда, сразу после боя и позже, удивлялся, сколь лёгким стало для меня “боевое крещение”. Лёгким в том смысле, что я не испытал сильного страха».

Главный герой постоянно колеблется от одного полюса к другому: «страшно до невыразимого ужаса – мне практически не страшно». Эта дихотомия не разрешается, рассказчик не замечает руководящей им оппозиции. Возможно, это то, что не нужно осознавать. Пусть это останет-

ся «черным ящиком», который не нашли при крушении символического авиалайнера. Но для наблюдателя страшно не то, что записано в «черном ящике», а сам вид той катастрофы, которая навсегда, к сожалению, останется в неизменном виде.

ПОЛИНА КОЗЛОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

МЕТАФОРА И РЕАЛЬНОСТЬ ОСВЕНЦИМА

О рассказе М. Просекина «Горячий пепел»

О военной прозе всегда писать непросто. Великая Отечественная война покалечила судьбы многих людей, и память о ней не только живет, но будет жить спустя века. Рассказ Михаила Просекина «Горячий пепел» – история об узниках концлагеря Освенцим, одного из масштабных лагерей смерти. История искренняя, живая. Несмотря на отвратительные условия, где человек мог бы спасти лишь себя, нашлось место героизму, чистой дружбе главной героини и девушки по имени Белянка. В военной прозе не так часто описывают судьбы женщин, да и судьбы концлагерников описывают крайне редко. Потому что страшно говорить. Человек, возвысившийся над другими и посчитавший, что может вершить судьбы, подобен Богу. Но человек не Бог. Нельзя давать ему абсолютную свободу: «Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого».

Я оцениваю произведение по тому, какие чувства оно вызывает. И хочу сказать, что остался осадок. Грусть и огромное желание, чтобы этого никогда не повторилось. Война уничтожает в человеке человека, уничтожает надежду и нравственные ориентиры. После такого вряд ли оправиться. Не оправилась и наша героиня. Она уехала на Дальний Восток, убегая от воспоминаний, от которых убежать невозможно. Горячий пепел – это пепел всех узников концлагеря Освенцим. В той печи сожгли не только Белянку. Печь похоронила души всех невинно погибших. И близких сердцу бывшей узницы.

Рассказ М. Просекина «Горячий пепел» – один из осколков истории о Великой Отечественной войне. Часть истории нашей страны. И именно благодаря таким произведениям – живым, искренним – мы не только узнаём, как все было, но и учимся. Учимся, что нужно оставаться человеком, уметь протянуть руку помощи, учимся уважению к павшим и живым. И самое главное – учимся ценить жизнь и мир, важнейшие на земле.

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ЗВЕЗДЫ СОБАЧЬИХ ГЛАЗ

О рассказе Ю. Баранова «Сильва»

Еще до прочтения рассказа, когда я увидела название, мне вспомнилось произведение другого автора, вероятно, прямо противоположного Юрию Баранову – «Ника» Виктора Пелевина, до сих пор заставляющее меня с подозрением относиться к произведениям, в заглавии которых вынесено женское имя. И при первом прочтении рассказа «Сильва» я, найдя параллель, неосознанно ждала чего-то подобного – игрового, неожиданного (в конце «Ники» выясняется, что весь рассказ перед нами была не любимая женщина главного героя, а кошка).

В какой-то мере я получила то, чего ждала. Только никакой игры уже не было.

Тема отношений человека с животными совсем не нова в русской литературе. Человек и животное во время войны встречаются реже, но, в целом, сюжет известный. Если сказать обычному человеку, что ему дадут прочитать рассказ о летчике и его собаке в самом начале войны, он, вероятно, будет ждать историю о том, как человек и его питомец прошли все тяготы тяжелого времени. Или как, например, собака – конечно же, это будет верная овчарка – спасла хозяина от гибели.

Но Сильва не спасала Дмитрия Яковлевича, летчика, главного героя рассказа, своего хозяина – хотя у меня нет сомнений в том, что она обязательно бы это сделала.

Сильву бросили.

Вообще образы собак в рассказе Юрия Баранова заслуживают особого внимания. Люди, в том числе и Дмитрий Яковлевич, хотя его как главного героя это касается в меньшей степени, обрисованы будто мельком. Запомнилось, что у Дмитрия Яковлевича была особая чайная церемония, похожая на медитацию у восточных народов; что он летчик; что у него беременная жена; что в очереди в сберкассу он встречает «фашиста» с золотым зубом; что у него был друг с собакой Агатой, матерью Сильвы, и этот друг на войне не стал ложиться на землю, побоявшись испортить новую гимнастерку, и потому получил ранение в плечо. Собственно, это все, что можно сказать о людях в рассказе «Сильва».

Зато почему-то отложилось в памяти, что Гриня – сторожевой пес Дмитрия Яковлевича – «внук кенгуру», не породистый пес, но привлекающий внимание всех соседей прыжками около забора и лаем в самой высокой точке. Дмитрий Яковлевич подобрал его маленьким щенком, на-

рушив данное себе обещание никогда не брать собак. Теперь он иногда ворчит на Гриню, но все равно называет его «хорошим псом».

Запомнилась стая бродячих собак под предводительством пса Адмирала, которых Дмитрий Яковлевич кормит каждый раз по дороге в сберкассу. Ходит он туда редко – раз в месяц, но «друзья» всегда встречают его с неизменной радостью, а Адмирал строго следит за порядком в стае.

И, конечно, Сильва. Сильва – дочь собаки друга Дмитрия Яковлевича; овчарка, перенявшая лучшие качества матери. Однако Сильве не смогли найти сразу хозяина, и Дмитрию Яковлевичу она досталась «переростком» – ей было больше трех месяцев, и у нее сложился характер. Дмитрий Яковлевич, уводя собаку к себе, представляет, как они будут гулять по улицам, и красивая овчарка будет верно вышагивать рядом с ним. Но Сильва не покоряется. Вредничает. Книжки ест. Но, в конце концов, отдает человеку свое собачье сердце, готовая идти куда угодно. Происходит так, что человек оставляет собаку, подчиняясь приказу, признавая факт, что с собакой в кабине военного самолета нельзя ни летать, ни стрелять.

На первый взгляд, «Сильва» – рассказ о верной и просто замечательной собаке. Но основная мысль глубже. Она не о том, что собаки замечательные, что животных надо беречь и никогда не предавать. Она о том, что людям, добившимся высот во многих областях науки и техники, стоит поучиться у животных.

Собаки не ограничены нормами, моралью, правилами приличия. Они искренние. Дмитрия Яковлевича соседи воспринимали нелюдимым, необщительным, все разговоры с ним ограничивались приветствиями. И Гриня – пес необычный, потому что «внук кенгуру». Он не только занимает пустоту, образовавшуюся в сердце Дмитрия Яковлевича после потери Сильвы, он напоминает, что самое главное – оставаться собой и быть искренним.

Люди в очереди в сберкассу представляются главному герою разрозненной безликой массой. Каждый человек существует в своем мире, и то, что происходит за его пределами, его не касается. Мысль о людской разрозненности усиливается монологом Дмитрия Яковлевича: «Да пусть нынешние политики рассуждают, как хотят. Мы от одного корня. Росичи жили на реке Россь, от Киевской земли Русь пошла. И не в том дело, кто кого главнее, а в том, что нельзя нас было разделять. Мы же проросли друг в друга». Люди разъединены, корни разорваны. А рядом с людьми стая бродячих собак, которые потому и живы, что вместе, и у которых есть вожак, устанавливающий правила и следящий за их соблюдением: «... как собаки дружно набрасываются на еду. При этом, наблюдающий за

порядком Адмирал не дает им драться и отталкивать слабых». Этим собак предали люди. То же произошло и с людьми, которых разъединили. Но собаки все равно вместе. Люди – нет.

Сильва-«учитель» напоминает, что иногда следует переступить через себя, через страх, и остаться верным, в том числе самому себе. Сильва бросилась бы за хозяином в огонь и воду. Она бежала за его самолетом по взлетной полосе до последнего и, вероятно, умерла от тоски. Именно поэтому неоднозначно на фоне такой преданности воспринимается человек, пожалевший новенькую гимнастерку и поплатившийся за это.

Всю жизнь Дмитрий Яковлевич мучается тем, что оставил Сильву. Но, мне кажется, он усвоил уроки братьев наших меньших. Он помнит верного друга, и неслучайно первые звезды смотрят на него с неба, «как собачьи глаза из далекого прошлого».

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЁВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

СБЛИЖЕНИЕ МИРОВ

*О рассказе-притче А. Байбородина
«Утром небо плакало, а ночью выпал снег»*

Автор определил свое произведение как рассказ-притча. В этом оно оправдывает себя. Рассказ действительно заключает поучение, моральное и религиозное. Примечательным является эпиграф из Евангелия от Матфея. «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Рассказ построен интересно. Представлены два мира глазами разных повествователей. Первый – глазами старика, прожившего долгую и трудную жизнь, второй – глазами старой собаки, оставленной хозяином. При этом обращает внимание очеловечивание собаки. «По городу волочился выживший из ума облезлый пес, которого хозяин взащей выпихнул со двора. Пес ничего не мог понять, а чтобы не рвать душу горькими думами, поплелся в город». Писатель тонко изображает психологию брошенного животного, показывая, что в ней есть человеческое.

Последние дни старика и собаки протекают параллельно. Читатель видит соответствия в образах, поведении и чувствах двух героев. «Пес ковылял следом на своих остаревших лапах... отощавший – кожа да кости, измученный». И описание старика. «По городу шел старик. Шел тихо-тихо, и желтоватое лицо его, усохшее и костистое, светилось покоем. Глаза слезились и водянисто синели, слезились <...> увядшими,

синеющими губами <...> И Бог весть, куда он теперь ковылял на своих истомленных, сношенных ногах <...>» Слова при изображении старика и собаки совпадают, эпитеты имеют сходную семантику. Это создает эффект единого образа старика и собаки – живых существ, оказавшихся в пограничной ситуации.

Если, характеризуя собаку, автор подчеркивает человечность, то при описании человека сближает старика с животным. «Он же порой зло тербил и вздымал по-младенчески пушистые и насквозь проглядные, инистые волосы, обнажая овраги висков, какие бывают у лошадей, когда они падают в изнеможении».

В рассказе открыт исторический пласт, прошлое. Описываются чувства солдат, оказавшихся на войне. И вновь проводятся параллели, теперь уже между миром старика, миром собаки и миром солдат. Писатель использует прием, благодаря которому ощущается единство миров. Автор использует в начале нового фрагмента рассказа однокоренные слова, которые заканчивали предыдущую часть, ведущую повествование о другом мире. Для создания цельной картины, сближения исторически-военного и современного мира писатель использует военные метафоры в главах о мирной жизни. Так, «по улице тупо и медленно, сплошным и грозным потоком, словно в атаку, ползли машины». Читатель понимает, что один из тех солдат – это старик. Военное время – его юность.

Одним из значимых в рассказе является образ девочки. Девочка отдала свой пряник несчастной собаке. Ребенок – то, что создается обществом, детство – метафора потерянного рая, счастливого бытия, жизни, полной сил и надежды. Неслучайно старик вспоминает о своем детстве. Важен контраст двух планов: воспоминания старика и реакции окружающих на него в этот момент.

У женщины, торговавшей на рынке, старик вызывает чувство приближения смерти. «Та испуганно отпрянула от старика и будто даже осенила себя незримым крестом. Кажется, ей почудилось, что на нее дохнула смерть». С этого момента в рассказе начинает проявляться потусторонний мир, в который постепенно переходит старик. Интересен и образ цыганки, продававшей медные нательные крестики с распятым Христом и Царицей Небесной. Прежде всего, тем, что образ цыганки в русском сознании связан с мотивом страсти, инферальности, с адом.

Можно обратить внимание на образ арки. Арка – портал перехода из мира профанного в мир сакральный, вневременной. В некоторых обрядах прохождение через арку означало окончание старой и начало новой жизни. Образ представляет тот мир, в который переходит старик. «Он оглядел арку, похожую на могильный склеп». Причастность старика

к миру неземному представляет реакция молодой пары, увидевшей старика. «Молодые оторопели, словно им явилось бледное, бескровное видение из тоскливого, замогильного мира».

Старик умирает в конце рассказа. Его тело находит дворничиха. Незадолго до смерти человека встречает собака, судьба и образ которой были подобны судьбе и образу старика. Эта встреча была глотком воздуха для умирающего. Собака заставила его вновь улыбнуться и почувствовать тепло мира, который он покидает.

«Еще боясь поверить, боясь спугнуть оживающее видение, старик не открывал глаза, вытягивал наслаждение, потом медленно отпахнул веки и по-детски солнечно улыбнулся – подле него сидел такой же ветхий, как и он, сиротливый пес, только что обливавший ему лицо и руки. Младенчески беззубая и бездумная улыбка тронула синеющие стариковские губы, будто неведомый и случайный среди морока солнечный луч согрел восковое лицо старика; и, как бывало в его деревенском детстве, неспешно и протяжно погладил, почесал за ушами, висящими словно лопухи».

АСЛАН БАБАЕВ, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

НЕДЕТСКАЯ / НЕ ДЕТСКАЯ ВИНА

О рассказе В. Журавлёва

Главный герой рассказа Владимира Журавлева «Недетская вина» – Иван Захарович, по-простому дядя Ваня. Неприметный на вид – щуплый, среднего роста, он на своём веку повидал столько, сколько хватило бы на несколько жизней. Кавалер многих боевых наград, ветеран финской и Великой Отечественной войн, танкист, участник сражения под Курском, он дважды бывал в подбитом танке, дважды был в нём контужен, ходил в рукопашную атаку, где оказался серьёзно ранен.

Существует грань того, что может выдержать человек. После неё трудности больше не закаляют характер, они его ломают. Как ни старайся, а больше не можешь двигаться дальше, создавать новое, думать о чём-то другом. Сломленный человек обречён постоянно переживать одни и те же моменты жизни. Так и Иван Захарович. Война в его памяти продолжается.

Мальчишки не могли не заметить эту особенность дяди Вани. А дети есть дети. В силу своего возраста они не успели развить в себе той степени чуткости, которая требуется человеку для того, чтобы пожалеть слабого, больного, увечного. Вот именно, увечного. Вот и стала детвора потешаться над героем войны. Как же смешно дядь Ваня скачет! «Воюет»

– так они это называли. Дождаться дядю с работы, окружить, наполнить его голову наглыми вопросами – устроиться поудобнее и смотреть представление. А дядя Ваня не с ними, с фашистами «воюет». Остаётся только подначивать, чтобы тот прыгал в канавы, как в окопы, зарывался лицом в грязные лужи и «стрелял» из пулемета.

Весь ужас таких поступков, их уродливая и низкая подлость нагоняют нескоро. Нагоняют, когда на том месте, где мы были, уже другие люди. И эти другие, посмотрев на прошлые свои «свершения», осознав, что никак их уже не исправить, испытывают стыд, который не покидает до глубокой старости, до немощи, а, может, и после.

От того и вина «недетская». Ребёнок, чем он виноват? Теперь недетскую вину берёт на себя уже взрослый. Полновесно и полноправно. Вина не сползает с него вместе с взрослением. Человек не «вырастает» из вины, остаётся с ней на протяжении всей жизни.

Ужасен поступок детей. Но разве могли они знать о чём-то настолько страшном и отвратительном как война? Разве представлял себе кто-то из них войну такой, какой она являлась на самом деле – в ее пекле? Недетская вина – это вина, которая попросту велика для ребёнка. То, что маленький человек совершать не должен был бы, но почему-то совершил.

А если вина, в самом деле, «не детская»? И виноваты вовсе не дети?.. Война. И даже издохнув, она не отпускает человека. Костлявыми клешнями держится за воспоминания, проникает в настоящее, не даёт проклюнуться будущему.

Несомненно, в двойном названии рассказа (задумано так или нет) заключается глубокий смысл. Две темы произведения – тема вины и тема войны – переплетаются между собой. Благодаря их соединению и возникает тема памяти.

Память дяди Вани о войне – его пребывание на ней. Память повзрослевших детей о жестоких забавах – в чувстве вины. Тяжким бременем война давит на всех. Им от нее не избавиться. Всё, что остаётся: продолжать с этим жить. Принимать себя такими, как есть, и стараться, стараться, стараться...

О ПРОЗЕ АНДРЕЯ АНТИПИНА

КАРИНА СТРЕБКОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ДРАГОЦЕННЫЙ ПРАХ

О повести А. Антипина «Горькая трава»

В центре повести Андрея Антипина «Горькая трава» герой по имени Саня Золотарёв. Любопытен выбор фамилии. Слово «Золотарёв» образовано, очевидно, от «золотарь». Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой даёт три значения слова: «1) золотых и серебряных дел мастер; ювелир; 2) старатель на золотых приисках; золотник; 3) тот, кто занимался очисткой выгребных ям; ассенизатор».

Заметно, что первое и третье значения противоположны по семантике и ассоциациям. Ювелир – профессия тонкая, кропотливая, требующая особого мастерства. Драгоценные камни и металлы – неотъемлемый атрибут роскошной жизни. На другом полюсе – ассенизатор, тот, кто занимается нечистотами, тем, что не имеет значимости для людей, тем, что смешивается с грязью. Возможно, автор имел в виду оба значения, поскольку про Саню говорится, что «...он с детства уважал чёрно-белые размашистые фильмы <...>. Цветные ленты презирал». В начале повести акцентируются противоположные тенденции в характере Сани, в котором промежуточных состояний как будто и не существует. Наличие оппозиций подсказывает, что блеск золота был, но Саня выбрал прах.

Значение «борьба с отходами, отжившим и отвратительным» всё больше проявляется в судьбе главного героя. Неприкаянная, которую автор заявляет в начале, – «ничто Саню не держало, всё-то он подбирал службу по себе, но какой он есть – это звёздное поле Саня к сорока годам и сам, кажется, не освоил» – относительно разрешается, когда герой в бегах находит работу на кладбище. Его сознание будто искало место, где он найдет «чудесный выход» для «непонятной боли, которую будто бы нажил в деревне <...>. ... всё-то мечтал забыться, затвориться, провалиться в тартарары и там, в дремучей глубине России, в беспомыслном молчании духа, услышать самого себя, голос родных мест в одичавшем себе, и однажды аукнуться на него, явиться к отчему порогу блудным сыном, но не горькой нужды, а по высшему требованию сердца и совести».

Саня пытается посмотреть внутрь себя, но как будто не может найти подходящего пространства, в котором это стремление реализуется. Хронотоп кладбища, где герой больше всего задерживается, с одной стороны, становится пространством, в котором возможна рефлексия. С

другой стороны, кладбище – отражение внутреннего мира Сани. «Саня, как палёную водку, проглотил и своё бездомное одиночество на земле, никчёмность всего, чем он до этого дышал, и увидел за собой сгоревшую степную полосу, а впереди совсем ничего, только мрак, пустоту, да зияющее открытым сердцем кладбище, и содрогнулся навек растроченному себе...»

В повести обостренно разыгрываются полярные ситуации, наполненные одновременно трагизмом и комизмом. Заметно, например, в ситуации «первых профессиональных похорон», в которых участвовал Саня: «Едва гроб опустили на телегу, как на вольном духу лицо старухи почернело <...>. Саня боялся взглянуть на покойницу, обмирая от глухого стука крышки, прыгнувшей на кочках. Юморист сел на крышку, и его невымытые клокастые волосы <...> беспечно качались у Сани перед глазами. Саню мутило, бросало то в жар, то в холод <...>. Гондурс, <...> надышав на Саню гнилыми зубами, <...> подал ему солёный от слюны окурок: – На, керя, сделай пару зябок!» Люди от круговорота смерти, которую им приходится наблюдать каждый день, выстроили защиту в виде острот и смеха. У Сани это не получается и, вероятно, не получится, поскольку он изначально живёт в смерти. Это его бытие. Главный герой пытался бежать, уйти от внутреннего источника смерти. Но, как известно, куда бы человек ни пошел, он берёт с собой себя. На самом деле главный герой бежит кругами.

На кладбище Саня задумывается о своих корнях. Получение знания о самом себе невозможно без обращения к личному прошлому и отвратительному. Отвратительное, происходящее метафорически из акта рвоты, точно позволяет определить, где находятся граница субъекта. Через столкновение с отвращением на похоронах Саня задумывается над тем, что все происходящее относится к нему. Возникают мысли о родных: матери и брате. В памяти появляется ребёнок, которого мать пугала громом, что может разразиться над головой за грехи. Страх фигуры, которая может наказать, какое-то время держал «Саню в узде». Но потом у него внутри такого сдерживающего начала не стало.

В душе главного героя скрыто много боли и сосущей тоски, которые ему невозможно вынести. Бесконечные размышления не приносят человеку покоя. Саня не может вынести чувство смертельной безысходности и усталости, вывести все это за пределы себя и «прикрепить» к внешнему объекту. Они остаются внутри, доводя его до попытки самоубийства.

Сюжет о блудном сыне, к которому повествователь отсылает читателя в середине повести («явиться к отчему порогу блудным сыном, но не

горькой нужды, а по высшему требованию сердца и совести»), в конце не реализуется в классическом варианте. Милостивая любовь и тепло между отцом и сыном обращается во встречу ненависти и гнева между братьями. Но любовь все-таки побеждает смерть... Снова.

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЁВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

НЕСМОТЯ НА ТРАГИЗМ

О повести А. Антипина «Капли марта»

Если бы у вас спросили, о чем повесть Андрея Антипина «Капли марта», что бы вы ответили? Я бы ответила, что эта повесть о жизни. О жизни обычного человека, в которой переплетается трагическое и комическое; в которой есть место горьким слезами, звонкому смеху; в которой присутствуют душераздирающая боль, обида, непонимание и искренняя радость.

В повести нет сложно закрученного сюжета, резких поворотов событий и неожиданного финала, но от этого она не становится хуже. В такой простоте кроется нечто пленительное, что позволяет читателю погрузиться в мир, который изображает автор. Мы словно оказываемся в деревне, в которую привезла бабушка внука, переживаем с героями их жизненные радости и печали. Вот бежит Летчик, отношения мальчика с которым вызывает нечто иное, чем умиление; вот небольшой уютный дом с печкой, в котором живут герои; вот двор с высоким забором, за пределы которого бабушка строго запрещает выбегать внуку. Все кажется близким, знакомым, словно ты сам находишься в этой деревне.

Но если сюжет прост, то язык повести заставляет предельно сосредоточиться и, возможно, перечитать по несколько раз отдельные фрагменты. С чем это связано? Вероятно, с тем, что писатель стремился достичь максимального погружения в мир, в котором находятся главные герои. Это мир преимущественно деревни, жители которой, как правило, являются носителями просторечия. Такой предстает бабушка, язык которой трудно воспринимается читателем. Но к концу повести так привыкаешь к героям, к их языковым особенностям, что многое, что несколько страниц казалось затруднительным, принимаешь как обычное, естественное.

Интересно посмотреть на мир глазами главного героя – маленького мальчика, вспомнить, что детство – период, когда все представляется иным, непонятным (что же, например, такое «загадочный Восьмой Март», или что за «розовый живой комочек в тряпичной обертке»?). В детстве волнует множество вопросов, которые в зрелом возрасте не имеют

значения. Но некоторые вопросы – философские. Рассуждать о некоторых осмелится не каждый взрослый.

«Встать, разве, под крышу и попить капелек, а потом умереть, чтоб бабушка не ругала? Всё равно мама завела себе Розового». «Вот сейчас! Ещё раз! два! три! четыре! пять! шесть! капелек – и он будет полон, упадёт замёрзшей сосулькой в снег, а пока мама хватится и придет, он уже растает и убежит в землю, прорастёт зелёной травой. И потом уж никто, никто его не найдёт!» Эти наивные, но полные трагизма размышления мальчика показывают, насколько чуткой и восприимчивой может быть душа ребенка, и как легко вызвать страшные мысли в сознании маленького человека.

Тонкий психологизм – одна из особенностей повести Андрея Антипина. До глубины души трогают переживания каждого героя. И бабушки, которая, хоть и сердится, но очень переживает за внука и за дочь. С какой же болью отпускает она мальчика обратно в город! «Бабушка укатилась в горницу и тихо плакала за раскрытой дверцей шифоньера, сося слёзы вперемешку с капельками из тёмного пузырька». И мамы, чьи чувства понятны читателю в моменты, когда сын от обиды и несправедливости отказывается говорить с ней по телефону или убегает из больничной палаты. Этот момент показался самым трагичным в произведении.

«И мальчик, отвернувшись от мира к окну, где в синем небе светила жёлтая долька, а загадочный Восьмой Март размочил снег на берёзах... За то, что мама не смотрит на него, всё внимание, как солнце свой свет деревьям, отдав розовому человечку. Что бабушка стала другой. Что рогатку забыл дома. Что в комнате пахнет апельсинками, а ему эти жадюги не дали ни одной. Что все кругом смеются, даже овальная Китиха, которая уж и смеяться-то не может – такой глыбой вздулся её живот, – а только тихо сотрясается вся и мокнет сверкающими, чуть вытарашенными весёлыми глазами... А до него им и дела нет! И когда бабушка с улыбающимся человечком подошла к нему, чуть слышно, тайком от мамы предупредив: “Смотри, не зажми у него чего!”, он (откуда силы взялись?!) небрежно отстранил бабушку и, не видя ничего, бросился из комнаты».

И все-таки, несмотря на трагизм повести, в ней есть что-то очень доброе, теплое, согревающее душу.

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

БЫСТРОЕ ДЕТСТВО

О повести А. Антипина «Капли марта»

Произведения Антипина очаровывают тем, что если не начинаешь в них разбираться, они кажутся простыми. Рассказ «Зачем?..» – рубить деревья плохо, спасать их хорошо. Повесть «Капли марта» – мать все равно будет любить своего ребенка, да и вообще материнская любовь преодолет любые преграды. Так сначала думала и я, пока взгляд не зацепился за фразу: «Но думы эти были редкими и все равно что чужими, как будто мальчик думал их не своей, а посторонней головой».

Признаться, если бы с самого начала не знала, что главный герой повести – маленький мальчик, предположила бы, что повествование ведется от лица взрослого мужчины, вспоминающего детство. У него серьезные, глубокие мысли, последовательные и интересные рассуждения, которые многие из нас с трудом могли бы связать с пятилетним ребенком. Способствует ощущению, что главный герой не ребенок, «кинематографичность» повести. Автор настолько точно, полно и ярко описывает ощущения героя и пространство, окружающее его, что читателю невольно начинает казаться, будто он сам стоит под крышей и пьет холодные «капли марта». Думаю, такое ощущение не случайно.

Тёмка-то ведь, правда, не ребенок.

Известно, что у мальчика был отец, но ребенок его помнит смутно, потому что он «уехал на Украину». Однако мама Тёмки молодая и, вероятно, решила не посвящать всю жизнь его воспитанию. У нее возникают новые знакомства, про которые бабушка высказывается весьма красноречиво: «Ну и вертолобая ты!» И пока мама Тёмки находится в роддоме, мальчика отправляют к бабушке.

Сложно сказать что-то о родителях мальчика: нигде в повести не упоминается, что к нему плохо относились или его не любили. Но духовной связи у Тёмки ни с уехавшим отцом, ни с матерью, о приезде которой он мечтает и видит ее неясный образ в солнце и деревьях, нет. Тем не менее, ребенку нужен ориентир, тот человек, которому он бы мог подражать. Таким человеком для него, в конце концов, становится бабушка.

По ходу чтения возникала мысль, что Тёмка – уменьшенная копия Клавдии Еремеевны. Говорит он так, как она. Показателен факт, что ребенок, как и бабушка, называет свою мать «дурой». Он противостоит Клавдии Еремеевне ее же методами. Та категорично запирает его дома – он, не менее категорично, сбегает. Даже когда Тёмка пьет мартовские капли, он

проводит аналогию с бабушкой, у которой есть свои, сердечные капли. И, в конце концов, именно слова бабушки приводят к тому, что Тёмка соглашается принять родившегося брата. Примечательно, что, когда с мальчиком об этом по телефону говорила мама, он злился и стремился закончить разговор.

Тёмка, вдохновившись бабушкой, взрослеет быстрее, чем нужно. Клавдия Еремеевна противоречиво поддерживает его, говоря, что мальчик теперь стал старшим братом и потому больше не увидит ни корки хлеба, ни апельсинов.

Интересным оказался эпизод, когда мальчик стоял под крышей и ловил ртом холодные мартовские капли. Изначально он пил их, чтобы умереть. «Встать, разве, под крышу и попить капелек, а потом умереть, чтобы бабушка не ругала? Все равно мама завела себе Розового, и ей не будет печально, если мальчик больше никогда к ней не придет. А у бабушки есть капельки в аптечном пузырьке, она наберет их в рот и переживет его отсутствие...» Само словосочетание «капли марта» невольно заставляет думать об обновлении, очищении, о чем-то спокойном, теплом и радостном. Но для Тёмки эти капли, с одной стороны, становятся лекарством – не случайно именно после болезни он задумывается, что Розовый не такой уж плохой. С другой стороны, капли все-таки «пересилили» его. Сначала они, а потом слова бабушки («Ее исправные добрые слова, словно капли с крыши, проели, наконец, и его загрубевшее, обросшее коркой сердце...») окончательно завершили превращение ребенка во взрослого.

Тёмка не ребенок больше. Тёмка взрослый.

Неоднозначно можно понять, что в финале мальчик все-таки уезжает с матерью. Он оставляет место, где он стал взрослым. И капли марта словно знаменуют новую жизнь, где он снова может побыть маленьким. Его провожают друзья-мальчишки, он больше не сможет носиться вместе с ними, рвать штаны и возвращаться домой грязным. Бабушка его любила, по-своему любила. Теперь все внимание мамы будет в большей мере доставаться маленькому Розовому.

Сложно сказать, как сложится судьба Тёмки дальше. Но детство его прошло слишком быстро.

АСЛАН БАБАЕВ, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ЗАМЕТИТЬ «МЕЛОЧИ»

Повесть А. Антипина «Капли марта»

Чем отличается детское сознание от сознания взрослого человека? Пожалуй, легче сказать, чем оно не отличается. Как-то так выходит, что в определенный момент мы перестаём дивиться тому, насколько чудесен, необъятен и необычен окружающий мир. Для взрослого человека расстояния сокращаются, время ускоряется. Огромный двор, где раньше пропадали целыми днями, проходишь не глядя. А дни, когда-то длинные-длинные, пролетают, не успеваешь моргнуть.

На месяц Тёмка уехал к бабушке. А сколько всего случилось и сколько успелось! Да-а, это не работа и не учёба. Надо по двору погулять, с Лётчиком повоевать, наполнить вязкой снежной кашницей забытые бабушкины галоши, посадить яблочных семечек к бабушкиной герани, поучиться кататься на велике, поозорничать и, конечно, с обиды и отчаяния испить студёных мартовских капель. Ребёнок каждый день проживает по-разному. Для него они, эти дни, что для взрослого – месяцы и даже годы. Каждый день ребенок с легкостью отличит от другого, наполнит неповторимым содержанием, оживит в памяти. А после – забудет. Зачем держаться за прожитые дни, когда впереди их столько?

Как же это долго – месяц! Весь март! За столь долгий срок Тёмка успевает смертельно обидеться на маму, простить её, ужасно по ней соскучиться, поплакать о ней, а после потихоньку забыть. Дети не успели так посуроветь, как взрослые. Любые трудности они воспринимают как конец жизни. Но дети отходчивее. В этом их неоспоримая сила перед взрослыми. Погорюют, да позабудут. Такова детская непосредственность – не могут они долго горевать по утерянному! Тем более, что с последней встречи прошёл целый месяц.

Проблемы у взрослых и у детей тоже разные. У взрослого человека они серьезней, вот только отношение к ним другое. Борьба за тёплый кров и пищу воспринимается как каждодневная рутина. Пустяки. Гораздо страшнее остаться наедине со своими мыслями о жизни, о будущем, о предназначении и о судьбе. Для детей всё не так. Мир с его проблемами и волнениями слишком непонятен, слишком абстрактен. Дела взрослых, их вечные хлопоты и заботы кажутся бессмысленными, надуманными. Для ребёнка мир – это двор, дом, мама. В маленьком дети видят огромное.

Представьте, большую часть вашей жизни от вас оторвали. А главный защитник, кормилец и благодетель, ваш Бог, обзавёлся новеньким – в

не побледневшей ещё розовенькой коже – комочком. И тот только и умеет, что кричать, плакать и забирать материнскую ласку-заботу, до этого целиком и полностью принадлежавшую вам.

В каком-то смысле детство закончилось. По крайней мере, та часть, в которой вы были центром, в которой принадлежали себе одному. У вас появилась почётная, ответственная должность – старший брат. Теперь, по примеру мамы, вы станете опорой, примером и защитником. Обо всём этом Тёмка пока не думает. Однако, смыслённый не по годам мальчик догадывается, что жизнь не будет уже прежней. Тяжело ему с этой мыслью смириться. Но деваться некуда. Остаётся вздохнуть и стать старше.

Об этом весь рассказ. О взрослении, о переменах, о любви и о том, какая она бывает разная. Любовь ребёнка к матери – по-детски эгоистичная, но всё-таки искренняя, чистая. Любовь бабушки – грубая, шершавая, как хозяйственное мыло, но крепкая, бесконечная, заботливая, тревожная. И, конечно, любовь матери, всепрощающая и абсолютная.

История о мелочах, которые, скапливаясь, составляют в целую жизнь, и о ребёнке, который эти мелочи всё ещё замечает.

ИРИНА ЗАРУБИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КТО ЗАБОТИТСЯ О СОЛНЦЕ

Повесть А. Антипина «Капли марта»

Мартовская ранневесенняя капля – одно из приятных состояний года: свежесть, тёплое солнце, звук рождения новой жизни. Пятилетний мальчик Тёмка в это переходное время мира переживает перемены: у его мамы появился ещё один ребёнок, Розовый человечек, который будет получать все апельсины, все конфеты и всю ласку, а Тёмке только и останется что апельсиновая кожура. По крайней мере, мальчик так представляет себе новую жизнь из-за ревности, потери и одиночества. Это чувство вызывает протест, бунт, и не только по отношению к маме и бабушке, но и каплям: «Легко капелькам, объединившись с солнцем, оборвать несчастную тоненькую сосульку! Пусть они-ка его попробуют-ка свалить!»

Он больше не нужен. Эту мысль мальчика подтверждает и бабушка Клавдия Еремеевна: «Будешь ему на Новый год свои апельсинки шелушить: себе – корки, ему – саму сладость!» Но она говорит это не из вредности, а от собственного одиночества. Какие-то детали в повести объясняют это. В доме упоминаются вещи и предметы, относящиеся к покойному дедушке Тёмки, мужу Клавдии Еремеевны: «его шуба, вставленное им в шифоньер стекло, удочка, запас мыла». По-человечески жалко бабушку:

при чтении я больше всего обращалась к ней. Её тихая тоска, грусть, выражаемая в народных песнях, неловкое выражение чувств и каждый раз обращение за утешением к капелькам из тёмного стекла (как младенец к груди) что-то переворачивает внутри, заставляет переживать за неё как за близкого человека. Она – человек-свет. Ведь порог её дома – радуга-порог, а ее руки перевёрнутой радугой держат младенца.

Интересно, что Тёмка, наблюдая за капелью сосуллек, воспринимает их как капельки из бабушкиной бутылочки, едкие капельки. Он пытается пропасть из мира, исчезнуть, узнав потерю материнской любви. Исчезнуть, раз ему больше не достанутся поцелуи в макушку. И в какой-то мере ему это удаётся: не совсем исчезнуть, а раствориться в мире, в игре, в потоке, в деле. Это помогает утешиться, забыться. Можно назвать это одной из стадий взросления – умением справляться с внутренней болью. Но важнее, как мне кажется, для мальчика умение говорить с собой: с собой, с книжкой, с часами, с кастрюлями, с горшком на окне... Этому он научился в одиночестве, как научился видеть маму, когда её нет. Научился утешать себя (парадоксально, что такое утешение болезненно).

«Капли марта» относятся к каждому персонажу повести (образ капели связан даже с Коричневыми Ботинками, которые видят в них обиду). Это повесть о людях, которые в одном образе, в одной действительности видят отражение себя.

И хочется, чтобы было больше такого виденья, как у Тёмки, который заботится о солнце и видит его в одной капле. И хочется, чтобы мы могли замечать эти множества жарких солнц, которые могли бы согреть наше сердце.

Интервью: Юрий Фофин

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Юрий Фофин по итогам творческой программы IV всероссийского Сопевания молодых литераторов в Химках рекомендован к принятию в Союз писателей России.

Путь в профессиональную литературу челябинского прозаика начался со знакомства с писателем Владимиром Михеевым. Михеев вёл кино клуб при челябинском киноцентре им. Л.Оболенского и возглавлял литобъединение «Синий лес». В литературной студии Юрий Фофин учился основам мастерства, а участие в различных совещаниях молодых писателей помогло начинающему автору расширить круг знакомых, усовершенствовать технику письма, влиться в современный литературный процесс и стать его заметным участником.

Сегодня Юрий Фофин – руководитель Челябинского ЛИТО «Мол-Лит», член экспертного и образовательно-критического отделов Совета молодых литераторов. Член Союза писателей России.

В интервью мы пытаемся разобраться в сложной литературной среде, в которой живёт и работает современный автор.

По образованию вы филолог, преподавали в колледже литературы. Когда вы осознали себя как автор, почувствовали, что можете рассказывать свои истории?

Преподавал я всего год, и преподавание мне давалось мучительно. Литератором я никогда не мечтал стать, хотя в школе мог сутками напролёт болтать с ребятами. Я думаю, что когда есть потребность в трансляции своих переживаний, это уже является проявлением авторства. Может быть, авторство начинается с удивления. У Андрея Платонова есть такая строчка: «...Родившись, он удивился и так прожил до старости с голубыми глазами на млаожавом лице...» Авторство – это способность удивляться, переживать и рефлексировать.

А вот непосредственно думать об этом я стал... мне кажется, у всех авторов есть такая история, когда родные их не поддерживают. Кто-то из известных советских актеров рассказывал, что когда он сообщил родителям о намерении стать актером, ему сказали: «Ты с ума сошёл!» Мне

всегда говорили, что писатели – это Толстой, Пушкин, а в наше время какой писатель-то может быть? Поэтому я никогда об этом не мечтал. Я понимал, что время, условия, и прочее... Но, как это у всех случается, попал в творческое окружение, и мой учитель – писатель Владимир Михеев, который, к несчастью, год назад ушел из жизни, благословил меня на это.

Сквозным мотивом ваших произведений является мотив сиротства. Центральными образами в рассказах являются фигуры отца, матери и ребенка, который не может найти себя в этом мире. Меня очень тронули те ситуации, в которых вы изобразили отца. В рассказе «Проснешься ночью...» отец занимается спортом, ведёт здоровый образ жизни, возвращает в гнезда упавших с чердака птенцов. В рассказе «На пороге светлых дней» фигура отца диаметрально противоположна: он – афганец, контуженный, которому непросто устроиться в мирной жизни, алкоголик. И в том, и в другом случае мальчик злится и ненавидит своего отца, упорно ищет то, что делает их разными, а, соответственно, чужими друг другу. Откуда в ваших рассказах взялась эта тема?

У меня с отцом всегда были довольно сложные отношения, можно сказать, никакие. Отношения отца и сына были деструктивные, неполноценные, имели какой-то временный характер. У меня всегда было ощущение, как вы сказали, сиротства, разорванности отношений между людьми, противостояния. Отец – это наш родитель, тот, кто существовал до нас, и я всегда ощущал деструкцию между мной и предшествующим временем. Я рос и осмыслял себя в девяностые годы. У меня не было ни капли оптимизма, я не понимал, что происходит. Советский Союз я не успел захватить, поэтому, с одной стороны, у меня ничего не рушилось, а, с другой стороны, я сразу вошел в хаос, жил без ощущения почвы. Чувство полного распада и деструкции и вылились в такие образы.

В рассказах вы показываете героев в измененном сознании. Почему вы выбираете сон или сумасшествие?

Почему я беру этот материал?

Это очень интересно в ключе ваших рассуждений про деструкцию.

В этих состояниях я чувствую, что я ближе всего к какой-то условной истине. Они меня больше всего захватывают. Мне тяжело даются диалоги, у меня мало сцен с диалогами. Я не способен их сделать, потому

что просто этого не знаю, не чувствую себя в обществе настоящим. Я не социализировался, чувствую себя в своей тарелке только наедине с собой, в измененных состояниях. Для меня это мой материал, в котором я могу как-то реализоваться. Собственно говоря, автор берет всегда что-то близкое для себя. Сны, состояния измененного сознания занимают большую часть моей жизни. Больше всего меня интересуют индивидуальные внутренние переживания человека.

Вы закончили психологический факультет. Когда вы пишете рассказы и выстраиваете сюжет, в вас включается внутренний психолог?

Я об этом никогда не думал, но, скорее всего, это проявляется. На психолога я пошел не из-за профессии, а из-за того, что психология якобы изучает душу человека. Интерес к познанию внутренних переживаний человека – это единое ядро между факультетом психологии и моими рассказами. Вместе с тем я замечаю, что мои рассказы работают как терапия. Однако я в этом смысле психолог-хирург. Я пробовал работать психологом, но пришел к выводу, что мне приходится применять болезненные средства для излечения, а в итоге ещё неизвестно, излечится человек или нет. И я отошёл от этого...

...И пришли в литературу...

Да, литература оказалась ближе. В психологии не нужно глубоко работать, нужно просто помочь человеку, вывести его из каких-то заблуждений. Литература работает гораздо глобальнее. В литературе не нужно бояться причинить человеку боль. Меня в этом часто обвиняют.

Расскажите о вашем пути на страницы толстых журналов. Как начинающему автору попасть в «Наш современник»?

Несколько лет назад в наш город приезжал Сергей Шаргунов, презентовать свою книгу «Катаев. Погоня за вечной весной» из серии «ЖЗЛ». Я подошел к нему и спросил, как пробиться в толстые журналы и стоит ли подаваться на премию «Дебют» (сейчас он «Лицей»)? Он мне сказал, что туда подаваться бесполезно, слишком большая конкуренция, а в толстые журналы не пробиться. Просто идите своим путём, читайте Пустовую и Снегирева, сказал он мне.

Но мне повезло. Благодаря литературным совещаниям. Сейчас они часто проходят, я рекомендую всем начинающим авторам в них участвовать. У нас их проводит культуртрегер Нина Александровна Ягодинцева.

К нам в Челябинск был приглашен заведующий отделом прозы «Нашего современника» Евгений Шишкин. Когда было обсуждение моего рассказа «Ждём перемен», он ему, видимо, чем-то понравился, и, хотя он и попросил его доработать, но в конечном итоге принял его для публикации. И в 2017 году он вошел в августовский молодежный номер журнала. «Ждем перемен» – мой первый рассказ, который получился так удачно. Часто говорят, что им стыдно за первые публикации, а мне почему-то до сих пор не стыдно. Мне стыдно, что я не могу продолжать работать на таком же уровне.

Большую роль играют личные контакты, которые появляются благодаря совещаниям. Мне кажется, что невозможно достучаться до редакторов через почту. Когда ты лично знаком с человеком, все становится легче. В «Сибирских огнях» публикация появилась по рекомендации Андрея Тимофеева. Но это не значит, что Андрей попросил – и меня опубликовали. Бродский говорил, что опубликовал в нью-йоркском журнале Довлатова. Но помимо него он журналу еще десяток авторов предлагал, а взяли только Довлатова.

В рассказе «Ждем перемен» есть главный герой и Иван. Иван является альтер-эго вашего героя? Вся сцена с собеседованием – это сон главного героя, или Иван действительно существует?

В рассказе Иван – уличный музыкант. И более того, у этого персонажа есть реальный прототип – уличный музыкант в нашем городе, с которым я знаком несколько лет. Я подарил ему номер журнала с рассказом, он сказал, что я его там идеализировал.

Меня всегда притягивали люди с какими-то индивидуальностями. Если бы у меня была такая возможность, я бы стал психиатром. Я всегда об этом мечтал, читал книги по психиатрии. Собственно говоря, психология была выбрана только потому, что в медицинститут возможности поступать не было, а на факультет психологии была.

Мне интересны состояния измененного сознания, девиантное поведение, потому что в маргинальности проявляется человеческий архетип. Когда человек социализирован, он мне неинтересен, так как скован социальными рамками, трудно достучаться до его индивидуальности.

В рассказе «Проснешься ночью...» отец возвращает в гнезда упавших с чердака птенцов, в рассказе «Ждем перемен» Иван, по сути, говорит о любви к людям. В ваших рассказах проявляются христианские мотивы. Это случайное совпадение, или вы вкладывали подобный смысл?

Это роман нужно заранее продумывать, потому что ты пишешь, пишешь, а потом окажется, что ты не придумал, что это вообще все значит. Рассказ не обязательно продумывать. Он может быть написан интуитивно. Я думаю, что из христианских мотивов там есть противостояние отцу. Я вообще не из верующей семьи, родители у меня некрещёные, если они и были в церкви, то случайно. Я тоже не приучен к православной культуре. Но идеи христианства всегда оказывали на меня самое сильное эмоциональное и интеллектуальное влияние.

Вы возглавляете челябинское литературное объединение. Расскажите, как оно появилось.

Я был коротко знаком с председателем Челябинского отделения Союза писателей России Олегом Николаевичем Павловым. В 2019-ом году он предложил мне организовать молодежное литературное объединение, и я согласился. На тот момент у меня был большой организационный опыт: с 2010 года я систематически посещал литературную студию «Синий лес», ведущим которой был мой учитель Владимир Михеев. Сейчас мы продуктивно работаем: снимаем видео заседаний, монтируем и выкладываем выпуски на нашем YouTube-канал.

В чём специфика литературы вашего города? Чем, скажем, литература Урала отличается от литературы других регионов?

Дмитрий Пригов как-то сказал, что в России есть три школы: московская, питерская и уральская. И действительно, у нас есть такие яркие одиозные личности как Кальпиди, Янис Грантс, Андрей Санников и многие другие. Известно, что Екатеринбург вообще довольно прогрессивный город. Туда съезжается много образованной молодежи, там кипит культурная жизнь. Там сильное влияние поэзии семидесятников, восьмидесятников – Пригова, Олега Григорьева, Алексея Парщикова и многих других.

Над нами смеются, говорят, что Челябинск – суровый город, где царит депрессивное настроение. Разумеется, атмосфера города связана с настроением моих рассказов. Так же, как у Достоевского, у которого Петербург показан довольно мрачным, депрессивным городом.

У нас наблюдается противостояние консервативного и прогрессивного лагеря, патриотов и либералов. Традиционалисты – это Союз писателей, Нина Александровна Ягодинцева. Прогрессивный лагерь – это Кальпиди, издательство Марины Волковой.

Мне, конечно, хочется быть над схваткой. Консервативная и про-

грессивная позиции кажутся мне несколько ограниченными. И всё же я ближе к традиционалистам, так как учителем у меня был Владимир Михеев, который по своим взглядам, убеждениям, прозе и творчеству довольно традиционен. Он оказал на меня огромное влияние. И в тоже время я активно общаюсь с прогрессивными поэтами и писателями Челябинска. Например, мой друг, писатель и поэт Янис Грантс – постоянный автор журналов «Новый мир», «Знамя».

Мне интересно ощущать себя на стыке двух течений, хочется обогатиться опытом традиционного и модернистского мироощущения. Без прогресса литература превращается в какой-то фольклор.

Кино, литература, психология – вы работаете на стыке разных искусств, создавая свою форму. Андрей Тарковский сказал, что кино является запечатленным временем. Можно ли так же ёмко охарактеризовать, что такое литература?

Мне трудно сразу придумать, что такое литература. Меня как-то спрашивали, чем именно для меня является творческий процесс, и я ляпнул – насилие над читателем. С тех пор я это не забываю, вижу по моим рассказам, мне об этом часто говорят. Литература – слишком широкое понятие, чтобы его взять и сузить. Мне трудно, надо думать.

Вы работаете осветителем в театре...

Уже не работаю, три года работал.

Работа художника по свету включает в себя формирование того самого измененного сознания у зрителя. Человек приходит в театр, и вы погружаете его в атмосферу иного мира. Можно ли выявить какие-то общие приёмы в работе осветителя, который достигает на сцене нужного эффекта при помощи регулировки света? В живописи играет роль форма и размер кисти, в литературе текст складывается из метафор, в театре осветитель работает со светотенью. Есть что-то общее между этими профессиями?

Конечно, есть. Это – высвечивание главного. Как скульптор убирает лишнее, оставляя главное, так и художник, и писатель, и режиссер, и осветитель пытаются игнорировать ненужное, фальшивое, неинтересное и высветить то, что кажется главным, и отвечает на ключевые вопросы.

И что главное в творчестве Юрия Фофина?

Если бы я мог сказать, что главное, я, может быть, сказал, и не писал. Толстой про «Анну Каренину» сказал, что для того, чтобы выразить,

о чем роман, нужно целиком его пересказать.

Для меня важно передать мои ощущения, чтобы в найденных образах они отзывались у читателей, чтобы они обобщали боль всех людей, чтобы частное личное переживание стало общим. Вот задача художника. Но эту задачу невозможно поставить перед собой и выполнить, она должна сама выполняться, а ты должен заниматься чем-то другим и просто получать удовольствие от того, что ты делаешь. Я собираю в рассказах всё, что мне кажется важным, нужным и игнорирую то, что мне кажется неинтересным и ненужным в жизни. Наверное, поэтому рассказы получаются неестественные, вычурные, как отмечают некоторые, вымученные. Я не ставлю перед собой задачу отразить жизнь. Я хочу её сгустить. Как сказал Михаил Хлебников, новосибирский критик, задача художника сгустить жизнь, а быт представить как бытие, и чтобы читатель был сопричастен этому бытию. Все мы этим занимаемся.

Прекрасно сказано. Мне понравилось, как вы сказали про боль всех людей. Действительно, в рассказах чувствуются боль и надежда. У ваших героев есть надежда?

Да, мои рассказы кажутся мне оптимистичными, добрыми, с надеждой. Мне и фильмы Тарковского кажутся позитивными и добрыми. И рассказы Андрея Платонова. «Преступление и наказание» кажется мне оптимистичным романом, потому что герои остаются живы, у них все впереди. Жизнь в этом и заключается. Просто часто читателю нужно, чтобы у героя было с собой два чемодана денег, и другие концовки кажутся ему грустными.

Беседовала Елена Жданова (1982 г.р., Иркутск)

Гость номера: поэзия

ИЛЬЯ НОВИКОВ, 1988 г.р., Абакан

Родился в г. Междуреченске Кемеровской области. С 1991 года проживает в г. Абакан Республики Хакасия. Окончил Современную гуманитарную академию по направлению «Экономика – финансы и кредит». Работал в отделе, продавцом-консультантом в магазине музыкальных инструментов, специалистом отдела продаж. Занимается копирайтингом. Гитарист и автор текстов песен, в составе рок-группы участвовал в Республиканском фестивале «Сорока» (2013). Сотрудничает с проектом «Стихотомия» и любительским театром «Эгоист» в Минусинске. Участник ежегодного Летнего литературного лагеря в республике Хакасия (2016, 2017, 2019, 2021), Форума молодых деятелей культуры и искусства «Таврида 5.0» (2019), Школы мастерства молодых писателей СФО (2019, 2020, 2021). Публиковался в «Сборнике молодых авторов» (2016, 2017) и «Антологии молодых писателей» (2019, 2021), в журналах «Юрта», «Абакан». Автор сборника стихотворений «Минус 30» (2020). Дипломант III степени в республиканском литературном конкурсе для молодых авторов «Радуга талантов» (2017), лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование» (2018), победитель Санкт-Петербургского конкурса «Поэзия улиц на автобусных остановках» (2019), стипендиат Главы Республики Хакасия (2019), шорт-лист премии В.П. Астафьева (2019), лауреат премии В.П. Астафьева в номинации «Поэзия» (2020), финалист конкурсов «Бегущая строфа» (2021) и «Звезда полей» (2021).

ЗНАМЕНИЕ

Я видел дерево в огне,
И трёх китов на берегу
Белели кости.
Мы плыли в море чёрных рук,
А солнце жглось, как спелый лук,
Тугой от злости.
Я жаждал, жаловал и жал,
Всем досаждал, всё насаждал,
Срывая маски.
Под тучей, выжатой в дуршлаг,
Я кутался в «горящий» флаг,
Сверкая каской.
Но наш корабль сел на мель,
Испачкав дымом акварель
Небесных замков.
Поднялся бунт, за ним второй.
Я попрощался с головой
И кучей штампов.
Разграблен склад, рванул снаряд –
Картечью косит всех подряд!
Вставать опасно.
Я вспомнил, в дымной пелене,
Что видел дерево в огне...
Змееобразном.

САД

Мой изуродованный сад
Рождает странные цветы.
Всегда в нём сломана скамейка...
Глядит паук из темноты –
Его жилищем стала лейка.

Сад, изуродованный мной,
Цветёт зимой и пахнет злом,
Над головой моей нависшим;
В нём я лицом к лицу с врагом,
Чинить скамейку запретившим.

ФАТУМ

Чаша имеет дно,
Ноша имеет вес.
Время съедает жар
Брошенных в печь словес.

Знаем, наверняка,
Что ожидает всех –
Поле из сорняка,
Бой, перепутье, грех.

Хочешь всю жизнь любить?
Выплатишь дань ребром.
Хочешь всю боль забыть?
Не сожалей потом.

Вместо мечты – дрова.
Новых попыток нет.
Вместо венков – трава,
Вместо лица – портрет.

ХУДОЖНИК СЛОВА

Покуда дышит человек,
Покуда вальс кружит планета,
Хвалой горячею вовек
Мы будем чествовать поэта!

Но что ведёт его? Тоска?
Поэтов делает Хранитель?
Или с железом у виска
Он сам себе творец-губитель?

Любовь? Отчизна? Нищета?
Замыленные рифмой взгляды?
Или бездарная толпа
Любителей чужой награды?

Поэта делают слова?
Фортуны милостивой случай?

Поступки? Сердце? Голова?
Репрессии мороз колючий?

Поэтов делают года,
И музы частые визиты?
Или большие города,
Застольями с литой элитой?

Ни громогласие, ни статья,
Ни нарушение запретов,
Ни полная стихов тетрадь –
Поэта делает не это...

Поэта делает талант,
Кричит внутри него свобода.
Поэт – гранённый диамант;
Он – зеркало души народа!

БЫТЬ МАТЕРЬЮ

Быть ропотной над пригорелой кашкой,
Быть всемогущей в маленьких глазах.
Быть каждой пуговкой в петлях рубашки,
Быть теплотою в любящих губах.

Распутывать клубок девятисотый,
Делить минуты, множить маету,
Быть голосом, терпением, заботой,
Во всё вокруг вселяя доброту.

Обиды горечь разбавляя лаской,
Быть неприступной для капризных слёз.
Лучисто улыбаться над коляской;
Встать маяком на каменный утёс.

Быть зонтиком в осенний день дождливый,
Панамкой стать в воскресный солнцепёк.
Быть матерью сердечно терпеливой,
Спасая твой некусанный бочок.

В ПАМЯТЬ О МИРЕ

Те из нас, кто вернулся домой
Перекачивать пулю в башке,
Совершили прыжок затяжной
И живут до сих пор в прыжке.

Благо наш позывной не забыт,
Благо есть, кого помнить и ждать.
Морозящее эхо стрельбы
Оседает с годами в тетрадь.

Руки помнят осанку цевья,
А звезда на ремне – прежний блеск.
У солдата большая семья –
Много братьев, сестёр и невест.

Благо нету над ними стрельбы,
Благо есть, кого к сердцу прижать.
Бередящее эхо войны –
Наша вечно заплечная кладь.

Те из вас, что остались в бою
Перекапывать землю огнём,
Проложили свою колею
Через плен, небосвод, чернозём.

Благо подвиг былой не забыт,
Благо есть, кому помнить и знать.
Морозящее эхо стрельбы
Поминает ушедшую рать.

Я ОСОЗНАЛ СЕБЯ ЖИВОТНЫМ

Я осознал себя животным,
Кусая шею нелюбимой.
Я осознал себя животным,
Затравливая тех, кто слаб.
Я осознал себя животным
В порыве ярости звериной.
Я осознал себя животным,
Увидев отпечатки лап.

Я осознал себя животным,
Спасая шкуру от плетей.
Я осознал себя животным,
Зубря команды наизусть.
Я осознал себя животным,
Бросая собственных детей.
Но, осознав себя животным,
Пообещал, что изменюсь.

КОГТИСТЫЙ ВЕК

Деревья – зонтики укропа,
Пристанища чумных ворон.
Безвкусные плоды хип-хопа
Терзают воплями район.

Зима просверливает панцирь,
Врезаясь в сердце пустотой,
В котором мышца ходит в танце,
На раз разученном с тобой.

Снуют под шапкой закавычки,
И бесы колют в хлипкий нерв;
Выносят «правду» за кавычки,
До дыр смятением изъев.

А ты с упорством белой глыбы
Дрейфуешь в гуще чёрных вод.
Твой капитан, терпя ушибы,
К штурвалу пьяным телом льнёт.

Когтистый век в железной башне
Рождает новую войну,
А легион войны вчерашней
Мучительно идёт ко дну.

ПОД ЛИСТВЕННИЦЕЙ

М.Е. Кильчичакову

Вдали от городов больших,
Среди холмов и леса,

Златых усов полей ржаных
Есть памятное место.

Оно, сокрытое от глаз,
Подобно первоцвету,
Ветвями крепкими не раз
Приют дало поэту.

Казалось, будто под корою
Царило вдохновение.
И даже воздух был другой
Под лиственничной сенью.

Слепой туман, ветра и зной
Не трогали ветвей,
Как будто бы шаман степной
Заснул в узле корней.

И в этой благодной тиши
На свет рождалось слово
Из человеческой души,
Из лиственного крова.

Оно летело на крылах,
Играя содержанием.
Цвело в читательских сердцах
Природным дарованием.

И музыкой заветных рун
Звучало в переводе.
Неслось, как тысячный табун,
Вещая о народе.

Уже минуло много зим,
Но слово не забылось.
Мы с гордостью его храним,
Чтоб память сохранилась.

Под лиственницей проседи...
Она грустит о птицах,
А дымный сахар осени
Горит в её ресницах.

ПЬЕДЕСТАЛ

Опустевшие окна роддома...
Зачинания низкого качества...
То фатальной усталости кома;
Торжество пустотелого ячества!

Загнездилась внутри предателей
Гниль бесплодных голов клубьями.
А незримые корчеватели
Цветность слова терзают зубьями.

Мелют лже-творцы воду стылую,
Ждут восхода кормов подножных,
Разрастаясь толпою бескрылою
Беснолепных и боголожных,

Что шуршат перед мордою фантиком,
Расплескавшись душевною гущей,
Вслед плюют бессмертным романтикам,
Лебедой прорастая мрущей.

Вторят им ещё более тёмные,
До железного хлеба охочие,
Что роняли слова неподъёмные,
Что искусству гибель пророчили.

Слог металлом струит из горнила уст:
«Пока кома сковала нам плечи,
Пьедестал поэтический пуст!
Все попытчики только предтечи...»

Но в потёмках лесов изувеченных
Вызревают шиповника капли.
И как выйдет срок, словно меченых,
Разнесут их по родине цапли!

ФАРФОРОВЫЙ ДЫМ

Яд превратился в мёд.
Соты сплелись в сеть.
Вирус любви ждёт,

Тело рабыни – плеть.
В горле комком ком.
Пепел попал в глаз.
Я мотыльком в дом.
Ты серебром в джаз.
Винная кисть в руках.
Карты рубашкой вниз.
Сферы горят в углах.
Фарфоровый дым сиз.

ПЕСНЬ КАМНЯ

Поэма

Часть первая, в которой мы знакомимся с большой и дружной семьёй, проживающей близ священной горы Тасхыл. Дни привычно и неторопливо сменяют друг друга, дети познают подсолнечный мир на его бескрайних просторах, а счастливая мать Хуртуях благодарит богов за размеренное течение жизни, за богатый урожай и крепкое здоровье детей.

I

У подножия синих гор,
На зелёных ладонях степных,
Жили с самых заветных пор
Предки первых людей кочевых:

Сартахпай – богатырь умелый,
Хуртуях – мать счастливых детей,
Что сказания звонко пела
Для сынов, для своих дочерей.

Было много детей у пары,
Каждый делом семье помогал:
Кто на выкорм гонял отары,
Кто остистый ячмень выбивал,

Кто стругал и ошкуривал жерди,
Кто с заботой кормил очаг.
Не боялись дети усердий,
Был устойчивым первый их шаг.

Сартахпай перебрасывал горы,
Оживляя землю ручьями.
Нет для дела лучшей опоры,
Чем быть гордым родными краями.

Мать вплетала звёзды в узоры,
Украшая рубахи и платья.
Воспевали сёстры просторы,
Изучали охоту братья.

Чтили предков и духов земных,
Грустной песней платили за горе;
И речей не слышали злых,
И не ведали жизни в ссоре.

Старший всюду глядел за малым,
Поступал, как велел отец.
Так и жили дружным аалом.
Крепли, словно степной жеребец.

А когда жёлтый лист слетал,
Праздник радовал всю семью.
Богатырский чатхан звучал,
Дети бегали по жнивью.

Жизнь пускалась в осенний пляс,
Хороводы листвы вздымая.
Ручейков перезвон, кружась,
Убегал, тишину лаская.

И, казалось, всё будет так:
Сберегут от напасти горы,
Не угаснет родной очаг,
Не уйдут из-под ног опоры.

Часть вторая, в которой Хуртуях снится пророческий сон, предупреждающий её о страшной опасности. Часть, в которой мать лицом к лицу столкнётся с неотвратимой судьбой и проявлением, как людской, так и божественной воли.

II

Первый снег наследил в полях;
Солнце пряталось от людей.

Страшный сон пришёл к Хуртуях
О трагедии будущих дней:

Чужеземцы настигли всех,
И не дрогнула их рука.
Чешуёю сверкал доспех
Человека с головою быка.

По мосту, что поднял Сартахпай,
Душегубы пришли с войной –
Их давно манил этот край,
И семья приняла смертный бой.

Так, до следующего утра,
Хуртуях потеряла покой.
Всё страшила её гряда
За серебряною рекой.

Богатырь уходил в дозор,
Но безлюдна была земля.
Тихой ночью в звёздный узор
Заползла ледяная змея.

Скот пугался своих теней,
Детский плач полон стал тревог.
Закоптило пламя свечей,
Будто дух пересёк порог.

За горою раздался гром,
И земля, как струна, затряслась.
Мать склонилась над малышом,
Колыбельную петь принялась:

«Ветры гонят злое лихо,
Чёрной птицей, клювом острым.
Спи, сыночек. Тихо, тихо...
Быть тебе защитой сёстрам.

Наших предков будь достойным,
Почитай Тасхыл священный.
Будь добра и мира воином
Под призором у Вселенной.

Помни все мои заветы,
Помни дом свой, помни имя.
Здесь душа твоя согрета,
Связь с землёю нерушима!»

Стало ясно – они пришли,
Принял бой богатырь родной.
Сердце будто углём прижгли
И солёной умыли слезой.

Хуртуях подняла детей,
Чтобы быть готовой бежать.
Звон ломающихся мечей
Торопил синеокую мать.

Старший сын, оседлав коня,
Поспешил выручать отца.
Заблестела его броня;
Ветер нёс по степи бойца.

Сартахпай обнажил свой меч,
Отражая ударов град.
Обещал он семью сберечь,
Не ступив ни шагу назад.

Старший сын вонзился копьём
В иноземцев, ломая строй.
С Сартахпаем они вдвоём
Дали недругам честный бой.

Но когда самый грозный враг
Разрубил копье топором,
Они поняли, что никак
Не пробиться им напролом.

Сын давал отпор чужакам,
Пока мост разбирали отец,
Но теснили его к холмам;
Близок был его сил конец.

Сартахпай не мог рисковать
И срубил опоры мечом.

Сыну он велел отступить,
Обещая помочь с прыжком.

Старший сын повернул коня
И помчал напрямиком к реке.
Богатырь ухватил края
И зажал пространство в руке.

Прыгнул конь через гриву вод,
Но зазубренная стрела,
Пролетев по кривой, в обход,
Сына выбила из седла.

Сартахпай разомкнул кулак,
Но стрелу не успел поймать.
С головою быка чужак
Сына смог у него отнять.

Хуртуях замерла в пути –
Сердце чувствует боль детей...
Но, уняв камнепад в груди,
Зашагала она быстрее.

Выиграл время её супруг,
Помешав иноземцам пройти,
Но в бою потерял свой лук
И коня не сумел спасти.

Вместе двинулись второпях,
Не жалея ни сил, ни ног.
А вторженцы на лошадях
Вслед ушедшим трубили в рог.

Дети выдохлись и ослабли –
Каждый нёс сестру или брата.
Вскоре вовсе они озябли
Под лучами сырого заката.

А услышав, как топоры
Принялись деревья терзать,
Сартахпай у красной скалы
Приготовился зло сдержать.

Хуртуях обратилась к Богам.
Боги приняли кровный дар
И, согласно её мольбам,
Обратили детей в янтарь.

Сорок капель живой смолы,
Плача, мать прижала к груди.
Полетела быстрее стрелы,
Оставляя дом позади.

Степи прятали её след,
Небосвод над врагом темнел.
Вдалеке, уводя от бед,
Алтын-кель маяком рябел.

Снова дрожью пошла земля,
В небо бросив розовых птиц.
Мать бежала через поля,
Но споткнулась и пала ниц.

Где-то волки, сбившись кольцом,
Затянули протяжный вой.
Налилось её сердце свинцом –
Видно, смертью закончился бой...

Хуртуях попыталась найти
Ожерелье янтарных бус,
Но порвалась нить по пути!
Лёг на плечи тяжёлый груз.

Обернулась она на восток,
Онемев от потерь своих,
И, не чувствуя рук и ног,
Замерла, поминая родных.

Каменел её скорбный лик,
Снег белел в черноте волос.
Одинокий надрывный крик
По степи ураган разнёс:

«Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя

И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!

Уже не блещет солнце над горами,
И кровоточат болью облака.
Пусть всё то зло, свершённое над нами,
Пройдёт по памяти, через века.

Да не умолкнут голоса родные,
Да не померкнет в летописи лик,
Да не исчезнут знаки родовые;
Ведь жив народ, куда жив язык!

Священны горы и тайга священна,
Чисты потоки ручейков и рек.
А ваши души, дети, драгоценны,
И солнца свет – ваш главный оберег.

Вы крепко стойте на ногах, как предки.
Не позволяйте грабить край родной!
Не верьте звону золотой монетки,
Подброшенною вражеской рукой.

Цените счастье, детские улыбки,
Не забывайте дома своего.
Не бойтесь, дети, совершать ошибки,
Но бойтесь не учиться из того.

Не растеряйтесь, дети дорогие,
Среди не гаснущих людских костров.
Степные ночи, звёздно-смоляные,
Всегда вас ждут с далёких берегов.

Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!»

Её песня терзала высь.
Голос матери был певуч,
А как связки надорвались,
Дождь пролился из серых туч.

И тогда мудрый Хайрахан
Посмурнел от злосчастных бед,
Но, подумав, другим Богам
Дал на это такой ответ:

«Чтоб унять страданий пламень
И дарить надежду людям,
Превратится она в камень
С зарождённым внутри чудом».

Часть третья, в которой несчастная Хуртуях, несмотря на тяжёлую участь, становится покровительницей матерей и прародительницей тюркоязычных народов. Воля богов исполнена, а каменная мать взирает на родные земли сквозь веки тысячелетий.

III

Поля закутались в саван
До месяца ложной кукушки.
Весеннее солнце травам
Пригрело, любя, макушки.

Затянул пушистый ковыль
Вереницу степных голов,
А цветов сиреневых пыль
Полыхнула на скулах холмов.

Разомлев, прикрылись листвою
Берёзки у шумной реки.
Медвяной умылись росой
Горящие в поле жарки.

Там, где падал янтарь из бус,
Зарождался новый народ,
И курился степной улус
Синевой Енисейских вод.

Красота этих диких мест
Стала радовать тысячи глаз,
А село превратилось в уезд,
И настало единство рас.

Степь – свидетельница всего;
Она помнит океана вес,
Помнит каждую жизнь того,
Кто ходил под лазурью небес,

Кто подсолнечный мир узрел,
Кто любил и терял родных;
Как хайджи сказания пел,
Как война забирала живых...

Суховой языком шершавым
Пишет летопись на камнях.
Горицвет с репеем поджарым
Молят небо о чистых дождях,

А когда-то счастливая мать
Всё поёт свою песню нам.
Научилась она помогать
Всем нуждающимся матерям.

И легенда, из уст в уста,
От народа к народу шла;
Оставаясь нутром чиста,
Вопреки холодам цвела.

Все, кто жаждал иметь детей,
Получили надежды свет
Из-за гор, городов, морей,
Из рассказов, звонков, газет.

Хуртуях на родной земле
Обрела вековой почёт,

Помогая каждой семье,
Что за помощью к ней придёт.

Спустя тысячи долгих лет
Её дар сохранил народ;
Хуртуях, избавляя от бед,
Продолжает сибирский род.

Греет корни жизнь до сих пор
Под присмотром вершин ледяных,
У подножия синих гор –
На зелёных ладонях степных.

ЕВГЕНИЯ ДЕКИНА, 1984 г.р., Москва

Родилась в городе Прокопьевск Кемеровской области. Окончила филологический факультет Томского Государственного университета по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарное отделение кафедры драматургии кино сценарно-киноведческого факультета ВГИКа по специальности «Кинодраматургия». В школьные годы была корреспондентом городской газеты «Шахтерская правда» и редактором молодежного приложения к ней. Работала журналистом, продавцом, уборщицей, барменом. В течение восьми лет занималась написанием сценариев для сериалов на телевидении. Открыла детскую театральную студию «МАГ», успешно существующую по сей день. Прозаик, сценарист, литературный критик, театральный педагог. Преполагает кинодраматургию в киношколе ТГУ, руководитель семинара прозы Союза писателей Москвы, Союза писателей России. Редактор отдела прозы журнала «Литература». Рассказы и критические статьи публиковались в сборнике «Новые писатели – 2015», в журналах «Октябрь», «Казань», «Кольцо А», «День литературы», «Дружба народов», «Юность», «Наш современник» и др. Автор повестей «Золотой корень», «Метан», романа «Плен» (2018). Лауреат конкурса пьес детского театрального фестиваля «Петрушка» (2014, 2015), дипломант российско-итальянской премии «Радуга» (2016, 2017), лауреат премии «Звездный билет» (Аксенов-фест, 2016), премии «Росписатель» (2016), Волошинского конкурса (2017), премии «Экология и культура» (2018). Проза переведена на итальянский язык. Участник многочисленных литературных форумов и конференций. Член союза писателей Москвы, член союза писателей России, член международного ПЕН-центра. Живет в Балашихе Московской области.

ПИКАП

Рассказ

Он повязывал на шею тонкий батистовый платок, на манер английских миллионеров. Рубаху заправлял в узкие джинсы, а джинсы – в ковбойские сапоги. Он никогда не охотился, но ему нравилось выходить из клуба с коротким ружьем наперевес и останавливаться, чтобы надеть шляпу. Ему нравились аккуратные длинноногие стюардессы, затянутые в сексуальные костюмы, и то, что они постоянно менялись. И темная бильярдная с длинной барной стойкой на въезде в город, куда он этих стюардесс возил. Татуированный бармен наливал ему ледяной гранатовый сок в низкий тяжелый бокал из-под виски. Степка крутил бокал в руке и смаковал – пил мелкими глотками, поглядывая на грудь или ножки смущенной стюардессы. Иронично улыбался. Ему нравилось, что работает он в аэропорту, и то, как упруго вздрагивает тягач под тяжестью самолета, и то, что можно бросить небрежно какому-нибудь новичку в клубе:

– Я? Да так, самолеты в аэропорту таскаю...

И украдкой подсмотреть, как медленно образуется уважение на лице нового знакомого.

Но больше всего на свете Степка обожал свой пикап. Это был старый огромный американец, совсем как в кино про ранчо, и когда Степка увидел его на сайте, то ахнул от изумления и, даже не посмотрев на цену, мысленно продал уже и свою квартиру, и мамину дачу, и саму маму, и душу дьяволу. Пикап, однако, оказался недорогим – он принадлежал владельцу мебельной мастерской, который раньше много ездил по лесозаготовкам и сам отбирал древесину, а теперь вышел на пенсию и решил продать забарахлившего друга – пикап жрал почти двадцать и запчасти для него нужно было заказывать из Америки. Степку это, однако, не остановило, он вложил в ремонт все свои сбережения и попытался влиться в тусовку автогонщиков, которые соревновались на трассе у аэропорта.

Явление такого динозавра стало для местных настоящим событием, однако в соревнованиях Степка поучаствовал только однажды. На старте, пока усаженные гоночные седаны ревели и фыркали, набирая обороты, пикап мерно гудел, будто игнорируя недостойную внимания мелочь. Машины рванули и вылетели, надсадно гудя, взвизгивая тормозами и дымя плавящейся резиной. А тяжелый пикап медленно пошел вперед, как набирающий скорость локомотив, и заметно отстал, что вызвало взрыв хохота и аплодисменты. Однако через пару километров гоночные машины зависли примерно на одном уровне, выжав из двигателей всю мощь, а пикап продолжил разгон. Его было уже

не остановить – он, будто собирался набирать скорость до бесконечности, неловко вваливаясь в повороты, и почти не касаясь земли. Степка онемел от восторга – ему казалось, что он летит над дорогой на тяжелом пушечном ядре. С легкостью обойдя всех почти на полкруга, Степка нажал тормоз, и чуть не ударился лбом о руль. Это было так резко, будто бы асфальт под колесами сморщился как покрывало и не пустил дальше. Ошалевшие зрители молчали. Степка тоже молчал. Гордился.

Свидетели его победы сигналили ему при встрече и улыбались, Степка чинно кивал и ласково поглаживал руль. Пикап он мыл постоянно, сам, нежно натирал лаком и сбрызгивал лобовое стекло спреем от запотевания.

Мужики в аэропорту посмеивались над Степкой, звали осеменителем, мустангом, ряженым и даже красоткой, но Степка в ответ добродушно улыбался. Он-то знал, что каждый из этих издерганных женами и детьми мужиков, не задумываясь поменялся бы с ним. И в этом он был почти прав. Несмотря на то, что в глаза мужики постоянно вышучивали Степку, считая его нелепым и по-детски наивным, в глубине души они уважали его. Уважали за смелость, с которой он так бессовестно наряжается, за его бесконечные интрижки, и даже за сапоги на каблуке, вызывавшие больше всего насмешек.

Мама сначала пыталась устыдить Степку, мол, ерунда у него в голове – шмотки странные, трактор этот дурацкий, женился бы давно, внуками ее порадовал. Но Степка жениться не собирался – вспоминал отца, который перебирая в гараже старый жигуль, изредка брал в руки облупившуюся гитару и побренькивал, стыдясь даже не маленького Степку, а своего блеклого отражения на мутной поверхности левого крыла. Степка так не хотел. Степка хотел красиво.

Как-то утром, собираясь оттащить очередной боинг на взлетную полосу, Степка услышал отбой. ЧС – у одного из самолетов заклинило переднее шасси, и он кружит над городом – забегали сотрудники, на полосу медленно выкатились скорые и замигали, нагнетая. Степка поддавшись общей панике, вбежал в аэропорт. В зале прилета встречали – бродил паренек с букетом, скучала девушка с табличкой, и молодой отец пытался уговорить расшалившегося малыша, повторяя на разные лады:

– Сейчас мама прилетит. Слышишь? Мама прилетит. Соскучился по маме?

Степка уже вбежал в диспетчерскую, где металась техника, не понимая, что предпринять, а в голове еще звучал этот успокоительный голос. «Мама прилетит». Мама не прилетит. Никто уже никуда не прилетит, потому что горючего нет, шасси заклинило, а у пилота третий вылет.

Пилот, выполнявший указания техников, повторял безнадежным голосом:

– Нет. Нет. Не выезжает. Нет. Так тоже нет.

Молодая девушка у экрана всхлипнула в образовавшейся тишине, а дежурный метался между экранами и кричал:

– Тэ шесть надо! Тэ шесть освободите! Т шесть! Даже если промажет, чтобы в ангар. В ангар надо, там эстакада левее.

– Да сказали уже, – отмахнулся старый и отвернулся от экрана.

Степка почувствовал вдруг, что вот он – его шанс. Может, он и рожден был на этом свете только для того, чтобы сейчас совершить подвиг. Самый настоящий подвиг, как в кино. Спасти всех, и возможно, героически погибнуть.

– Мужики, а пусть он мне в кузов сядет, а? Я поймаю. Я перед самолетом разгонюсь, и он вместо шасси... – сказал Степка и сам почувствовал, что говорит ерунду.

На него обернулись как на дурачка, который по незнанию глумится над чужим горем, и больше не слушали.

Степка медленно вышел в зал прилета – кто-то уже позвонил, и в зале рыдали. Притихший малыш испуганно смотрел на побелевшего отца, не сводившего взгляда с табло.

Степка резко успокоился – всегда же так, герой хочет поступить правильно, по совести, но над ним смеются, и тогда он, преодолевая опасность, и наплевав на их мнение...

Уже сам ничего не понимая, Степка выскочил на улицу. Пикап рванул с места и помчался к Т6. Самой длинной аварийной полосе. Самолет плавно шел на посадку, стараясь сесть почти по касательной, чтобы максимально сбросить скорость. Степка круто развернулся, чуть не завалившись на бок, и помчался по полосе. В рации раздались истошные крики диспетчеров и растерянный голос пилота:

– Да я же раздавлю его...

– Садись!!! – заорал Степка в рацию и отключился.

Он расперся локтями между дверцей и подлокотником и выжал газ. Сверху на него медленно напозла огромная тень самолета. Пикап разогнался и, надрываясь поршнями, помчался по полосе. Степка нажал кнопку круиз-контроля, сполз, фиксируя руль еще и коленями. Зажмурился.

Он ожидал сильного удара сверху, но то, что произошло, трудно было объяснить. Рев самолета оглушил, и стало так больно, будто в уши затекло раскаленное масло. Потом стало еще громче – раздался звук удара, скрежет железа по железу, пикап сзади шибануло по кабине, дернуло и

порвало. Он просел, вильнул, и пополз, будто вкапываясь в землю. Дальше Степка уже не понимал, он подумал, что умер и мгновенно окостенел, и это хорошо – потому что они несутся вперед, и пикап не виляет.

Когда все закончилось, и к ним подбежали, контуженый Степка уже выбрался из покореженной машины и лежал на земле. Одной рукой он зажимал ухо, а второй бережно, будто боясь сделать больно, поглаживал пикап по лопнувшему вывернутому колесу – оси тоже погнуло.

– Ты целый? Целый? – заорал ему врач, но Степка не услышал.

– Порвало, – прошептал он сипло, – Раму порвало. Звук какой был, а...

И зарыдал.

Слух к Степке вскоре вернулся. На работе его встречали воздушными шарами, как героя крутого боевика, аплодировали и награждали, но Степка почему-то мялся в углу и косо посматривал на свое отражение в стекле. На работу он приехал в обычной человеческой одежде. На автобусе.

ИРИНА ЖЕЛЕЗНЯК, 1993 г.р., Иркутск

ЖИТЬ

Шарики снега перекатываются с ладошки на ладошку и тают, тают, постепенно превращаясь в воду, капая на пол и испаряясь. Я вдыхаю свежий запах талого снега...

Жить. Как это?

Это – счастье. Это – наслаждаться моментом. Так быстро всё изменяется: вот ещё снег в моих руках, а вот уже воздух в лёгких. Этот снежок хотел в кого-нибудь прилететь, хотел сыграть в игру, но он теперь – другое. И так же мы с вами. Живём, мечтаем и пытаемся всё успеть, думая, что не сегодня, так завтра, ведь я ещё только в школу пошёл... Ой, то есть в университет. Или... на работу?

А-а... Я уже лет 10 как работаю и думаю, что во-о-от завтра я стану мировой знаменитостью, у меня будут квартира, машина, мировая слава. Но ничего не происходит. Только снег тает. И снова наступает весна.

Или нет, наоборот, по-другому. Вот ты живёшь, дышишь, двигаешься, исполняешь свои мечты – летаешь на самолётах, создаёшь семью, складываешь по ступенькам карьеру – и ты, в принципе, доволен своей жизнью – всё получается, мечты сбываются! Но... подожди, остановись. Дай себе отдышаться. Ты точно именно этого хотел? Или так говорил своим друзьям, когда уезжал в другой город? Ты точно успеваешь оценить всё то, что в твоей жизни происходит? Или оно несётся на больших колёсах, а ты на спицах держишься, крутишься? Может быть, ты и правда доволен происходящим, но успеваешь ли его осознать, прочувствовать, насладиться, сказать спасибо? Или, не успев отойти от одного события, ныряешь в другое? То-то же!

Так вот жить – это каждую секунду думать о том, что вокруг всё происходит не зря. Не только в твоей фантазийной голове, а по-настоящему, в реальности. Что, если ты вот здесь, действительно, человеку не скажешь: «Будьте осторожны, впереди яма, объедьте вот здесь...», то он в эту яму обязательно попадёт, а ты просто мимо проходил, безучастно – как будто не живёшь, а фильм какой-то смотришь – подумать подумал, а сделать не сделал.

За собой замечаю и понимаю, что я вообще улетевшая. Не нахожусь здесь и сейчас, я постоянно мыслями непонятно где. Ну, у меня ещё и профессиональная деформация, но сколько таких нас? Даже без телефонов и какой-либо техники мы создаём себе виртуальную реальность в головах и в ней находимся. Так и хочется подойти, и сказать: «Эй, протри! Ну же! Посмотри, какой мир вокруг тебя. Это ведь твоя двадцать четвертая весна!.. Ты предыдущие двадцать три видел вообще?!»

Да нет же! Видеть – это ... Это чувствовать. Это знать, что вот этот дедушка на скамейке в парке сейчас сидит и улыбается, потому что живёт ещё один день, и в этот день выглянуло солнышко. И им хорошо. И дедушке, и солнышку хорошо.

Это обращать внимание на какие-то незначительные мелочи, потому что именно из мелочей и складываются наше настроение, поступки, события, а в целом и вся жизнь.

Поэтому... будьте здесь, будьте сейчас, не игнорируйте то, что к вам в гости просится, дарите тепло, понимание, дарите любовь. Ведь без настоящих чувств и без участия души нет настоящей жизни. Вода скоро снова превратится в лёд, в снег... И снег по весне опять будет таять. Так пусть он тает для каждого из вас, тает со смыслом и по-разному, по-настоящему, потому что каждое мгновение нашей жизни уникально, единственно, неповторимо. Живите!

РЕБЯТА, НЕ БОЙТЕСЬ ГОВОРИТЬ!

Заметила, что многие боятся. Боятся показать свои мысли другим. Для многих это равносильно откровению, будто изливаешь душу незнакомому человеку. Страх непонимания, неуверенность в себе. Тех, кто не привык говорить вслух.

Решение опубликовать свои произведения принималось долго и тяжело. Всё было только на бумаге, и доступ к этой тетрадке имели всего 2-3 человека. Моя первая работа, рассказ «Тёмное Крыло», был на тот момент только на середине пути. Были мысли начать публиковать его по главам, но каждый раз что-то отталкивало. Как человек весьма закрытый я боялась, что засмеют. Это наверно и был основной страх. Плюс подливала масла в огонь тематика рассказа. Подростковые проблемы, мистика, демонология, первая любовь. А мне всего шестнадцать. Мысленно я уже представляла, как в меня показывают пальцем, мол, ай-яй-яй, как не стыдно. Ещё одним камнем преткновения было сравнение с другими авторами и работами. Ребята! Никогда не сравнивайте!

А потом, в один из дней, великое русское «а будь что будет!» сподвигло выложить первую главу. И что же я увидела? Что людям это интересно. Людям это нравится. Это стало энергетическим пинком, мол, «я могу! У меня получается! Меня слышат!»

В «Тёмное Крыло» я настолько вложила свою душу, что до сих пор многие спрашивают, что это, фантазия автора или автобиография.

Так и началась моя история как писателя. На данный момент в моём портфолио 21 произведение и почти 5000 читателей. Эксперименты в жанрах продолжают. Это непередаваемое ощущение: видеть и знать, что тебя слышат. Понимать, что своим примером ты являешься вдохновителем. И с каждым разом я понимаю, что мне многое хочется рассказать этому миру.

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Эссе по повести Альберта Луханова «Солнечное затмение»

Часто, когда с нами случается маленькая неприятность, мы сразу начинаем отчаиваться, грустить, бросаем дела и погружаемся в депрессию. Конечно, у каждого есть свой предел: кто-то может расстроиться из-за замечания, а кто-то даже на похоронах близкого человека будет стойко держаться. Но повесть «Солнечное затмение» учит стойко переносить даже самые тяжёлые невзгоды. Главные герои – совсем ещё дети, школьники, на которых непосильной ношей взваливаются совсем недетские проблемы. На протяжении всей истории сердце сжимается от жалости и переживания за них, но концовка всё равно озаряет читателей светом надежды. Эта повесть учит тому, что какой бы ни была беда, мы всегда можем найти в себе силы справиться с ней. Главные герои – Фёдор и Лена – учат нас терпимости, стойкости, жизнерадостности, любви, учат с достоинством переносить любую беду и с улыбкой двигаться дальше по дороге жизни, невзирая на любые проблемы.

Фёдор – обычный парень, который живёт нормальной жизнью. У него есть семья и голубятня – главное и любимое его занятие. Но куда не прокрадывается беда? Отец много пьёт и часто становится объектом множественных насмешек из-за необычного имени. Мать на работе обвиняют в воровстве. Оба родителя постоянно ругаются, даже хотят расстаться. И их сын – единственный, кто хочет сделать с этим что-нибудь. Он пытается их мирить, по возможности помогает обоим с их проблемами. В свои юные годы он ведёт себя разумнее и правильнее своих взрослых родителей. Фёдор встречает свою первую любовь, которая становится самой важной частью его жизни, занимает все мысли. Но счастье их длится недолго. Даже дом и голубятню – такие, казалось бы, вечные вещи, с которыми точно ничего не могло случиться – он теряет, когда в их двор приходят строители, расчищать площадь под новые застройки. Столько потрясений и проблем свалилось на Федины мальчишеские плечи. Он расстроен, подавлен, но не сдаётся. Он находит в себе силы бороться за мир в семье, поговорить с любимой, смиряется с переездом, и даже потерянную голубятню он в итоге отстроит вновь. Проблемы непосильным грузом ложатся на плечи, душу одолевает ураган негативных эмоций, но он, этот юный парень, проявляет настоящую мужскую силу воли и стойкость. Эта повесть о становлении характера Федора, об его ответственно-

сти за своих близких и любимых.

Лена – девочка, которой не повезло с рождения. Природа обделила её здоровьем, и Лена прикована к инвалидному креслу. Но она проявляет просто невероятную для её возраста силу. В свои юные годы она чётко осознаёт своё отличие от людей и умеет с ними мириться. В интернате, где жила Лена, всегда царила угрюмая атмосфера, с которой давно смирились его обитатели, и что больно резала по сердцу всем, кто входил туда первый раз. Это суровая и жёсткая правда. Правда, от которой никуда не деться, ее можно только принять и учиться жить с ней всю жизнь. Правда в том, что инвалиду никогда не жить нормальной жизнью. Девочки в интернате сами вогнали себя в жестокие рамки, что было тяжело принять, но которые с детства готовили их к суровым реалиям мира. Им нельзя мечтать, желать другой жизни, завидовать, печалиться, отчаиваться. Будучи совсем ещё детьми, восьмиклассницами, эти девочки уже умели мириться со своей болезнью, умели принимать её и даже смеяться над ней. Про Лену не раз говорили, что она кажется старше своих воспитателей и родителей, и это действительно так. Она умела принимать свою болезнь лучше, чем все люди вокруг неё, оставалась жизнерадостной и весёлой. Из-за своей болезни у неё не было возможности гулять. Она нашла свою любовь, но и её пришлось потерять, потому что Лена слишком хорошо осознавала разницу между собой и им. Даже после смерти лучшей подруги она находила в себе силы и дальше улыбаться.

Любому человеку стоит поучиться у главных героев. Они совсем ещё юные, не успевшие даже познать жизни. Но они намного достойнее своих родителей справляются с проблемами. Они способны принять потери, смириться со своими недостатками. Даже когда их мир полностью разрушен, они находят силы снова встать, улыбнуться, простить, заговорить, вернуться. Правда, которую они понимают, решения и их поступки – не по силам многим взрослым.

«Солнечное затмение» – это история про детей, которые мудрее своих родителей. Потому что у каждого есть свой секрет, который помогает им справляться со всеми трудностями. «Пока мы не взрослые, разум не должен властвовать над чувствами», – говорит Фёдор. И находит в себе силы вернуться к своей любимой, поговорить с ней, помирить родителей. «Лучше сразу, иначе потом будет ещё тяжелее», – говорит Лена. И находит в себе силы примириться со своей болезнью, смеяться над неудачами, принимать важные решения, от которых тяжело на сердце, но что в будущем сделают её жизнь лучше. Не всегда родители умнее и лучше знают, что делать. Иногда и родителям есть, чему поучиться у детей.

Посвящается... Надежде Ярыгиной

МАКСИМ ЖИВЕТЬЕВ, 1983 г.р., Иркутск

ПО СЛЕДАМ НАДЕЖДЫ

Надежда Кирилловна Ярыгина родилась на севере Иркутской области в городе Киренск 3 мая 1958 года. Поэт, педагог, дизайнер. Член союза российских писателей. Окончила Иркутское училище искусств (1980) по классу живописи, школу рекламы и дизайна в Москве, школу каллиграфии в Таллине. Создатель уникальной серии панно «Уловители снов», участник двух выставок проекта «Семь чудес света», проекта «Дамы пик» и выставки декоративно-прикладного искусства в Лондоне. Персональные выставки Надежды Ярыгиной проходили в Иркутске в городском выставочном центре им. В.С. Рогая, в Доме писателей им. Марка Сергеева и в читальном зале Областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина. Её стихи публиковались в «Литературной газете», «Библиотечной газете»; альманахах: «Иркутское время», «Первоцвет», «Первое свидание», «Литературный каталог», «Зеленая лампа», журналах «Юность», «Байкал», «Берегиня», «Арион»; антологиях современной поэзии «Земляки» (2009) и «Лучшие стихи 2010 года»; других изданиях. Автор поэтических книг: «Есть ощущение...» (2012), «Случилось нечто...» (2015), «Если память не изменяет...» (2017). С 2009 года Надежда Ярыгина была членом редколлегии Литературно-художественного альманаха для юношества «Первоцвет». Умерла 1 августа 2017 года после тяжелой болезни. Похоронена на Александровском кладбище города Иркутска.

28 августа 2017 г. – дата подписания в печать третьей, посмертной, книги стихотворений Надежды Ярыгиной «Если память не изменяет...» В предисловии к ней Артем Морс, редактор и составитель, пишет: *«К счастью, поэт не умирает, и созданные им стихи продолжают славить своего автора вечно. <...> ...читая эти стихи, можно представить себе человека, их написавшего, – доброго, веселого, жизнерадостного. Именно такой и была Надежда. Имея художественное образование, она, как истинный художник, умела подмечать тонкие, но очень выразительные детали – в разговорах, житейских ситуациях, мужской и женской*

психологии, да и вообще в жизни. <...> В определенном смысле стихи Надежды Ярыгиной – тоже <...> утверждающий жизнь несгибаемый оптимист».

Мария Галина, когда приехала в Иркутск и познакомилась с Надеждой лично, отметила ее невозмутимо-ироничную и сдержанную манеру чтения раскованных и хулиганистых стихов, всегда с неожиданным вывертом в последних строках, причем «этот акробатический трюк Ярыгина умудряется проделать на минимальном стихотворном пространстве» («Арион», №2, 2013).

Главный редактор литературного журнала поэзии «Арион» Алексей Алёхин, для которого Надежда Кирилловна была бессменным автором на протяжении ровно десяти лет, предваряет последнюю присланную подборку стихотворений своей статьей с лучезарным названием «Линия Надежды» («Арион», № 3, 2017) такими словами:

«Подлинный поэт это тот, чьи стихи хоть не много, но меняют химический состав литературы. Пусть на одну только спектральную линию, но меняют.»

Надежда Ярыгина была настоящим поэтом. И написанное ею – небольшой, но яркий, абсолютно ни на кого не похожий корпус стихов».

Будучи уже тяжелобольной, за месяц до смерти, Надежда отправляет в «Арион» эту свою последнюю подборку. Через два с половиной месяца А. Алёхин приедет в Иркутск на 17-ый Международный форум «Липки», но с Надеждой встретиться ему уже не удастся.

«Я никогда не встречался с Надеждой, – напишет Алёхин потом, – знаю только, что по своей «мирской» профессии она была художник. Её стихи, пришедшие из Иркутска, мы обнаружили в редакционном самотёке в 2008 году, и с тех пор они каждый год появлялись в «Арионе». Радостные, наблюдательные, склонные к парадоксам стихи» («Арион», № 3, 2017).

Стихи Надежды Ярыгиной, как и сам автор, отличаются безропотной и безграничной любовью и ко всем людям вокруг, и к природе, и – особенно – к Байкалу. При этом Надя не стремилась приукрасить окружающую действительность, а любовно иронизировала над ней, оставаясь при этом чуткой и внимательной к мелочам. Это справедливо замечают почти все, кто писал о ней или знал её.

С Надеждой Ярыгиной я впервые познакомился в клубе «Перекресток вдохновений». Пришёл совсем юным студентом-второкурсником, наконец-то дозревшим до того, чтобы кому-нибудь показать свои первые, еще ученические, тексты. Надежда на тот момент уже два года была членом этого литературного клуба. С разницей в эти самые два года «Пе-

рекресток вдохновений» нам обоим посоветовала член Союза писателей России Татьяна Суровцева.

«Поэт получился совершенно необычный, как будто легкомысленный, а между тем за этим легкомыслием и знания стоят... У нее удивительная для женщины черта – она умеет посмотреть на себя иронически и много об этом пишет», – так позже Надежду охарактеризует Татьяна Николаевна.

Так и началось наше знакомство с Надеждой Ярыгиной – с одной «парты» молодежного литературного клуба в Областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина.

Надежде Ярыгиной своим личным примером удалось показать (не только из книжек, но и в реальной жизни) каково это – никогда не пасовать перед трудностями, не раскисать по пустякам и не терять оптимизм и жизнелюбие в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, всегда находить в себе внутренние силы к созидательному действию. Ценить тот срок, который нам отпущен: годы, десятилетия – или считанные дни. Иногда, когда нужно, протягивать руку помощи молодым и начинающим поэтам – причем исподволь, ненавязчиво и в чутко выверенный момент.

А легкие, будоражащие воображение читателя стихи Надежды Ярыгиной продолжают её светлый путь. Ярким примером служат в сентябре этого, 2021-го, года написанные слова – да что там слова: новые верлибры – от еще недавно стопроцентного прозаика Любви Головиной:

«В комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» учитель говорит господину Журдену: «Всё, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза». Вот и для меня до недавнего времени литературный мир делился на два этих полушария. А потом книга Надежды Ярыгиной подарила мне путешествие по верлибрическому экватору, где проза перетекает в поэзию, а поэзия – в прозу, при этом превращаясь в совершенно самостоятельную творческую линию.»

Читая тексты Надежды, я начинала в привычном видеть новое, ведь слова, фразы или отдельные выражения она осмысляла совершенно по-своему. Так, например, белокурых детей у неё находят в белокочанной капусте, а рыжих – в краснокочанной; мама и папа оказываются родительным надежом, а брат-балбес – винительным. Её творчеству свойственна одновременно языковая игра и глубокая философия. Именно это сочетание меня как читателя просто покорило. Причём настолько, что я стала сама сочинять верлибры.

Произошло это неосознанно, даже случайно. Я села писать обычный пост в соцсетях, но, перечитав его перед публикацией, обнаружила странное сходство с верлибрическим высказыванием: изменился ритм,

появился художественный образ. Ну а потом я просто не смогла остановиться и уже целенаправленно попробовала писать верлибры. Спасибо Надежде и её творчеству за этот импульс».

Еще совсем недавно на сайте «Российский писатель» Марина Шамсутдинова опубликовала новое, написанное 6 августа 2017 года, стихотворение: «Памяти иркутского поэта Надежды Ярыгиной, ушедшей от нас 1 августа 2017»:

*В кого превращаются поэты?
Они становятся музами для живых поэтов.
Приходят к ним, нашёптывают, напевают.
Сетуют о тугоухости живых,
Смеются над неточностями перевода
Своих стихов с потустороннего на человеческий.
Сочинитель зовёт к себе Пушкина,
А опять приходит Хвостов или Фофанов.
К Пушкину очередь на годы вперёд.
Абонент недоступен...*

Нади Ярыгиной уже как четыре года с нами нет, но, похоже, все только начинается.

НАДЕЖДА ЯРЫГИНА, 1958-2017, Иркутск

* * *

В день рождения стану старше
и начну разговаривать сама с собою
уже серьезно – на Вы.

КОНЕЦ ЛЮБВИ

От слов в тряску, кофе не в постель, а просто в чашечку,
скатерть в заляпку, карамель в слипку, волосы в растрепку,
тапки в разброску, халат в распояску...
Ну и кавалер, соответственно, или в стельку или в завязку.

УТРЕННЕЕ ПРИЗНАНИЕ

Вот ваш любимый кофе с пенкой,
вот сыр с поджаренною гренкой.
Рубашка глаженная ваша.
Но брючки – мяты. Брюк не глажу.

Хоть всякое со мною было,
хоть многое попало в руки,
я никого так не любила,
чтоб гладить брюки.

Скажите мне, когда, когда же,
мы с вами будет так близки,

что кроме брюк для вас поглажу
трусы, ремень, шнурки, носки...

* * *

Случилось нечто, принес некто,
принес что-то с чем-то, сказал то-то и то-то.
Одни куда-то делись, другие откуда-то явились,
одних увели, других унесли,
а маленькую Кирилловну принесли,
развернули пеленки, помеченные кириллицей,
и сказали: «Это наша девочка».
Небесная камера наблюдения зафиксировала:
«Это ваша девочка».

* * *

Уже не читаю ни солёных стихов, ни малосолёных,
ни маринованных, ни мочёных.
А книжки-то открываю, глазами бегаю, ищу –
не шевелиться ли на какой-нибудь странице
пусть небольшое, но живое стихотвореньце...

* * *

написались стихи
но в редакцию их не отправлю
пусть полежат подумают

* * *

Нет, я не скучаю в своём переулке,
но лучше бы жить в музыкальной шкатулке
огромный, как дом, и органно-гудящей,
и бегать по лестницам белым, блестящим,
По лестницам-клавишам. Для исполненья
«Турецкого марша» (к примеру)
– Везенье!
Лечу я при спуске иль вверх при подъёме,
всегда наслаждение в полном объёме.
А если открою шкатулкины дверцы,
то разною музыкой полнится сердце –
то блюзом, то роком, то полькой с прискоком,

и дождь подпевает, летя водостоком,
и ветер подвоет, а то и подпляшет,
и дома соседнего шторкой помашет...

... А в быте погрязший сосед утверждает,
что в мире шкатулок-домов не бывает,
а с ним никто и не думает спорить, –
такие дома не успели построить.

* * *

Есть же мощные карусели,
что трудятся без передышки.
Да вот, хотя бы Земля.
Вертится, нас куда-то упрямо везёт.
Хочешь не хочешь, катайся,
как маленький, как дурачок.
Радуйся – катают бесплатно.

* * *

Этот крупный и круглый камень похож на Юпитер,
этот красненький каменный шарик похож на Марс,
небольшой гладкобокий – Меркурий.
Мы и Землю нашли голубую – весь галечник перерыли,
есть и розовая Венера, и синеватый Нептун,
и Плутон где-то здесь под ногами плутует.
Можно выстроить, разложить на байкальском песке
Солнечную систему. Только где Солнце?
Ищи-заищись – не найдёшь большого горящего камня.
Хорошо, что есть рыжая девочка Пенелопа –
превосходно танцует, вечно хохочет –
пусть будет Солнцем!

* * *

Не хотели, а пришлось расстаться с летом.
Не хотим, а приходится расставаться с осенью.
Эта вертушка-Земля теперь другой –
(австралийский) бок себе прогревает.
Народам Сибири приходится лепить и лопать,
лопать и лепить бузы-позы-пельмени –

для красноты щёк, для горячности дыхания,
для смеха (если случится лицом в снег),
для сохранения спокойствия
(если придется мордой в грязь).

* * *

Зимой приходится увлекаться всем, что на букву «к»:
Кабинет, компания коллег, компьютер, кофе, конфеточка.
Карандаш, карманная книжка, каракули.
Коридор, кухня, котлеты, картошка.
Каток, коньки, круть-круть.
Комната, кресло-качалка, кот, канал «Культура».
Книга, книга, койка, книга...
Канютель какая! Коля, когда лето?

* * *

Впадая в Байкал, мурлычет речка Котинка –
она родилась в горах и вприпрыжку бежит
через рыбацкий посёлок Большие Коты.
Здесь отдыхаю и наблюдаю за всем и за всеми
в овальную дырку «петушиного бога».
Вон юная пара загорает на диком пляже,
он осторожно снимает с неё купальник,
а она (интересно), содрогаясь, рыдает от вожделения
и созерцания окружающей красоты.
Возле них увиваются хлопотливые боги –
Купидон, Венера, возможно, какой-то ещё.
А я нет-нет, да и полюбуюсь на это действие
через дырявый окатыш белого кварца:
не искала его, это он сам подвернулся мне на глаза,
чтобы отвлечь от общих картин, разжечь
интерес к деталям, чтоб уберечь, предостеречь...
Надо же чувствовать хоть какую-то, пусть мнимую
защищенность от множества искушений, а также
от воздействия избыточных доз окружающей красоты.

* * *

Уеду в глухую деревню, и летние дни промчатся,
как пуганые бараны, а ночи – усталые кони.

Но каждое утро взглянет на меня,
как жёлтый гусёнок из-под крыла гусыни.

* * *

раскалённая хвойная шишка
манит к себе мотылька
вместе сгорят

* * *

Поливаешь, поливаешь комнатные цветы,
а они отвернутся и смотрят в окно,
словно обиделись.

* * *

На последних этажах
хорошо себя чувствуют люди-птицы.
Они не боятся высоты, живут-порхают,
к ним прилетают друзья,
тоже галдят-поют-порхают
и бросают окурки с балкона.

На первых этажах
хорошо себя чувствуют люди-кроты.
Они боятся высоты, живут-копошатся,
к ним приползают друзья,
сидят тихо, или ругаются с теми,
кто бросает окурки с балконов.

Между первым и последним этажами
живут какие угодно люди,
но это именно те,
которые радикально заявляют в объявлениях:
«Первые и последние этажи не предлагать!»

* * *

Ветер усилился,
брюки, висящие на прищепках,
развеселились и плавно вальсируют –
одна штанина с другою.

* * *

Бородатый дядька: «Кто крайний?»
Румяная тетка: «За мной молодой человек –
кудрявый, хорошенький, как Пушкин».
О, что со мной? Пристроилась в очередь,
стою, «хорошенького Пушкина» поджидаю...

* * *

«Она поцелована богом...»
В упор не помню –
Бог, ты целовал меня что ли?!

* * *

Школа искусств.
Пойдешь направо – дети художники:
когда рисуют собор, называют его «церквушка».
Пойдешь налево – дети-музыканты:
«Лунная соната» у них называется «лунка».
Ах, если есть стройные ножки,
не ходи направо, не ходи налево,
иди прямо – в зеркальный балетный класс!

* * *

Жизнь – разнообразие блюд:
одни съедаются с аппетитом, другие – без,
одни с приправами, другие – без.
Как бы не наглопаться чего-нибудь несъедобного.

* * *

Выдайте мне справочку, что я не кося,
а что я – создание редкостной красоты.
Напишите в справочке то, что не коза я,
и не обладаю вредностью козы.
Я за эту справочку хоть на что готова,
о её могуществе знаю наперёд:
мне не только молвят ласковое слово,
а ещё запустят в сад и огород.

ЕСЛИ НЕ ЗАТКНУТЬ УШИ И ВЫСЛУШАТЬ СВАРЛИВУЮ БАБУШКУ

Не ходи, моя радость, с подскочем,
не кривляйся развязно, игриво,
ничего из себя не корчи,
это как-то совсем не красиво.
Скромность глупых слегка украшает.
Ты уж больно брызжешь словами.
Потому тебе не мешает
прикусить язычок зубами
хоть на время. Чтоб меньше позору,
чтоб не биться в стыдливых пятнах,
ибо умной ты станешь не скоро,
это дело не из приятных,
не из лёгких. Пока молодая
будешь мыкаться неустройно.
Вся у нас родова такая.
Только в старости будет спокойно.

* * *

Сочини молитву для атеиста.
Когда-то его убедили, что боги – фольклорные персонажи,
их слишком много, им всем не намолишься;
и вообще, над богами можно смеяться.
Но он не смеялся, просто о них никогда не думал,
зато думал и заботился о тебе,
не изменял ни любви, ни дружбе.
Может быть, потому стал ощущать в себе
что-то религиозное и не знает, что с этим делать.

Сочини молитву для атеиста.
У него болит голова и сердце, его покинули дети –
улетели на вертолёт, даже чёрт не знает куда –
сплавляться по шумным таёжным рекам.
Сочини хотя бы подобие мантры, помоги человеку,
чтобы он не рехнулся от этой безбожной жизни,
чтобы больше не падал на землю и не ревел белугой.
Делай, что хочешь: иди к водоёму,
переведи на русский, что изрекает вода,

когда превращается в лёд,
разгадай, о чём повествует снег, когда превращается в воду,
зажги огарки свечей, хотя бы те,
что остались от встречи Нового года,
даже можешь молиться сам, но найди слова,
которые он неосознанно ищет.
Сочини молитву для атеиста.

События

К юбилею писателя Геннадия Михасенко

ПО СЛЕДАМ КАНДАУРСКИХ МАЛЬЧИШЕК

*О литературно-исследовательском конкурсе
«ЛИК. Геннадий Михасенко»*

Каждому читателю знакомо чувство лёгкой грусти, когда до финала полюбившейся книги остаются считанные страницы. Хочется дочитать скорее, чтобы узнать, чем же завершились события, жалко и прощаться с героями книги – они стали твоими друзьями! Случалось ли вам думать, как было бы замечательно не расставаться с ними, а вместе еще и еще раз пережить волнующие приключения? А ведь такое возможно – стоит только обратиться к воображению и творчеству.

Необычное задание получили участники литературно-исследовательского конкурса «ЛИК. Геннадий Михасенко». Кафедра новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета вместе с Культурным центром Александра Вампилова с января по март 2021 года проводили новый «ЛИК», посвященный замечательному детскому писателю. В этом году впервые его участниками стали младшие классы. Ребята попробовали свои силы в сложном задании – в создании игры-ходилки по повести «Кандаурские мальчишки». Процесс кропотливый, но увлекательный. Ведь можно было фантазировать, рисовать, клеить, самим придумывать правила игры и, конечно, играть.

Первым делом ребята ознакомились с биографией писателя. Геннадий Михасенко родился 16 февраля 1936 года в городе Славгород Алтайского края в семье кадрового военного. Но его детство прошло в деревне Кандаурово Новосибирской области, о ней и повесть. В детстве Гена видел и пережил все трудности и лишения военных лет. Но не унывал, и воспоминания о том времени стали основой повести «Кандаурские мальчишки», первой в его творчестве. Повесть оказалась удачной. Но вот незадача: раньше писательского дела автор получил профессию инженера-гидростроителя. Для работы молодой специалист переехал в город Братск, ставший для него родным. Михасенко долго совмещал обе профессии – писателя и инженера, все не мог определиться с выбором. Но,

почувствовав, что за двумя зайцами не угонишься, решил заняться чем-то одним. Любовь к литературе победила, и он стал писателем – автором известных повестей, причудливых сказок, занимательных рассказов для юных читателей всех возрастов.

В конкурсе «ЛИК. Геннадий Михасенко» в задании для учеников 1-4 классов была предложена именно первая повесть писателя. История о ребятах из деревни Кандаур (автор чуть-чуть изменил название деревни), детство которых выпало на тяжёлые годы Великой Отечественной войны. И, хотя сами мальчишки жили в глубоком тылу, лишения затронули и их. Это была другая жизнь, которую сегодня трудно представить – дедушки, папы и старшие братья уходили на войну, а мальчики и девочки становились на их место: выполняли работу рядом с взрослыми.

Юным помощникам приходится пасти овец, защищая их от вооружённого ножом бандита, утаптывать траву в силосной яме, колоть дрова, носить воду, окучивать картошку, собирать ягоды и многое другое. Дети испытывают голод, усталость, страх, но всеми силами стараются помочь старшим. При этом остаются детьми с радостями, шутками и озорством! Они читают книги, танцуют, играют в спектаклях. И пускаются в опасные путешествия – в лес за кедровыми шишками через самое топкое место в тайге. В повести в главе «За шишками» описано, как три отважных героя идут в поход. Они переходят болото, преодолевая трясины, влезают на высокие кедры, добираясь до самых спелых шишек, а один из ребят даже получает рану. При этом поддерживают друг друга, не бросают в беде.

Создавать игру участникам конкурса помогали учителя, библиотекари, руководители кружков и родители. Взрослые сами вдохновенно и творчески подошли к делу. Каждый из них придумал свой путь введения ребят в мир повести: проводили внеклассные литературные уроки, библиотечные часы, литературные кафе, творческие занятия, выставки, стенгазеты, викторины, задавали ребусы, загадки. Создание игры-ходилки проходило под впечатлением от биографии любимого всеми писателя.

После знакомства с повестью следующим шагом стало изображение игрового поля, разметка его пунктов – деревни, тайги, тропинки, болота, кедрача. На поле ребята рисовали важные, запоминающиеся места, которые проходили мальчишки из книги. Нужно было изобразить конское кладбище, озеро «Тарелку», зыбуны и другое – путь неблизкий, опасный. На листе прокладывался маршрут, по которому потом будут двигаться фишки. Участники конкурса придумали свои правила игры, опираясь на события в повести. Но не все ребята делали игру вместе с одноклассниками. Тринадцать человек придумали и нарисовали ее с помощью мамы, папы, бабушки. И играть в нее можно было теперь вместе с родителями,

братом или сестрой. Так что подведение итогов конкурса проводилось сразу по двум номинациям: «коллективная работа», «индивидуальная работа». Так были отмечены все.

Когда подготовительные этапы были завершены, наступил самый долгожданный момент – можно было взять в руки фишки и отправиться в «Поход за шишками». Наконец-то сыграть в игру, которую сделали сами. Каждый из ребят смог пройти маршрутом смелых и дружных кандаурских мальчишек, героев повести, и сделать это не раз.

Во время придумывания и изготовления игры ребята фотографировали, потом написали отзывы, кто-то догадался снять видеоролик. Приятно смотреть на счастливые лица детей, увлечённых спорами, размышлениями, рисованием, игрой, объединённых дружным и интересным делом. А какие замечательные комментарии отправили ребята организаторам, делясь впечатлениями о повести «Кандаурские мальчишки» и об игре на переменках!

К радости организаторов этап, проходивший среди младших классов, вызвал огромный интерес. Было получено 38 заявок. В игре участвовали 587 детей и 50 взрослых, всего 637 человек. Число же всех, кто участвовал в игре-ходилке «Поход за шишками», гораздо больше. Ведь игра осталась в школах, библиотеках, дома: в неё еще будут играть. А то, что сделано своими руками, лучше и бережется. На следующий же год можно будет сделать новую игру, для другой книги, нового сюжета.

Работы на конкурс поступили со всей Иркутской области. Под именем Геннадия Михасенко собрались большие и малые города: Саянск, Бодайбо, Братск, Байкальск, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Шелехов, Иркутск. Деревни, села не остались в стороне. Им особенно рады. Были участники из посёлков: Шиткино, Новоленино, Верхнемарково, Усть-Уды; сёл: Баргадай, Хомутово, Ирхидей, Масляногорск, Мамоны; рабочих посёлков: Тыреть-1, Тайтурка, Атагай, Култук и деревни Талька. Спасибо юным читателям, влюбленным в творчество писателя.

Игры-ходилки у всех получились яркими, красочными, не оторвешь глаз. При их изготовлении использовались разные техники: гуашь, фломастеры, акварель, карандаш, макетирование, бумажная пластика, аппликации. Пошли в ход и необычные материалы: обои, пластиковые коврики, крышечки и даже настоящие маленькие шишки, собранные в лесу. Талантливо, с фантазией участники конкурса перенесли сюжет повести на листы бумаги – создали живое игровое пространство. Благодарим руководителей, учителей, библиотекарей и других взрослых, помогавших детям побывать в гостях у писателя.

Возможно, и вам захочется перечитать повесть Геннадия Михасен-

ко «Кандаурские мальчишки», окунуться в озорной, неунывающий мир трудного, послевоенного детства, пройти по следам кандаурских мальчишек. Удивительно, как повесть, написанная полсотни лет назад, увлекла своим задором современных детей. Насколько хорошо поняты были ими боль, тревоги, радости и шалости тех, кто вместе с взрослыми пережил войну. А ведь у писателя есть и другие замечательные повести, сказки, рассказы и даже стихи. Давайте их почитаем!

Юлия Морозова, научный сотрудник Центра А. Вампилова

О КРУГЛОМ СТОЛЕ «МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ИРКУТСКА» ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

В Иркутске 1 апреля 2021 года в рамках III Международного книжного фестиваля «КнигаМарт» в Молчановке прошел первый, и, надеюсь, не последний, круглый стол «Молодая литература Иркутска». Организаторами мероприятия стали Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, Иркутский Дом литераторов и молодежное литературное объединение «Азь-Арт».

Важной особенностью Иркутска, а если быть справедливым, то и всей Иркутской области, является чрезвычайно плотная среда пишущей молодежи. Это проявляется в изобилии творческих площадок, параллельно действующих в едином и одновременно мозаичном культурном пространстве города и региона. Существующие молодые лидеры ведут свои литературные студии и объединения, организуют регулярные творческие встречи. В их работу, как правило, входят такие важные аспекты литературной деятельности, как: выявление новых талантов, обсуждение рукописей, не только организация выступлений, но и поиск новых способов популяризации своего творчества.

При всем богатстве литературных направлений молодым творческим коллективам не хватает кроссплатформенности: встреч на нейтральных территориях, обмена опытом между коллективами, взгляда со стороны на творчество друг друга. Именно для того, чтобы подтолкнуть развитие культурной среды Приангарья в этом направлении, был организован первый круглый стол по молодой литературе.

За круглым столом собрались молодые представители Союза писателей России (прозаик из Ангарска Игорь Корниенко, иркутяне Елизавета Оводнева, Максим Живетьев, Юрий Харлашкин) и Союза российских писателей (прозаик из Зимы Константин Максимов, иркутяне Артем Морс, Светлана Михеева). Из молодежных творческих объединений Иркутска Илья Подковенко представил «НЕО-классический синдром», а «Глагол» и «Арифмия» присутствовали заочно. Елена Анатольевна Сыроватская, заведующая редакционно-издательским отделом Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина, представила работу редколлегии альманаха «Первоцвет» и клуб «Перекресток вдохновений», который продвигает творчество молодых авторов Приангарья. Модератором круглого стола выступила ученый секретарь Молчановки Ольга Язеповна Палкевич. В общей сложности на мероприятие собралось около полусотни спикеров, участников и зрителей.

Неожиданно, но вполне закономерно, все дискуссанты сразу раз-

бились на два лагеря с совершенно разным подходом в зависимости от ранее полученного жизненного опыта.

Молодежь, которая только ступила на сложный и тернистый путь литературы, воодушевленно и энергично делилась планами и проектами, со свойственным им максимализмом сетуя: почему нас не читают и не печатают, к издательствам не пробиться, признанные мастера нас не замечают, а вот мы тут – молодые и талантливые. И надо спасать эту самую литературу, какая есть, и только мы понимаем, что надо делать, и куда эта самая иркутская и мировая литература движется: без Интернета, дерзости и самопиара никуда. Иначе ни денег, ни известности не добиться.

Ответом прозвучал резонный и сдержанный посыл молодых, но уже знающих подлинную цену слова членов обоих союзов писателей: главное – профессионализм и качество текста, и неважно, где вы его получите: на семинарах ли Московского Литинститута им. М. Горького, в Липках ли, или в Химках. Если не будет хорошего текста, то грош цена такой литературе, как бы изобретательно она ни была завернута и упакована в красивую обертку из музыки или в глянец обложки, или модное издание от не менее модного издательства. А если будет настоящий, профессиональный уровень текста по форме и глубине мысли, и по оригинальности посыла, то эти самые издательства и издания сами вас найдут всё на тех же просторах всемирной паутины и предложат напечататься.

Мягко стараясь достучаться до юных 20-летних, писатели под сорок и слегка «за» вспоминали себя в их возрасте и с пониманием относились к такому подходу: сами такими были, чего греха таить. Но ведь не спрятались за ощущение собственной непризнанности. А шли и учились, получали тот необходимый багаж знаний и перенимали опыт предшественников. Выслушивали от самых известных современников разгромную и на первых порах болезненную критику, шли дальше, развивались и мысленно благодарили своих самых строгих учителей. И заметьте, чем строже и больше была эта критика, тем ценнее она оказывается.

Иркутский поэт Артем Морс привел доступный пример, что не всякая картина является произведением искусства. Так и в литературе. Настоящий художник вначале учится композиции, технике, пристально изучает полотна великих мастеров, а только потом пишет собственные картины. Причем лучше, если он учится не только по учебникам и в Интернете, а еще и у профессионалов – так быстрее и надежнее: всегда можно переспросить, уточнить, потребовать разжевать, а заодно убедиться, правильно ли ты усвоил материал или же понял все с точностью до наоборот.

Игорь Корниенко подливать масла в огонь дискуссии не стал, огра-

ничив свое выступление кратким резюме: «Я не вижу пропасти между поколениями. Она только в текстах. Самое главное для молодого автора – это хороший текст, и все страхи перед старшими поколениями развеются, если ты уверен в своем тексте. Многим молодым авторам необходимо общение с единомышленниками, а взаимодействие ЛИТО области чрезвычайно важно».

Отрадно, что у каждого из присутствующих была возможность высказаться и донести свою точку зрения. Да, вероятно, каждый остался при своем мнении. Но попытка диалога была предпринята, проблема озвучена и весьма пылко обсуждена, а значит, есть повод продолжить дискуссию дальше.

Максим Живетьев

«АЛО – ПИШИТЕ ПРАВИЛЬНО!»

Пять лет – это первые главы...

В сентябре этого года молодежной литературной студии Ангарского литобъединения «АЛО – ПИШИТЕ ПРАВИЛЬНО!» исполнится 5 лет! Руководит студией (все регалии вычеркнет руководитель, он и слово «руководитель» уберёт, читая этот материал, поэтому напишу так) Игорь Николаевич Корниенко, писатель («сочинитель», поправит Игорь), лауреат Шукшинской и Астафьевской премий, автор книг «Победить море» и «Завтрашние чудеса», невероятных рассказов, повестей и романов. Лучшее один раз прочесть, чтобы убедиться в этом, например, прочтите пару-тройку его рассказов «Иду искать!», «Змея кусает себя за хвост», и обязательно «Три миллиона пятьсот двадцать три мамы» и «Воздушный поцелуй».

Инициатором создания молодежной студии выступила председатель АЛИТО Людмила Белякова. Игорь согласился не сразу, но вот оно, новое детище от создателя известного литературного проекта «Дебют плюс», больше чем просто литстудия, – «АЛО!».

– Название для вас всегда играет первостепенную роль?

– С названия начинается вся история, название задаёт курс, оно ведёт до финала... Ну и как корабль назовёшь...

– Были другие варианты названия студии?..

– «АЛО» пришло одно из первых. И затмило все остальные варианты, поэтому уже и не вспомню.

– Студия «АЛО» помимо главного литературного направления, разбора текстов молодых авторов, которые всегда проходят живо, весело, неординарно и поучительно, это ещё и графический роман, и подсекция молодых кинооператоров, сценаристов. Как успехи?

– Основное направление – это, конечно же, литература. Графический роман, комиксы, не побоюсь этого слова, набирают огромную популярность, я сейчас и про студию, и про литературно-художественный мир в целом. Валентин Мошков и команда собираются намного чаще, в группе художники из Иркутска, Тельмы, у ребят в процессе сразу несколько историй, в планах, насколько знаю, новое воплощение Мымры.

– Рассказ «Убить Мымру!»¹ комикс?

1 Рассказ «Убить Мымру! (Шесть диктофонных записей)», один из известных рассказов Игоря Корниенко. Читать тут: http://litteratura.org/issue_prose/3356-igor-kornienko-ubit-mymru.html

В 2021 году рассказу исполнится 18 лет. В 2018 году (спустя 15 лет) Игорь на-

– Да, Мымра обрела голос и музыку, спасибо двум Дмитриям, Васяновичу и Белых, теперь обретет цвет.

– А киношники оживят картинку, и фильм готов?

– Киношники пока у нас учатся потихоньку, шаг за шагом. Михаил Гармс ответственный за камеру. Что-то снимают: сюжеты, ролики, презентации...

А вообще студия – это одно целое, помощь и взаимовыручка. Руководитель – это все мы, каждый из нас без исключения.

– Четыре года – это много или мало?

– Порой одна строчка – это подвиг. Пять лет – это только начало. Пять лет – это первые главы истории. Каждая встреча – открытие, учёба, подарок и мотивация. Это и новые имена, которых не один десяток. Имена уже известные и только зазвучавшие. Некоторые вы слышали, а некоторые ещё услышите!

Сергей Ночевой, Анна Желтоногова, Андрей Опекин, Елизавета Благовест, Мария Кириллова, уже упомянутые Михаил с Валентином, Оксана Коренева и Николай Мороз, Ирина Раимбекова и Татьяна Коробова, Виктория Галат и Владимир Чижиков и др. Здесь у нас и фантастические рассказы, и жесткий реализм, и притча, и сказки, и поэзия, и страшилки.

– На встречу-заседание, для учёбы и экспертного слова вы приглашаете уже известных в мире областной литературы гостей?

– Мы дружим со многими авторами области и не только. Гости, ставшие друзьями, которых ждём и которым искренни рады, и которые были не один раз, это и Лидия Шаркунова, дорогая наша и всеми любимая; и Никита Ноянов, друг, поэт из Братска; небезызвестный Константин Максимов, частый гость из Зимы; прекрасная Дина Фиалковская; замечательные Наталья Добаркина и Антон Макаров. Это и ангарские друзья-литераторы, их много, всех не перечислить. Дружим и со студиями-коллегами: «Азь-Артом» от Иркутского Дома литераторов, с клубом «У Сербского» и «Логосом» – это библиотека Сербского, город Братск.

Одна из составляющей любой студии – это дружба, обмен опытом, связи, которые помогают двигаться дальше, поддержка.

– Ваш лозунг – «Творить и вытворять»?

писал седьмую диктофонную запись – рассказ «Евангелие от Мымры», пообещав ещё через пятнадцать лет поставить точку в этой истории.

«Убить Мымру!» великолепно озвучена Дмитрием Васяновичем (Красноярск) под специально написанную музыку Дмитрия Белых (Иркутск).

Смотреть:

https://www.youtube.com/watch?v=bDIhMlgYebI&feature=emb_logo

– Шуточный, но в каждой шутке есть доля шутки (*смеётся*). Наш лозунг скорей «пиши то, что никто, кроме тебя, не напишет, и не забывай улыбаться!» Смех уж точно всё победит! А ещё, не бойтесь ошибаться и экспериментировать!

– 10, или давайте 50 лет студии «АЛО!» Такое возможно?

– Давай уже сто лет. Поспорим (*протягивая ладонь*) и посмотрим.

«АЛО!» ждёт всех любителей литературы, начинающих и давно сочиняющих, каждую четвертую субботу месяца в библиотеке №3 (на площади Ленина).

Страница студии «АЛО – Пишите правильно!» – https://vk.com/alo_pishite_pravilno

*Беседовал, и, как смог, записал, член студии «АЛО»
Владимир ЧИЖИКОВ (22 года, г. Ангарск)*

PS: С Игорем Николаевичем я не поспорил. И так ведь ясно, кто победит! :)

ЗИМИНСКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «1 ТОМ»

С конца советских времен в Зиме не было литературного объединения. Пишущие люди находили единомышленников на культурных мероприятиях. В конце нулевых появилось первое объединение, и в его рамках начали проводить такие же культурные мероприятия. Работники библиотеки устраивали для собравшихся «тематические встречи» – например, по творчеству Распутина, или по живописной природе Байкала. Диалоги на актуальные литературные темы не были нужны ни работникам, ни постоянным участникам. Молодежь долго не задерживалась – официоз навеивает скуку, а ей нужны доля свободы, дух современности, вовлечение в процесс, энергия жизни.

Возникла необходимость молодежного литературного объединения. Наконец, в 2021 оно было образовано и названо игриво, креативно – «1 ТОМ».

Формальные руководители – я и историк библиотеки Николай Шафронский – решили вести объединение, опираясь на живое общение и постоянный контакт. Благо, что со всеми остальными авторами мы были знакомы через участие в культурной жизни города.

На заседаниях, помимо текстов, мы вместе обсуждаем новости литературы и культуры, поскольку считаем современность приоритетом. Об истории говорим тоже в контексте современности. Учебную составляющую вынесли лишь как часть процесса – интернет забит лекциями и учебными материалами по теории, которые при желании можно посмотреть и законспектировать. Чрезмерный диктат авторитетов не уместен, не работает. Формальные руководители (на самом деле, ответственные постоянные участники) могут лишь помогать, рекомендовать, организовывать и, главное, выявлять таланты. В данном журнале опубликованы пять авторов из Зимы – Даниил Колодин, Виктория Кривицких, Наталья Макарова, Надежда Онищенко и я, автор статьи. Шафронский публиковался в предыдущих выпусках. Вот и весь перечень постоянных авторов лито «1 ТОМ», но он, конечно, будет расти. Уверен, что большинство пишущей молодежи даже не знает о существовании литературного объединения и пишет для себя, от вдохновения. Необходимо создать для них выход в общественную жизнь.

Поэтому молодежным литературным объединениям надо находиться во взаимосвязи, чтобы создавать для молодых авторов площадки, живую среду, способы общения. Публикация в журнале «Азь-арт» – плод

подобного взаимодействия. Спасибо. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Константин Максимов